

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЪ

4/2013

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Началась подписная кампания на 2-е полугодие 2013 года. Журнал «Искатель» представлен в каталогах: «Пресса России» — индекс 70424, «Почта России» — индекс 10922 и «Роспечать» — индекс 79029.

Во 2-м номере журнала «Детективы Искателя» читайте остро сюжетный роман Татьяны Косовой «Уютное преступление». Последний номер этого журнала (больше он выходить не будет) можно заказать, как и книги, в редакции.

НАБОР КАРТОЧЕК

**ПРАВИЛА
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
В ТАБЛИЦАХ
1—4 кл.**

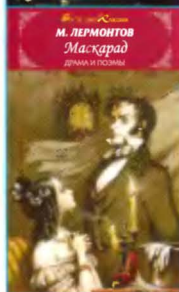
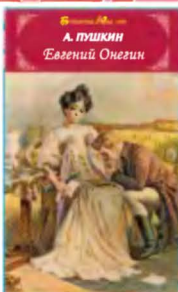
**НАБОР КАРТОЧЕК
31 шт.** ИСКАТЕЛЬ

**АВТОМОБИЛЬНАЯ
АЗБУКА**

**НАБОР
КАРТОЧЕК**

27 шт. ИСКАТЕЛЬ

Книги можно заказать в редакции или через сайт www.iskatel.net

ИСКАТГЕЛЬ

ежемесячный литературный журнал издается с 1961 года
4/2013

Сергей
САКАНСКИЙ

Павел
АМНУЭЛЬ

Владимир
ЛЕБЕДЕВ

3
ТАРАС БАЛАШОВ
повесть

137
«Я ВОШЕЛ В ЭТУ РЕКУ...»
повесть

182
**СФИНКС, НЕРАЗГАДАННЫЙ
ДО ГРОБА, ИЛИ ТАЙНА
СТАРЦА ИМПЕРАТОРА**
историческое расследование

(411) 2013

Главный редактор	Евгений КУЗЬМИН
Художник	Андрей СИМАНЧУК
Адрес редакции	127015, Москва, ул. Ново- дмитровская, 5а, офис 607
Телефон редакции	(495) 685-47-06
E-mail	real@iskatel.net office@iskatel.net info@iskatel.net art@iskatel.net
Сайт	www.iskatel.net
Телефоны для размещения	(495) 685-47-06
рекламы	(495) 685-59-01
Служба распространения	(495) 640-21-79
E-mail	mir_isk@orc.ru

Учредитель журнала
ООО «Книги «Искателя»
Издатель
ООО «Издательство «МИР ИСКАТЕЛЯ»
© «Издательство «МИР ИСКАТЕЛЯ»
ISSN 0130-66-34

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС77-35888
от 31 марта 2009 г.

Распространяется во всех регионах России, на территории СНГ и в др. странах.

Подписка проводится с любого месяца

Подписные индексы:

по Объединенному каталогу
«Пресса России» (карточная система)
70424 — на полгода
по каталогу «Почта России» (карточная
система) 10922 — на полгода

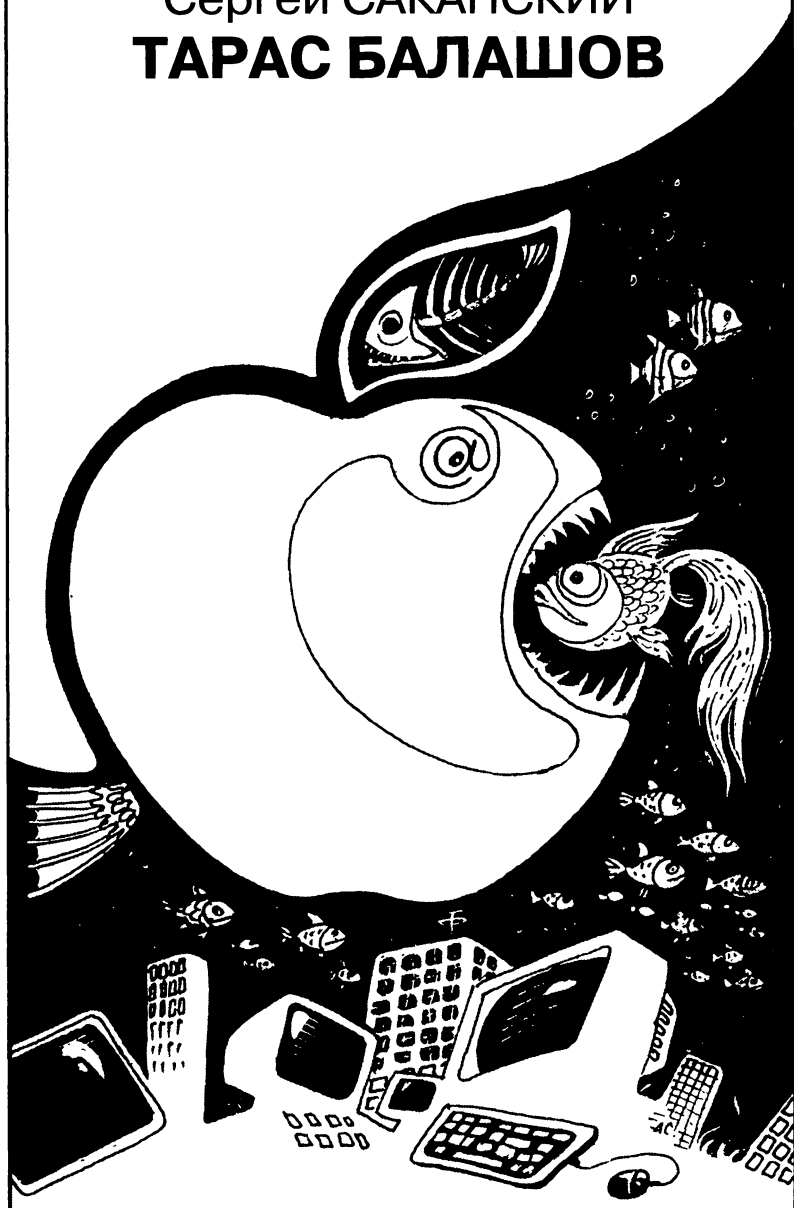
по каталогу
агентства «Роспечать»
(адресная система)
на полгода — 79029

ИСКАТЕЛЬ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Автор получает ответ только в случае,
если рукопись принята к публикации.

Сергей САКАНСКИЙ
ТАРАС БАЛАШОВ

Во всем, что ты сделала со мной, виноват только я...

Тарас Балашов

Это смерть, да, это может быть только смерть. Как же я умер, Боже? Что со мной произошло? Не помню. Рук не чувствую, ног. Нет меня. Нет меня всего. Но мысль моя существует. Значит, существую и я. Только вот существую — где? Тьма. Тишина. Я в гробу! Меня закопали живьем... Нет. Это — пространство, оно огромно. Сколько времени прошло — неведомо. Такое чувство, будто и времени больше нет. Я могу двигаться в этом странном пространстве, переворачиваться и падать. Вижу свет вдали, словно выход из пещеры... Это какое-то окно. Нет — экран. Ближе. Там девушка с опущенными глазами. Поднимает глаза, опускает... Машет длинными ресницами. Что-то делают ее руки за нижним краем экрана. Понятно. Там клавиатура. И я смотрю на эту незнакомую девушку через веб-камеру. Я — внутри.

1

В тот момент, когда Влад ударил по клавише ENTER, он и подумать не мог, что этим победоносным жестом зачеркивает всю свою прошлую жизнь. Теперь на сайте знакомств города Казани появился новый соискатель, можно даже сказать — воцарился, потому что спустя несколько минут на его странице выросла целая лента сообщений о том, что такая-то и такая-то пользовательница отметила и заценила его фотографию.

Фото, конечно, было с секретом: по замыслу сводников, создавших этот сайт, незарегистрированные видели только голову, а вот получить полный рост, где Влад, демонстрируя всю свою мускулатуру, красовался у ворот для мини-футбола с оранжевым мячом, могли только те пользовательницы, которые сами создали странички и разместили фотографии. Секрет был иезуитский: тот, кто ставил одну фотку, и видеть у других мог также одну. Две свои фотки поставишь — две у других увидишь, три — три и так далее.

Влад кликнул по именам пользовательниц, «полюбивших» его, и был обескуражен, потому что всё это оказались какие-то пожилые девушки, некрасивые. Вернувшись на свою страницу, он увидел еще семь новых пользовательниц. Они также оказались как на подбор страшные. Влад выключил компьютер и

улегся спать. Жена уже вовсю храпела. Кое-как устроившись возле ее горячей массы, он задумался о своей нелегкой судьбе.

Близость с этой женщиной закончилась во всех смыслах более пяти лет назад, когда она увлеклась астрологией и завела новых друзей, а вскоре — и любовника, эдакого бородатого, в длинном шарфе; Влад раз видел, как тот привез ее на красной «Мазде»... М-да. Машина остановилась у соседнего дома, для конспирации. Какое-то время стояла, никто не выходил. Целовались на прощанье, понятно. Потом Ленка выкатилась, словно гигантский апельсин. Она была в оранжевом пальто. Влад, чисто случайно оказавшийся в этот момент на улице, спрятался за дерево. В сущности, это и было открытием, что она завела мужчину. Иначе зачем останавливаться в отдалении, зачем две минуты сидеть, не выходя?

Влад стойко выдержал этот удар, вратарь. Когда Ленка, часто оглядываясь, скрылась за углом, из «Мазды» вышел бородатый и шуплый. Закинув выбившийся шарф на плечо, окропил собственное колесо. Почему-то Влад не подбежал к нему тогда, не завалил, не истоптал ногами: оставь мою жену!

Он просто устранился. Жил наедине со своей тайной. А теперь завел страницу на сайте знакомств. Уже второй месяц торчал там, иные ему нравились, он начинал переписываться, но красавицы все как на подбор оказывались дурами, а у любой недурь был какой-то физический изъян. Татарки ему нравились больше русских, но татарок на сайте было немного, и у всех столь высокий рейтинг, что он не решался соперничать с таким количеством сильных игроков... И вдруг — как с неба свалилась. Потрясающая, фантастическая девушка. Она не стала заигрывать, тыкать кнопку «мне нравится», а просто написала ему, что хочет встретиться, и чем скорее, тем лучше.

Запись она оставила в пятницу поздно вечером, Влад вышел на свою страницу в субботу утром и ответил, что да! — тоже хочет встретиться. Тогда не будем тянуть, немедленно отозвалась девушка. Завтра, на углу Калужской и Щорса — двух таких тихих, зеленых улочек, а совсем рядом — приличное кафе.

Влад ожидал, что девушка позвонит по мобильному номеру, который он указал, ждал и боялся этого звонка, потому что рядом могли быть жена или дочь. Звонка не последовало. Это и понятно: в своем сообщении девушка говорила, что предпочитает быстрые и решительные действия, сильные поступки и чувства.

Влад не успел опомниться. Слишком мало времени, чтобы

насладиться предвкушением, от которого у него замирало в груди. Даже постирать джинсы, чтобы высохли. И стирал он теперь себе сам: астрологиня занялась более важными делами. Впрочем, сушить можно на радиаторе в ванной.

Весь день он держал компьютер включенным, страницу незнакомки открытой, правда, загороженной другими, чтобы ненароком не заметили женщины. Часто присаживался и посматривал на фотографии или даже, проходя ненароком мимо стола, нагибался, дергал мышью и перешелкивал на деушку.

Это была высокая, стройная блондинка (89/61/91), почти совершенство размеров, отличающихся от эталона на какие-нибудь сантиметры. Рост ее и вес также были указаны в таблице и также имели лишь легкое искажение чисел — 169/68.

Влада не насторожили ни мысль о том, что все эти числа могли быть просто придуманы, ни какая-то неуловимая странность во всех трех фото: то ли цвета какие-то особые, то ли еще что...

Воскресенье, встреча назначена на десять утра. Значит, незнакомка (звали ее Наталья) намеревалась провести с ним целый день. Он продумал программу: сначала в кафе, потом — покататься на катере. Вечером — ресторан. Возможно, она пригласит его к себе. Или он ее пригласит — в гостиницу.

Увы, все получилось далеко не так. Уже стоя на углу и вглядываясь в лица женщин, идущих по той или другой улице, заглядывая, какого цвета платье будет на ней или там — юбка, брюки, он наконец понял, что странного было в тех фото: одежда. Наталья была одета, будто в старом кино. Девушки уже давно не носили таких водолазок с широкой горловиной, таких круглых воротничков... Точно! И эти блеклые цвета он вспомнил. На старых фотографиях, еще не цифровых — пленочных, да и пленка тогда была отечественная, и перед его глазами тускло высветилось его собственное фото, сделанное в ателье: он маленький, в коротких штанишках, а рядом — мама. Именно эти цвета.

Однако размышлять по этому поводу уже не было времени.

2

Очнувшись, Влад без особого удивления обнаружил, что лежит на откинута сиденье того самого джипа, который теперь несется неизвестно куда. Что это именно джип — было ясно по размерам кабины и высоте окон, что это тот самый джип — также ясно, поскольку именно в джип его затолкали двое незна-

комых парней, оборвав на полуслове волнение мысли об одежде и цветах. Просто подъехал к нему вплотную какой-то джип. Двое из него вышли, обступили, спросили:

— Ты Влад?

Надо было сказать: нет, я Гриша, я Петя, я Сережа!

Потому что в ту же самую секунду он понял, что никакой девушки нет и не будет, а интернет-знакомство было просто-напросто ловушкой.

— Влад, — все же ответил он, и его тут же скрутили с явно профессиональной ловкостью и сунули в джип. Ладонью на голову надавили, как это делают полицейские в кино.

Он видел через затененные стекла: никто из прохожих не заметил инцидента. Или сделали вид, что не заметили. Он попытался вырваться, двинул одного локтем, замахнулся на другого, но тот ушел от удара, в то время как первый пшикнул ему в нос из баллончика. Как-то неторопливо пшикнул, по-хозяйски, будто тараканов морил.

Это и было его последним воспоминанием в прошлой жизни. Правда, он еще не знал, не думал в тот момент, как очнулся, чувствуя на запястьях наручники, что это рубеж, что с прежней жизнью покончено навсегда. Да и с самой жизнью, может быть, вообще.

3

Город остался позади. Влад пришел в сознание, когда голову бросило влево на крутом вираже развязки. Машина выехала на трассу М-7 и понеслась так, что от ускорения его вдавило в спинку кресла.

За окном замелькали березы. Лента шоссе перевалила через увязь путей товарной станции, плавно потекла над Волгой, вращающей в дождевой дымке свои отмели и острова.

По фарватеру шел прогулочный катер — призрак того самого судна, на котором Влад намеревался катать сегодня мифическую Наталью.

Стойки перил мелькали с бешеной частотой, из-под моста вывернулась моторка, запрыгала на волнах, поднятых прогулочным катером. Всю свою жизнь Влад мечтал купить катер или хотя бы вот такую легкую лодку... Он подумал, похолодев, что теперь уже, может статься, никогда не исполнит этой мечты.

— Зачем вы... — проговорил Влад пересохшими губами, — меня...

— Не знаю, — ответил Лысый. — Бывает, что задолжал кому.

— Это невозможно! Никак невозможно, — сказал и повторил Влад. — Я никогда не занимался никаким бизнесом. Я простой человек. Бедный человек. Работаю менеджером. Младшим. В автосалоне. Там, конечно, можно наварить левака, но... Это, скорее, чаевые...

— Разберутся, — оборвал его Полностью лысый.

Он так и называл мысленно этих двух парней: за состояние их «причесок». Они вяло переговаривались, замолкая порой надолго. Машина неслась на ровной скорости по автобану.

— Замри, что ли? — миролюбиво предложил Лысый, когда Влад опять попытался заговорить, комментируя какую-то дорожную ситуацию.

— Я бы тебе с кайфом в торец дал, но сказали, что хлебальник портить нельзя, — флегматично добавил Полностью лысый. — И ни один волосок не должен упасть с твоей головы.

Лысый хихикнул, отпустил руль и провел ладонями по голове, будто приглаживая несуществующие волосы.

— И вот еще что, — проговорил он, не оборачиваясь и уже угрюмо глядя на дорогу. — У тебя есть жена и красавица-дочка. Вспомни о них, если захочется буянить в пути.

— Это значит — что? — спросил Влад.

— Это значит — всё.

Полностью лысый, который сидел рядом, достал маленький ключ из кармана жилета и, поведя ключом в воздухе, сказал:

— Я браслеты-то сниму, договорились?

Влад молча протянул руки. Мысль устроить шум где-нибудь на заправке уже перестала тревожить его.

В этот момент у Лысого зазвонил телефон. Выслушав говорившего, он кивнул, будто тот мог его видеть, и это бессознательное подобострастие говорило о том, что звонит человек очень важный, возможно, сам начальник.

— С тобой хотят побеседовать, — сказал Лысый, протягивая трубку через плечо.

— Со мной? — с удивлением воскликнул Влад, автоматически перехватывая телефон.

Мягкий, что называется, бархатный голос спросил:

— Как тебя зовут?

— А тебя? — с неожиданной дерзостью ответил Влад аналогичным вопросом.

— Спрашиваю я, а отвечаешь ты, ладно?

— Ладно, — сказал Влад, понимая, что ему на самом деле все равно, как зовут телефонную трубку. — Я Влад.

— Очень хорошо, Влад. Ты родился и вырос в Казани, да?

— Да, где ж еще?

— Черт! Секундочку... — На другом конце связи, неизвестно, в каком конце страны, тихо щелкнул переключатель, и голос продолжил: — Ты помнишь какие-нибудь стихи?

— Стихи?

— Да. Считалочку какую-нибудь.

— Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана! — выпалил Влад.

— Не месяц, а немец.

— Разве? Мы играли с месяцем.

— Хорошо, пусть месяц. А дальше?

— Буду резать, буду бить! Все равно тебе водить.

— Ладно. — Снова послышался щелчок и гудение — таким высоким тембром обычно фонит сценическая аппаратура, и Владу пришла в голову безумная мысль, что разговор транслируется где-то — по радио, что ли...

Он покосился на похитителя, сидящего рядом. Полностью лысый, казалось, также недоумевал, слыша здешнюю часть разговора.

— Вот что, Влад, — сказал неизвестный. — Слушайся моих ребят, хорошо?

— Я слушаюсь, — сказал Влад.

— Вот и славно! — На этом разговор прервался, Влад вернул трубку, Лысый взял ее через плечо.

В машине установилось молчание, какое-то тягостно-недоуменное. Было ясно, что эти двое действительно не полностью в курсе дела, в котором принимали участие, отчего это дело становилось еще более важным, более, соответственно, опасным.

4

День перевалил за середину. Самым ярким впечатлением путешествия был кратковременный полет джипа над Окой.

— Я хочу есть, — заявил Влад.

— Да и нам пора, — весело отозвался Лысый.

Проехав Нижний насквозь, остановились в придорожном кафе. Лысый вышел и принес пакет с едой. Был какой-то момент, когда Влад почувствовал у себя под боком ствол. Это полицейский ходил вокруг машины, пока стояли у кафе, проверял документы. Влад понимал, что оба его спутника должны доставить его куда-то живым, но позвать на помощь не решился.

Почему, собственно, почему? Отчего не забился в салоне машины, не заорал, вскидывая руки?

Это был не только страх. Чувство стыда перед своими похитителями, что он, сильный мужчина, сейчас заголосит, как баба. Чувство достоинства. Чувство — как это ни было странным в подобной ситуации — любопытства.

Отъехали и молча перекусили на обочине. Движение продолжилось.

— Я хочу в туалет, — заявил Влад.

Лысый, который был теперь за рулем, молча переключил передачу. Машина съехала на обочину. Владу было уже давно ясно, по самому маршруту, что они едут в Москву, но теперь он уже точно это знал, рассмотрев номер машины. Московский. И сам джип хорошо разглядел: Nissan Terrano, 2006-го года.

Может быть, это просто-напросто спецслужба? Что, если он на кого-то похож и ему надо сыграть некую роль в большой игре шпионов? Неспроста ведь «хлебальник портить нельзя»...

Влад напряженно думал, уставившись в уже вечернюю темноту за окном, где среди далеких огней какой-то мирной деревни под купами старых лип маячило его призракное лицо — его хлебальник.

Там живут самые обыкновенные люди, такие же, как и он... Его вдруг унесло в какую-то дивную мечту. Он увидел себя в далекой стране, среди пальм. Вот он сидит в открытом кафе на берегу океана и «потягивает», как пишут в книжках, прохладительный напиток из соломинки. На нем широкополая шляпа — сомбреро. Он ждет резидента, или кого там? Хочется выпить, но нельзя: он должен играть особую, опасную, очень важную для государства роль...

Влад вдруг содрогнулся от произвольной мысли. Кто сказал, что эту роль он должен сыграть живым? Может быть, спецслужбе просто нужен труп с его лицом?

Да и кто сказал, что тут замешана спецслужба? Не похожи эти люди на агентов, скорее — бандюки. И вот, какому-то вороте приспичило скрыться. Сам он уедет далеко, на кокосовые острова, а тем, кто заказал его, подбросит якобы свой труп.

Ведь ничего не делал, ни во что не ввязывался — просто дал объявление на сайте знакомств. Очевидно, некто заметил его фотографию в интернете и его внешность подошла для каких-то целей. Вот и заманили его образом Натальи.

Это была не просто красивая девушка, а девушка его мечты. Именно эти признаки и перечислил он на сайте знакомств: рост не менее 160 см, блондинка, светлые глаза.

Но странное дело... Ведь если бы его грамотно хотели заманить, то уж наверняка бы не прокололись с одеждой фальш-модели... Что-то не то... Владу вдруг полезли в голову какие-то невообразимые мысли, будто из фантастического романа, недавно читанного. Девушка была одета явно по моде ретро.

Он стал думать о каких-то перемещениях во времени, приключениях, связанных с образом прекрасной незнакомки, об особой своей миссии: дескать, его выбрали для того, чтобы забросить в восьмидесятые, и он должен там совершить поступок, меняющий ход истории. Вот он идет по улице, кругом какие-то советские лозунги, которые он едва помнил из детства, навстречу толпа школьников в пионерских галстуках, вот очередь за пивом, но выпить нельзя, потому что сегодня — миссия... Да уж! Перемещение было явным, только не во времени, а в пространстве, и все это весьма прозаично.

Дважды пролетели Клязьму — во Владимире и в Ногинске. Это совсем незнакомая ему река. Маленькая. Плыть по ней на катере не хотелось... Вот и Москва, кольцевая дорога, проносятся светящиеся указатели: уже совсем ночь. Вот почему «Наталья» назначила свидание утром. Чтобы ее неудачливого свиданта доставили в Москву не слишком поздно.

5

Нет, в столицу они не въехали: оттолкнулись от нее, словно от огромного шара, пронеслись скользком по кольцевой и вновь удалились в область. Дачная зона, высокие сосны и ели. Тихая узкая шоссейка среди глухих заборов, за которыми светились коттеджи. Что-то вроде санатория: большие темные окна. Мелькнула табличка, Влад уловил золоченую надпись «Институт....» Какой именно — неразборчиво в темноте.

— Приехали, — прокомментировал Лысый скрип рычага ручного тормоза.

Вышли наружу, вошли в здание. Рабочий день в институте давно закончился. Охранник молча пропустил их, разомкнув электронный замок вертушки. В коридорах горел тусклый зеленый свет, пахло, как в больнице... Влад начал испытывать тревогу: уж не какие-то медицинские эксперименты с ним тут затеяли?

Вошли в один из кабинетов. Там действительно сидел человек в белом халате. Он поднял голову и с любопытством посмотрел на него. Влад огляделся. По правой стене размещалась аппаратура: целая батарея компьютерных системных блоков,

несколько мониторов, как в центре дальней космической связи... Слева стоял операционный стол.

— Нет! — пятась, воскликнул Влад, но его крепко схватили с обеих сторон.

Он попытался лягнуться, но опытный бандюган уже блокировал его ноги своими. Только не это! Как же он сразу не понял? При чем тут его лицо, внешность? Его просто распластают на органы, только и всего! Какому-то уважаемому человеку понадобилась печень...

Меж тем доктор спокойно подошел, брызнул фонтанчиком из шприца и всадил иглу Владу в плечо. Последнее, что он помнил, было его собственное судорожное движение головой и чувство стыда — от того, что он, как баба, пытается укусить колющую руку.

Очнулся снова в машине. Все было точно так же, как на подъезде к Москве по трассе М-7, только теперь мимо неслось, судя по указателям, Ярославское шоссе. Версия о печени, которую некий мафиози пропил на мартини, прожрал на язычках колибри, отброшена. Владу в его забытьи как раз и снился этот человек, будущий хозяин его печени, пьющий мартини под сверкающей люстрой шикарного ресторана...

И сколько времени прошло? Влад огляделся. Его мучители сидят на тех же местах. Темно. Вряд ли это уже следующий день. Все та же ночь. Что они сделали с ним в этом медицинском институте, какую операцию?

Влад пошевелил кистями: руки работали, ноги тоже. Нигде никакой боли.

— Не парься, мужик, — сказал Лысый. — Все с тобой в порядке. Просто был медосмотр, только и всего.

— Под наркозом?

— Ага. Это чтоб ты не трепыхался.

Свернули с шоссе и плавно влились в поток кольцевой автостреды. Лысый извлек на свет и щелкнул в воздухе узкой полоской ткани.

— Такова инструкция, — с деланной грустью вздохнул он.

Влад смиренно позволил завязать себе глаза: шпионская составляющая триллера вновь вышла на первый план.

В полной темноте безглазья он пытался считать плавные изгибы дороги, всем телом чувствуя силы инерции, но вскоре понял, что это всего лишь маневры джипа при перестройке из ряда в ряд. Съезд с кольцевой был все же чувствителен, но вот понять, на какой из московских радиантов они вышли, Влад не

мог даже приблизительно: машина, огибая столицу с севера, могла пройти любое возможное расстояние. Далее чувствовались прямые, изгибы и повороты, затем — частое вилянье. Что-то вроде контрольно-пропускного пункта, где явно открывали шлагбаум.

Вот он, секретный объект! Значит, догадка была верна: волею случая он оказался похожим на кого-то, чью роль предстоит сыграть. При чем же тут Наталья? Возможно, играть придется на пару с красивой женщиной. Меж соратниками не должно быть личных отношений, они даже подпишут определенные обязательства, но... Долго они будут бороться со своими чувствами, пока наконец чувства не победят их. Да, именно так, думал Влад, когда его спустили по лестнице и вели явно уже подвальным коридором. Врагов-то они победят с красивой, спортивной соратницей, а вот чувства...

— А что ты с него повязку не снял? — раздался в ночи голос Лысого.

— Да забыл просто, — ответил Полностью лысый, освобождая зрение Влада от пут.

Свет показался нестерпимо ярким. Когда восприятие восстановилось, перед глазами предстала картина настолько зловещая, что Влад непроизвольно сглотнул и оглянулся, как бы вопрошая: не мерещится ли ему все это — именно по той простой причине, что еще не привыкли к свету глаза?

Они находились в сводчатом подвале. Стены были сложены из массивных каменных глыб. Прямо перед ним стояло старинное деревянное кресло, в его спинке были натканы острые колышки, с подлокотников свисали медные дуги. Не было никакого сомнения в том, для чего предназначается такое кресло.

6

Влад пошатнулся, почувствовав, что реальность перед глазами желтеет, плывет. Ему казалось, что он видит и то, что происходило в этом кресле века назад, и то, что произойдет совсем скоро.

— Это музейный экспонат, — сказал Лысый.

Он подошел к креслу и лязгнул медной дугой, которая ладно вошла в паз на подлокотнике.

— Вот сюда, — сказал он с наигранной важностью в голосе, — вставляется рука. Затем, — он принялся крутить барашек, похожий на огромный ключ, — червячная передача подает к руке пластину с шипами.

— При необходимости под креслом можно развести огонь, — добавил Полностью лысый. — Впрочем, тебе бы надо немного отдохнуть с дороги.

Владу казалось, что он не сможет двинуться с места, но его подтолкнули. Следующая комната, отделенная от камеры пыток массивной железной дверью, также антикварного вида, выглядела как обычный обезьянник. Когда скрипы и шаги стихли, Влад тяжело опустился на нары. Героический шпионский боевик превратился в зловещую криминальную драму. Вот оно! Им и вправду нужен труп с его лицом. Но не просто труп, а изуверченный, со следами истязаний. Которые ему устроят еще при жизни, конечно.

Извини, друг. Это просто работа. Ничего личного.

Какое мне дело, что ничего личного! Почему так всегда говорят убийцы в кино? Можно подумать, что жертве важно, есть ли у них к ней что-то личное или нет...

Влад просидел неподвижно, наверное, с час.

Ведь он вполне мог убежать в дороге, кинуться к полицейским, просто заорать во всю глотку, а на остановках вокруг было полно людей. Убежать, скрыться. Не видеть этого кресла. А с бабами — пусть делают что хотят. Да если бы он знал, что ждет его здесь! Убоялся бы ли он шантажа, расправы с семьей?

Какая дикость! Прожить целую жизнь, стремиться к успеху, переживать, чувствовать, и все это лишь для того, чтобы стать манекеном в чьей-то чужой игре. И только потому, что лицом он оказался похожим на кого-то, вписался в систему, на самом деле — оказался не там и не в то время. Где — не там? В инете, на сайте знакомств.

Когда со стороны двери раздался тяжелый металлический звук, Влад с ужасом подумал, что это уже готовят к работе кресло... Нет. С таким звуком просто-напросто открылась сама дверь.

Вошел Лысый, за ним — Полностью лысый, далее — какой-то маленький, шуплый, серенький человечек лет около пятидесяти.

Бандиты встали по обеим сторонам двери, словно стражники. Человечек придвинул к себе стул и сел на него верхом. Рассматривал долго лицо Влада, молчал. Затем, не оборачиваясь, сделал своим людям знак. Те вышли, оставив, однако, открытой дверь. Было ясно, что они заняли позицию в комнате с креслом, готовые прийти на помощь хозяину, если Влад рискнет наброситься на него.

Что если так и сделать? — подумал он. Схватить человечка, зажать в клещи, крикнуть его дуболомам, чтобы открыли дверь на волю, иначе он свернет ему шею! По всему видать, что человечек — главный, что жизнь его очень и очень ценна, а ему, Владу, которого привезли сюда за тысячу верст, чтобы посадить в кресло, терять нечего.

— Расслабься, — сказал Хозяин, как Влад мысленно окрестил его, с большой буквы. — Я знаю, о чем ты подумал. Ничего не выйдет: слишком много людей в этом доме начеку.

Это был тот самый бархатный голос, что слышал Влад в телефонной трубке.

— Зачем все это? — спросил Влад, взмахнув ладонями. — Зачем?

— Все будет хорошо. Никто не причинит тебе вреда, если поведешь себя правильно. И первый принцип правильного поведения: не задавать фундаментальных вопросов. Договорились?

Влад кивнул.

— Вот и хорошо. Тебе предстоит некая миссия. Несмотря на то, что ты был вовлечен в нее без согласия и даже без предупреждения.

Хозяин встал, прошелся по комнате. Продолжил:

— Тебе будут уплачены большие, очень большие для тебя деньги. Ты всего лишь должен прожить какое-то время в Москве.

— Зачем? — автоматически спросил Влад, понимая, что это как раз и есть...

— Фундаментальный вопрос, — подтвердил Хозяин.

Влад молчал, хотя на языке вертелось множество других фундаментальных, например: а меня потом не убьют? Не посадят в кресло? И что означал этот «медосмотр»?

— Не волнуйся, — сказал Хозяин. — Все это безопасно и выгодно. Кроме того, это легко и даже приятно. Я не собираюсь держать тебя в подвале. Ребята отвезут тебя в город. Ты будешь жить в обыкновенной квартире. Думать о своей жене и дочери. С которыми тебя в очень скором времени ожидает счастливая встреча.

7

Влад думал о них и по дороге в город, и в той квартире на первом этаже старой кирпичной пятиэтажки, куда его привезли.

— Располагайся, — сказал Лысый. — Твое шконка в другой комнате.

Он уже отвалил мягкую панель широкой раскладной кровати и бросился на нее, не снимая ботинок.

— Сегодня мы останемся здесь, — добавил Полностью лысый, затем тоже улегся на эту кровать и поерзал плечами, чтобы подвинуть товарища.

— Не потому, — добавил тот, — что не доверяем некоторым. Ясно дело: некоторые никуда не сбегут. Думай о своих родичах, как тебе уже сказали, и усни счастливым.

Влад и вправду ни на минуту не переставал думать о них. Что-то в этом роде...

А что если правда? Убежать, скрыться. А их — пусть калечат. Эту злобную бесстыдную девчонку. Которая ненавидит своего отца. Которая неграмотна, не умеет читать, смысл жизни которой только в сексе и чревоугодии. И старшую шлюху туда же! Которая предала его с другим. Не просто изменила. Но высмеяла его перед ним... Точно — высмеяла, потому что — кто он такой? Не носит длинного шарфа. Не мочится на колесо собственной «Мазды».

Он думал и стыдился своих мыслей. Как он вообще мог думать такое? Ведь он на самом деле этого не хочет, правда?

Он ясно увидел лицо дочери, Ксюши, ее острый красный язычок, когда она демонстративно облизывала пальцы после еды, чтобы утвердить себя: вот, я такая, папаша, мы теперь все такие. И матерится она демонстративно, из самоутверждения. Читать, конечно, умеет, имейлы и эсэмэски, но только не книги. Читать — значит понимать прочитанное.

Он представил также свою неповоротливую, неуклюжую, не с первой попытки закидывающую шарф на плечо — пусть уже чужую любовницу, но все же жену. С которой разделил много лет жизни.

И вот этим двум, пусть не самым лучшим существам, делают больно... Очень больно, подумал, вспомнив музейное кресло. Из-за него.

Влад сидел в отведенной ему комнате, на кровати — довольно узкой, одноместной, явной кровати холостяка. Осматривался.

Обычная комната, обычная квартира. Ухоженная, не запущенная. На окнах решетки, потому что первый этаж. В другой комнате эти двое, к наружной двери не пройти. Сегодня, сейчас все равно отсюда не сбежать...

Снилась мечта. Он распахивает дверь автосалона на Объездной, пацаны с удивлением поднимают головы. «Ты чего пришел? — говорит Равиль, гендиректор. — Иди в бухгалтерию. Тебе там расчет дадут. Все по-честному. Но на твоём месте уже

трудится другой человек. Сколько ты гулял? Две недели? Пять?» Влад: «Да я по другому вопросу. На расчет пусть пацаны в “Салавате” пивка попьют. Мне б это... Я “Фордик” хочу купить. Как сотруднику — со скидкой, можно? Хоть и бывшему. Пропадашему без вести».

Тут он и проснулся. На улице был ветер. За окном, за решеткой волновалась рябина. Гроздь крупных ягод, сейчас еще зеленых, умудрившись застрять меж прутьями решетки, постукивала по стеклу. Вот почему Равиль во сне нервно барабанил пальцами по столешнице, оглядывая дорогой костюм новоявленного Влада.

Пропавший без вести. Как на войне. Хотя и в мирное время случается такая формулировка: в последние лет двадцать — особенно часто.

Влад сел на кровати, задумался. Так много людей пропадают без вести, но пропадают — куда? Не есть ли он сам один из них?

В передней комнате уже не спали, Влад прислушался к разговору. Гангстеры говорили негромко. Они не ведали секрета этой перестроенной хрущобы, а именно: перегородка между двумя смежными кладовками была удалена, за счет чего образовался большой чулан, не имеющий дверей, а просто отделенный от обеих комнат портьерами. Разговор был следующий...

— Знаешь, что мне не нравится? Босс не сказал, кто из нас будет начальником охраны.

— Какой охраны?

— Казанского гостя.

— Его вообще не надо охранять. Он не сбежит.

— Я не о том. Кто отвечает за его безопасность — ты или я?

— Зачем безопасность?

— А ты забыл про волосок?

— Какой еще волосок?

— Которых у нас с тобой нет. Чтобы ни один волосок с его головы и так далее.

— Я думал: это чтобы мы его не помяли.

— Да? Так ты думал? Умный ты.

— Да уж.

— А ты не расслышал, что он сказал потом?

— И что.

— Он сказал: Москва — сложный город.

— Ну и?..

— Не понимаешь. Не можешь посчитать очки одной масти.

— Это-то я могу.

— Чтобы ни один волосок — раз, первая карта, красная десятка. Москва — сложный город — два, червонный туз. Это значит, что босс назначил нас охранять его снаружи, а не изнутри.

— Босс всегда говорит фигурами.

— Правильно. И продвигается тот, кто умеет эти фигуры читать. Ладно... Пора будить братишку.

Влад медленно, чтобы не скрипнуть, опустился на кровать. Перед тем как закрыть глаза, чтобы притвориться спящим, он увидел, что портьера кладовки еще колышется, но вошедший в комнату Лысый либо не заметил этого явления, либо решил, что оно вызвано движением воздуха, которое произвела пинком распахнутая дверь.

Подслушанный разговор многое объяснил. В частности, безусловную ценность Влада для этих людей, для того или тех, кто стоял за ними. Кресло было всего лишь декорацией, наркоз — самым настоящим медицинским исследованием. Вряд ли это конвейер, через который прошло множество людей. Влад точно знал, что идет первым и единственным. Об этом говорило некоторое неведение его сопровождающих. Влад решил плыть по течению. Не важно, какую миссию ему предстоит выполнить. Главное, что для этой миссии он нужен живым.

8

Весь день они провели в разъездах, так или иначе прорезая столицу. Цель поначалу была простая: выбрать для Влада готовую одежду и заказать парадный костюм. Еще заехали зачем-то в фотосалон и сняли его «хлебальник». Внезапно оказалось, что костюм может быть готов уже к вечеру: ателье срочного пошива работало на каких-то продвинутых технологиях.

— Опять пилить в Измайлово, сидеть там весь день... — с грустью протянул Полностью лысый.

— Москву посмотреть хошь? — оглянулся Лысый, который в тот момент был за рулем.

И они двинулись. Начали с Красной площади. Проехали мост через реку, необычайно мутную и, казалось, никуда не текущую. Остановились перед собором, который был сооружен в честь взятия Казани: земляки ревностно любили этот собор и считали «своим».

Один из бандитов остался в машине, другой сопровождал Влада мимо Кремля. Влад поначалу подумал, что они будут возвращаться, и смотрел невнимательно, но оказалось, что машина ждет уже с другой стороны площади.

Заехали в какой-то кабак, пообедали. Охранники пили лишь пиво, но с удовольствием смотрели, как пьет Влад. Ему вдруг стало их жалко: оба парня теряли волосы, и брить головы начисто был самый приемлемый способ для них скрыть голые лбы и затылки.

— А сверху хочешь? — вдруг подмигнул Лысый.

— Как это — сверху?

— В Останкино, — распорядился он, и Полностью лысый, который теперь был за рулем, сорвал с места джип.

В ресторане на высоте выпили по бокалу чего-то очень дорогого и вкусного.

— Кампари, — пояснил один из бандитов, Влад даже не понял, кто из двоих...

Совсем уж смутное воспоминание, когда его крутили перед зеркалами в новом темно-синем костюме, и его образ разделялся на три.

— Забираю на хранение твой паспорт, — сказал Лысый, засовывая документ себе в карман, когда они уже вернулись на квартиру.

— Зачем?

— Откуда мне знать? — чуть ли не с возмущением сказал он, продолжая рыться в кармане. — Босс так распорядился. А тебе — вот, — он вытащил наконец кольцо с ключами. — Можешь поразмяться, вокруг походить. В центр не советую. Ты ж у нас теперь кто?

— Человек без паспорта, — многозначительно подхватил Полностью лысый.

Однако поразмяться он не успел. Едва проснулся наутро, принял душ, осторожно покручивая разболтавшиеся вентили, как в замке завоzilось и, накручивая на пальце точно такое же кольцо с ключами, вошел Хозяин.

Кивнул, проходя мимо растерянного Влада, босого, в халате, скривился, будто увидел в комнате труп. Сел за стол, автоматически стряхнув ладонью на пол кипу каких-то журналов, небрежно раскрыл на столе небольшой компьютер, затем извлек из пластикового футляра черный прибор размером с пачку сигарет и расположил его на столе. Повозился с кабелем, подключая прибор к компьютеру. Влад понятия не имел, что это может быть, но вопроса не задал — именно потому, что Хозяин по-сма-тривал на него, возясь с прибором и явно ожидая, что он по-любопытствует. Не по-любопытствовал.

Влад подобрал журналы и аккуратно уложил на диван, где в

первую ночь спали те двое. Хозяин, как показалось, одобрительно посмотрел на него за этот рачительный жест. Или за то, что Влад не выказал на сей раз запрещенного любопытства. Сказал:

— Сядь так, чтобы видеть экран.

Влад повиновался, вместе со стулом переехав на другую сторону стола.

— Значит, так. Сначала — стихи. Этот файл лежит на рабочем столе, — говоря, Хозяин вызвал на монитор и быстро прокрутил недлинную вереницу стихотворений.

— Опять считалочки? — пошутил Влад.

— Нет, — Хозяин посмотрел на него строго, будто и впрямь учитель. — Это серьезно. Прочитай. Выучи наизусть несколько куплетов. На выбор, те, что тебе понравятся. Понятно?

Влад кивнул: надо так надо.

Хозяин пощелкал мышью, вызвал в интернете какую-то страницу.

— Тебе знаком этот сайт?

Влад покачал головой.

— Теперь уже знаком, — сказал Хозяин. — Это называется «Проза-ру». Очень большой сайт. Здесь каждый, кто пожелает, может опубликовать все, что пожелает. Никто его не редактирует, не определяет, плохо это или хорошо... Ага. Вот и Тарас Балашов. Пятьдесят небольших рассказов. Ты должен не просто прочитать эти рассказы. Ты должен очень хорошо их знать — так, будто бы ты сам их и написал. Сделать это надо сегодня же.

Влад с удивлением посмотрел на Хозяина:

— Вы доверяете мне компьютер с выходом в интернет?

— Да, ну и что?

— Но ведь я же могу...

— Что ты можешь? Если бы ты хотел убежать, то убежал бы еще вчера. Связаться с родными? Не советую. Что ты придумаешь? Что тебя неожиданно вызвали в командировку? Жена могла объявить тебя в розыск. А могла и не объявить. Повторяю: ты получишь очень большие деньги. Возможно, когда они будут у тебя в руках, тебе и вовсе не захочется возвращаться домой.

«Откуда он знает? — думал Влад, когда Хозяин ушел. — Знает мои мысли, что я вовсе не горю желанием возвращаться в семью... Неизвестно, какие будут деньги». Он вспомнил вчерашний блеск, кампари, туманный город, медленно плывущий за окном ресторана телебашни. Можно остаться в Москве, снять квартиру, найти работу. Другую женщину...

Усевшись за компьютер, Влад первым делом по-хозяйски его

осмотрел — снаружи и изнутри. Это был типичный современный ноутбук, скорее, недавно купленный, возможно — купленный специально для него. Такой вывод можно было сделать, исходя из внутреннего содержания. Кроме Windows, антивируса и интернет-браузера, здесь был только Adobe Reader — читалка для файлов типа PDF. И больше ничего: никаких рабочих программ, никаких игр, кроме базового пакета Windows — пасьянс, сапер, солитер, червы... На рабочем столе — стихи, в «Моих рисунках» — только образцы рисунков, в «Моих документах» — один лишь файл. Вот для чего нужен Reader, понял Влад, поскольку это был как раз PDF-файл. Он кликнул на нем, открылась иконка с запросом пароля. Надо же! Один-единственный файл, и тот от него закрыт. Что там может быть? Впрочем, пора было заняться делом...

Влад прокрутил стихи и даже не понял, о чем они, не говоря уже о том, чтобы выбрать понравившееся. Правда, он не любил стихи вообще, то есть со школы их просто не читал, кроме каких-то частушек в газетах. Ну и сколько же куплетов выучить? Он остановился на трех.

Затем добросовестно прочитал в инете рассказы Тараса Балашова, все пятьдесят. Рассказы читать было интереснее, чем стихи: по крайней мере — понятные, короткие, иные — просто в один экран. Все это были какие-то страдания брошенного мужчины, без загадок и приключений, но почему-то хотелось читать и читать. Он не сразу понял, что именно влекло его в этой круговерти слов.

Секрет оказался простым, он сообразил это где-то на первой четверти массива. Рассказы влекли его тем, что будто бы перетекали один в другой: каждый последующий развивал конец предыдущего. Получалась вроде как книга. Мало-помалу Влад втянулся и дочитал ее уже с интересом и даже сожалением, что кончилась она. Впрочем, заканчивалась книга теми же словами, что и начиналась, будто образуя круг. Влад начал перечитывать, помня о том, что должен зачем-то хорошо знать эти рассказы. Он и представить себе не мог, что совсем скоро эту самую книгу возненавидит.

9

Ночью он вышел на свой почтовый ящик, никаких личных писем ему не было, только какая-то реклама. Да он вообще получал письма не часто — от одного армейского друга раз в месяц, да от сестры, которая жила в Прибалтике — по праздникам.

Набрал адрес сайта знакомств, где красовался с футбольным

мячом. Там появилось несколько новых «невест». Подумал было ответить, но удержался: если его объявили в розыск, разве может пропавший болтать с девушками?

Что вообще делают при поиске человека? Наверное, определяют, в какие социальные сети он входил, взламывают его аккаунты, равно как и почтовый ящик, в надежде на то, что какая-то информация, вроде всяческих угроз, отыщется там... Возможно, эти сети и организованы с целью вести учет и контроль над населением — кто знает, да и какая разница?

Хозяин появился на следующее утро, сел в кресло, взмахнув фалдами длинного пиджака, как пианист во фраке, и раскрыл на столе компьютер.

— Это будет вроде экзамена, — пояснил он, широкой ладонью указывая Владу на стул.

Тот сел, чувствуя на лице кислую улыбку.

— Ты прочел стихи и рассказы?

— Да, как и обещал.

— Ты их внимательно прочел?

— Как договаривались.

— Куплеты выучил?

— Три.

— Молодец. Прочитай-ка один.

— «В натальной карте третьего квадранта звучит протяжно: милую, о, Санта...» — начал Влад, но Хозяин поморщился, взмахнул ладонью, будто отгоняя муху:

— Хватит. Дурацкие стихи.

— И мне так кажется, — согласился Влад. — Только одно и понятно, что стихи посвящены Наталье.

— С чего ты взял?

— Ну, натальная карта какая-то...

— Натальная карта — это другое совсем. Из астрологии.

— Моя жена увлекается астрологией, — с грустью проговорил Влад.

— Как астрологией? — встрепенулся Хозяин.

На его лице отобразилось изумление — первая внятная эмоция, которую Влад увидел в этой непроницаемой, неподвижной маске. Он почему-то почувствовал себя виноватым, залепетал:

— Увлеклась вот... Ходит на занятия. Строит в компьютере какие-то круги.

Хозяин хохотнул:

— Круги, говоришь?

Влад не понимал, что могло так взволновать его.

— Эти круги — и есть натальные карты, — сказал Хозяин. — Вводишь данные человека: дату и место рождения, а программа строит его карту. По этой карте можно определить характер человека, предсказать его судьбу. Якобы можно...

— Якобы?

— Да все это чушь собачья! — неожиданно вскричал Хозяин. — Нет никакой астрологии. Надо быть полным кретином, чтобы думать, будто бы звезды, — он вскинул ладони, — могут как-то влиять на таких, как ты, — он глянул на Влада с брезгливым отращиванием.

— Да я это... — пролепетал Влад. — Вовсе не очень об этом задумывался.

— Какое еще влияние, если свет от них идет десятки и сотни лет, и мы видим звезды, которых, может быть, уже и не существует вовсе? Да ты хоть представляешь, что такое звезды?

— Шары, — уверенно ответил Влад. — Большие расплавленные шары.

— И ты туда же. Вот, на тумбочке лежит апельсин, — Хозяин ткнул пальцем в наполовину очищенный плод, оставшийся от братков. — Допустим, это Солнце.

— Как — солнце? — не понял Влад.

— Ну, представь, что это — Солнце, наша звезда. Ближайшая к ней звезда чуть больше, она вроде грейпфрута. Понимаешь масштаб?

Влад кивнул. Он, конечно, принял к сведению масштаб, но не понимал, что и зачем хочет сказать Хозяин.

— И как думаешь, на каком расстоянии грейпфрут находится от апельсина?

Влад пошарил взглядом по комнате, ясно представив этот грейпфрут где-то в дальнем углу.

— Там? — неуверенно спросил он.

— Нет. Немного дальше.

— Во дворе?

— В дыре! Грейпфрут от апельсина примерно в два раза дальше, чем твоя Казань. Так и живут в пространстве звезды. Где-то за Байкалом висит футбольный мяч. Это Сириус. Вот каков масштаб вселенной. Но никто из них этого не знает. Просто твою жену, как и многих женщин в наши дни, поел этот червяк...

— Какой червяк? — удивился Влад.

— Да так. Есть тут один червяк. Ест людей, словно яблоки и груши. Жену вот твою грызет изнутри. Ты ведь с нею в раздоре, как я понял?

- Вроде того.
- Не разговариваете, не спите?
- Давно.

— Что ж, может, оно и к лучшему... Продолжим. Каким видом спорта занимается Тарас Балашов? — вдруг строго спросил Хозяин, будто и впрямь начиная экзамен.

— Велосипедом, — рассеянно ответил Влад, поначалу делая вид, что включается в игру.

— Какая надпись на стене дома, где жил Тарас Балашов?

Влад не сразу сообразил, о чем речь, наконец вспомнил:

— Тарас из четвертой квартиры дурак, — сказал он.

— Правильно, дурак, — серьезно подтвердил Хозяин, и Влад вдруг подумал, вспомнив считалочку про месяца-немца, что перед ним просто-напросто безумец и игра должна быть самой серьезной.

— Какую музыку любит Тарас Балашов?

— Музыку «Битлз».

— Что делает Тарас под музыку «Битлз»?

— Под музыку «Битлз» Тарас занимается любовью.

Влад не выдержал и захихикал.

— Это правда смешно, — сказал он, будто извиняясь. — Этот ваш Тарас хотел написать «Битлз», но от волнения забыл переключить регистр, и у него получилось... — Влад не сумел вспомнить и произнести это слово.

Хозяин вскинул на него свои серьезные карие глаза.

— Это был бы мой следующий вопрос. Какое слово получилось у Тараса, когда он забыл переключить регистр? Это очень важно, Влад.

Будь перед глазами клавиатура, он мигом бы вычислил слово. Вроде там, где английская «b», стоит русская «и»... Влад вдруг почувствовал страх, будто «двойка», которую сейчас поставят ему за этот странный экзамен, будет невообразимо страшной...

— И-и... — протянул Влад и замолчал, с тоской глядя на своего экзаменатора.

Тот развернул ноутбук и двинул его по столу.

— Посмотри. Так ты лучше запомнишь.

Влад пробежал глазами по клавиатуре, виртуально выстукивая «Beatles», но читая при этом русские буквы.

— Иуфедуы! — произнес он, непроизвольно хохотнув. — Да зачем вам все это?

— Мы договорились, напоминаю, что ты не будешь задавать

вопросы. Пойми простую вещь. Я знаю, что надо делать. Я знаю больше тебя. Делай то, что надо, и все будет хорошо. А ты пока что делаешь не все, что надо. У тебя крайне мало времени. — Он встал и направился к выходу. — Прочитай эти рассказы еще раз. Завтра будет экзамен. Очень подробный. Двойка, если ты ее получишь, расположена в известном тебе подвале (Влад непроизвольно вздрогнул). Пятерка — это птица небесная.

Влад не держал экзаменов со времен техникума. Правда, еще были тесты по автовождению, но это совсем ерунда. Сложность текущего испытания была в том, что не существовало экзаменационных билетов и он не знал грядущих вопросов.

Теперь он уже ненавидел этого истеричного, сентиментального, нежного Тараса Балашова. О чем его спросят завтра? Сюжет романа был прост, точнее — его вообще не было. Герой, от лица которого велся рассказ, был поэтом-песенником: намекалось, что он — анонимный автор многих расхожих шлягеров, которые поет вся страна. Он работал на какой-то студии. На эту студию устроилась молодая женщина — композитор. Поэт влюбился в нее, и они стали встречаться. Затем она его бросила, и он принялся страдать, вспоминая счастливые дни, проведенные с любимой.

Влад прочитал роман еще раз. Какой марки велосипед у Тараса Балашова? Белорусский «Аист». Ответ неверный. «Аист» у женщины, а у Тараса — аж три велосипеда для разных целей, поскольку он мастер спорта и чемпион Москвы. Какой марки рояль у женщины, которая послала Тараса Балашова на фиг? «Шредер». Ответ верный. Какое дерево растет под окном Тараса Балашова? Рябина. Правильно.

К концу рабочего дня Влада сморил непреодолимый сон, он прилег на раскладной диванчик, и ему приснились невообразимо страшные двойки и пятерки. Двойки были из старого мультика, в виде черных лебедей, а вот пятерки, скорее, были родственны гусям, но что-то свиное маячило в их рылах, и Влад устрасился этих омерзительных существ, отчего и выскочил из сна...

Что-то тревожило его. Он посмотрел сквозь решетку на улицу. Только что прошел дождь, незамеченный им в скобках сна, в окне дома напротив отражалась радуга, светящаяся с другой стороны.

Влад надел новый джинсовый костюм, купленный ему вчера, новые же кроссовки и вышел. Обогнул дом и принялся рассматривать дерево, которое стояло под окном. Странное совпадение.

Вернулся, оглянув пятиэтажку сбоку, поглядывая на радугу,

которая выгибалась коротким фрагментом между соседними домами.

Стена, вдоль которой он шел, была сплошь мелко исписана. Это были и современные граффити, и нечто, сделанное, пожалуй, много лет назад. Среди этого нечто была крупная надпись печатными буквами, неуверенным почерком, с характерной для детей буквой Д без нижней перекладкины...

ТАРАС ИЗ ЧЕТВЕРТОЙ КВАРТИРЫ ДУРАК

Влад вернулся «домой», прошел, не разуваясь, к столу, сел. Первой его мыслью было немедленно бежать отсюда.

10

Итак, вне всякого сомнения, он находился в той самой квартире, которая была описана в романе Тараса Балашова. Что это могло значить?

Влад посмотрел страницу с содержанием романа. Там были указаны даты публикации отдельных глав. Даты почти десятилетней давности. Значит, некто Тарас Балашов писал не вымышленный роман, а просто рассказывал о себе. Именно в этой квартире, на двери которой стояла овальная табличка с цифрой 4, он и жил. Именно в эту квартиру зачем-то привезли Влада, выдернув его с угла Калужской и Щорса — двух тихих, зеленых улочек, расположенных за сотни километров отсюда.

Он нашел рассказ, где упоминалась рябина, перечитал его. Владу вдруг стало легко и спокойно на душе, впервые с момента его похищения. Как-то не вязалось все это вместе: рябина, несчастная любовь, «Тарас — дурак», кресло с шипами... Уже глубокой ночью, засыпая на холостяцкой кровати Тараса Балашова, он впервые за эти дни испытал чувство покоя. Никто его не убьет, не посадит в кресло. Он действительно выполнит какую-то миссию, связанную с образом писателя, затем ему щедро заплатят за работу и опустят восвояси.

Утреннее явление Хозяина подтвердило его мысли: тот вошел, что-то напевая под нос, и немедленно приступил к решающему экзамену. Он заключался в том, что Хозяин тыкал курсором в тот или иной рассказ Тараса Балашова и спрашивал, о чем это. Странного прибора, который был подключен к компьютеру вчера, на сей раз не наблюдалось.

— Ладно, пятерка, — сказал он наконец. — Теперь следующий, не менее важный этап.

Хозяин покопался в барсетке и небрежно бросил на стол красную пластину. Влад посмотрел: это был паспорт. Хозяин щелчком отбросил паспорт в сторону Влада, кивнул: дескать, возьми, посмотри. Влад взял паспорт и развернул. Вздрыгнул, потому что увидел свое фото, то самое, которое сделали позавчера в ателье. Рядом с фото чернела каллиграфически выведенная надпись: «Балашов Тарас Иванович».

Влад тупо уставился в свой новый паспорт. Выходит, его не только поселили в квартире этого писателя, но и предназначили саму роль этого писателя. Но как же он справится? Писатели представлялись ему какими-то непостижимыми существами. Ему придется вести себя как писатель, говорить как писатель...

— Но я не смогу! — вскричал Влад, — Неужели вы не понимаете, что я, простой менеджер, продавец просто, смогу представиться Тарасом Балашовым? И где, кому?

Влад даже попытался вскочить с места, но Хозяин мягко положил руку ему на плечо. Сказал:

— Все у тебя получится. Скажи мне, дорогой... — Хозяин посмотрел на Влада с какой-то неясной хитростью. — Тебе понравилась та женщина?

— Какая? — произнес Влад, хотя и догадался, о ком он говорит.

— Не валяй дурачка. Та, на свидание с которой ты пошел, когда тебя взяли.

— Ну, понравилась, а что?

— Хочу тебя обрадовать. Ты на самом деле встретишь ее. Только не совсем ту... Та, которую ты встретишь, немного старше. Точнее говоря, *намного* старше.

Хозяин положил на стол пачку фотографий. Влад быстро развернул их, будто ему сдали карты. Первые три были как раз те, которыми его заманили: девушка, одетая по моде восьмидесятых. На четырех других была изображена женщина, похожая на нее. Влад не сразу понял, что это один и тот же человек. Два фото женщины были сделаны во время какого-то застолья: с обеих сторон торчали чьи-то обрезанные руки, еще два — безусловно, скрытой камерой, из окна машины.

— Ты — Тарас Балашов, — сказал Хозяин. — Ты нашел эту женщину в интернете и уже два месяца переписываешься с нею. До сих пор я преподавал тебе литературу. Теперь пришла очередь истории. Ты — не только хороший писатель, но и велосипедист-любитель. Твоя мечта — объехать весь мир, крутя педалями. Ты совершил множество дальних походов. Но последний

твой поход был неудачным. Захотел объехать вокруг Байкала, приобщиться, так сказать, к глубине России, ее хрустальной чистоте. На крутом повороте свалился в пропасть, вместе со своим велосипедиком. И вот, нашли тебя доблестные русские солдаты. Нашли и отвезли в госпиталь. Ты лежал, весь переломанный, весь в гипсе. Начальник госпиталя, майор, военврач, проникся к тебе, неутомимому путешественнику, замечательному писателю, симпатией. Он разрешил тебе пользоваться компьютером. И что же ты стал делать за этим компьютером, ты, Тарас Балашов? Как думаешь? — Хозяин ткнул пальцем Владу в лицо, почти коснувшись его носа. — Что бы ты сам стал делать в такой ситуации?

— Лежал бы и играл во всякие игры, — сказал Влад с кислой улыбкой.

— Ответ неверный. Ты не Влад Синеухов, а Тарас Балашов. Не только велосипедист, но и писатель. Интеллигентный мужик. Влад, конечно, стал бы играть и смотреть порнуху. А вот Тарас — он стал читать. Читая всякие произведения в Живом Журнале, ты наткнулся на замечательные стихи. Их автор, Наталья Петрова, показалась тебе настолько интересной, что ты написал ей письмо. Вы стали переписываться. Теперь ты вернулся в Москву. Стихи ты уже выучил. Да-да, это ее стихи, а ведь ты подумал, что Тараса?

— Трудно было подумать что-то другое.

— Не имеет значения. Завтра-послезавтра позвонишь этой женщине и назначишь ей свидание. Не забывая читать при этом ее стихи, которые ты чрезвычайно полюбил. Таким образом, твоя встреча с прекрасной незнакомкой, встреча прозаика и поэта, все же состоится, — Хозяин криво усмехнулся. — Правда, встреча эта несколько затормозилась во времени. — Он приподнял со стола одну из старых фотографий, из восьмидесятых годов, и бросил ее поверх остальных. — Лет на тридцать.

— Зачем вам это нужно? — не удержался Влад, поскольку новый поворот дела его просто ошарашил.

— Ты узнаешь об этом уже очень скоро, — сказал Хозяин с неожиданной ласковостью. — Потерпи немного и не нарушай правила.

11

Хозяин оставил фотографии на столе. Вряд ли это была случайная забывчивость, Влад уже понимал, что этот человек ничего не делает просто так. Ни жеста, ни слова. И впечатление,

что он находится под влиянием какой-то маниакальной идеи, также было наиграно, заранее рассчитано. Прочитать детскую считалочку, будто играя с ним в прятки. Принимать «экзамен»... Все это было не случайно, все было частью какого-то четко продуманного плана.

Влад разложил фотографии на столе. Расположил их по времени. Красавица Наталья в зрелые годы ничем не уступала красавице Наталье в юности. Ее глаза и вовсе не состарились — очень большие, светлые, с острыми уголками, умело подчеркнутыми макияжем. Кошачьи глаза.

Походя открылась и тайна запароленного PDF-файла: Хозяин отменил шифр — это и была переписка Тараса Балашова с Натальей, с первого до последнего письма. Откуда он ее взял? В чем суть истории, какое отношение имеет к ней этот писатель и главное — он сам, Влад Синеухов, который теперь должен сыграть его роль?

Судя по веренице писем, а всего было не менее сотни, этот Тарас Балашов действительно поехал в одиночный велотур вокруг Байкала, на самом деле угодил в аварию, и его спасли военные. Пользуясь компьютером начальника госпиталя, он набрел в инете на страницу Натальи, полюбил ее стихи, поразился тем, что их интересы и вкусы полностью совпадают, и написал ей письмо.

Наталья не сразу пошла на переписку: она порой замолкала надолго. Любвеобильный Тарас упраскивал не бросать его. Наконец переписка установилась регулярная: они кокетничали, посылали друг другу музыку и цветы, всякие забавные ссылки.

Это продолжалось месяца два. Тарас был прикован к постели за Байкалом, Наталья в шутку высказала пожелание навестить его, прилетев в Иркутск из Москвы. Похоже, она заочно влюбилась в него, о чем сам Влад давно мечтал: вот бы найти какую-нибудь далекую красавицу, виртуалочку, чтобы она полюбила его только за слова, сначала духовно, как разум и сущность, и лишь только потом...

Вдруг в этой переписке его кольнуло упоминание о звездах, астрологии. Он вспомнил, что за Байкалом висит футбольный мяч — Сириус. И больше ничего нет в этом пространстве, ни пылинки... Его мысль понеслась совершенно в неожиданную сторону. Увлечена астрологией жена, увлечена и Наталья. Что это значит? Может быть, сама суть его миссии в планах Хозяина как-то связана именно с астрологией?

Звезды, межзвездные перелеты... Как всегда, ушел от реаль-

ности, чтобы не бояться ее. Что здесь готовится? Может быть, он избран в какую-то немыслимую космическую экспедицию и все происходящее — лишь подготовка к ней...

Внезапно переписка оборвалась. Влад перечитал последнее послание Тараса к Наталье. Он писал, что ему назначили какую-то пустяковую операцию под общим наркозом, что операция завтра и он ответит ей сразу, как очнется. Вскользь сообщил, что как-то на медосмотре его предупредили, что общий наркоз ему противопоказан, что нельзя соглашаться на такие операции, но местным врачам, в госпитале, он об этом не сообщил. Здесь переписка обрывалась.

Было еще два письма от Натальи. В одном она умоляла его не соглашаться на эту операцию — это письмо Тарас оставил без ответа. Другое, последнее, было таким:

«ТАРАС! Я очень беспокоюсь за тебя!

Пожалуйста, если кто-то имеет доступ к этой почте, отпишите, как здоровье, чем помочь.

В последнем письме Тарас написал, что ему противопоказан общий наркоз. Но все равно согласился на операцию».

Так вот оно что! Тарас Балашов просто-напросто погиб. Умер на операционном столе в военном госпитале за Байкалом. Наивная женщина полагала, что кто-то может иметь доступ к его личной почте. Так не бывает. Впрочем, в данном случае, по-другому. Вот она, эта почта. Ящик Тараса был вскрыт, письма скопированы и сохранены в файле PDF.

Влад обратил внимание на даты. Все это происходило совсем недавно — в апреле-мае. И теперь он занял место мертвого человека. Принял его имя и живет в его квартире. И ему предстоит встреча с Натальей.

Владу казалось, что он пытается ухватить за хвост ящерку, которая крутится у его ног: так ускользала от него мысль — единственное верное решение. Возможно, Тарас Балашов похож на Влада. То есть не возможно, а даже наверняка.

Тарас Балашов умер. Хозяину зачем-то надо скрыть от Натальи его смерть.

Почему Хозяин распоряжается квартирой Тараса Балашова? Не важно. Пусть это будет второе неизвестное в уравнении — «игрек». Влад вспомнил учителя физики, который понятно объяснял им, как решать задачи. Надо набросать как можно больше уравнений по теме, пока количество уравнений не станет равным количеству неизвестных. Скорость, ускорение, энергия... Если система создана, ее можно решить, ответив не только на

прямой вопрос физической задачи, но и определив все компоненты, в нее входящие.

Зачем смерть Тараса Балашова надо скрыть? Первое неизвестное — «икс». Какова цель Хозяина? Неизвестное «зет». Не получается. Три неизвестных, а уравнение одно: Влад с чужим паспортом, в который вклеена его фотография, сидит в квартире человека, который умер в госпитале за Байкалом.

Наутро в системе добавилось — и уравнение, и неизвестное. Еще вчера Хозяин вернул ему мобильник, который отобрали в Казани, правда пустой, без сим-карты. Влад должен был купить с утра по новому паспорту симку на имя Тараса Балашова и немедленно позвонить Хозяину по указанному телефону.

Что Влад и сделал, с удовольствием дойдя пешком до метро, старыми дворами пятиэтажек, где всюду росли и тополя, и рябины, да красовались на кирпичных стенах антикварные надписи о том, что кто-то там дурак... Странно: до сих пор живы надписи, которые были сделаны карандашом, явно несколько десятилетий назад. Мальчишки, которые скребли стены, выросли и погибли в бандитскую войну. Так, по крайней мере, написано у Тараса Балашова. Люди оказались менее стойкими, чем графит их карандашей...

Влад позвонил Хозяину, отпечатав у него свой новый номер. Через полчаса тот перезвонил: сказал, что подъедет бригада ремонтников и чтобы Влад не таился, открыл им дверь.

Так оно и было. Трое бодрых парней заполнили собой и своими инструментами всю квартиру. Один менял сантехнику, двое других вешали на окна жалюзи. Облупленный потолок был прокатан меховым валиком, покрыт водоземлюсионной краской. Влад было пытался влезть с советом, что поверхность надо сначала подготовить: отодрать старую побелку и так далее, но бригадир возразил вежливо, но твердо:

— Нам заказан срочный косметический ремонт. И каждая минута сейчас в деле.

Поздно вечером парни ушли, обещав прийти завтра, чтобы заняться стенами и полом.

Влад покрутил стальные вентили в ванной, погладил кухонную плиту, подошел к окну и поигрался жалюзи, которые могли стать почти невидимыми, повернувшись ребром, либо полностью закрыть окна, словно при светомаскировке.

Он лег спать рано, долго не мог уснуть, пытаясь решить уравнение, предложенное ему судьбой. Как всегда, унесся в невооб-

разимые, дивные мечты и фантазии, незаметно перешедшие в картины сновидений...

Рано утром вернулись ремонтники. Истертый паркетный пол в обеих комнатах закрыли чем-то мягким, раскатав рулон и точно обрезав его по всем углам. Поклеили новые обои, даже не сдирая прежний слой. Косметический ремонт — понятно.

За несколько часов квартира полностью преобразилась. Когда рабочие ушли, Влад долго стоял посреди комнаты и недоуменно оглядывался.

Старая мебель теперь выглядела убого. Едва он успел об этом подумать, как позвонили в дверь, и эта невообразимая сказка продолжилась. Скорее, страшная сказка для взрослых, чем волшебная детская.

— Мебель заказывали? — спросил крепкий молодой человек?

— Да, — без колебания ответил Влад.

12

Днем позвонил Хозяин, поинтересовался, хорошо ли он запомнил историю... Предупредил, что придет и примет последний экзамен.

Они устроились на кухне, где был положен свежий линолеум лилового цвета и стояла новая плита, матово блестящая гладкими боками, словно глазированная голландская печь.

— Тарас Балашов... — начал Влад, чувствуя себя полным идиотом...

Он еле сдерживался, чтобы не рассмеяться, когда рассказывал о его приключениях за Байкалом и в госпитале. О забавном красномордом капитане, который был его соседом в двухместной палате, и морда его была красной, оказывается, не от водки, а по причине болезни сердца. О дружбе с начальником госпиталя, майором Котиковым, который порой заходил в палату, присаживался, кряхтя, на табуретку и слушал рассказы Тараса про столичную жизнь. О цветке молочае, который рос в палате под окном и о котором писатель сочинял шуточные стихи.

— Прочитай мне стихи, — мягко перебил поток его речи Хозяин.

— Но мы так не договаривались! — воскликнул Влад. — Разве я должен был еще и эти стихи учить, из писем?

— Конечно. Ведь ты, Тарас Балашов, как раз и сочинил стихи о молочае. А разве поэт может не помнить своих собственных стихов?

— Я не сообразил. Конечно, должен. Я заучу их сегодня же.

— Хорошо. Заучи обязательно. Тебя могут попросить их почитать.

Влад помолчал, думая, говорить или нет о своей догадке. Решил все же сказать. Так и закончил урок:

— Вот и вся история... Ах да! Забыл одну маленькую деталь. В самом конце этой истории Тарас Балашов умер.

Хозяин с удивлением уставился на него.

— С чего ты взял?

— Ну, его положили на операцию... А ему нельзя наркоз...

— И что?

— На этом переписка обрывается. Я подумал...

— Тарас Балашов жив, — твердо сказал Хозяин. — Жив как вечный Жид, как сам Ленин — живет всех живых, будь он неладен!

Он достал из барсетки листок бумаги, развернул, шаркнул им по столу в сторону Влада:

— Ознакомься.

Влад глянул. Это было продолжение переписки. Операция прошла успешно, только на другой же день доктор ушел в отпуск и взял компьютер с собой. Тарас остался без связи. Поправился, вернулся в Москву и сразу написал Наталье. Пообщавшись несколько дней, они договорились увидеться. Последнее письмо было датировано сегодняшним утром:

«Значит, в семь. Жду тебя у памятника Пушкину. Традиционное и самое лучшее место в Москве для встреч! Позвоню.

С уважением и наилучшими пожеланиями, Тарас Балашов».

Это было выше его понимания. Если Тарас жив и пишет ей письма, то почему он сам с ней не встретится? Допустим, он и руководит всем этим процессом, он и стоит за Хозяином, а тот всего лишь исполняет его волю. Но зачем?

Спрашивать было бессмысленно. Хозяин меж тем взял со стола телефон Влада, набрал номер и, задержав палец на кнопке вызова, поднял голову:

— Готов с ней поговорить?

— Сейчас?

— Считаю это своей работой. За работу будет уплачено.

Кнопка была нажата.

— Здравствуйте! — неуверенно проговорил Влад.

— Вы с ней на «ты», — шепотом заметил Хозяин.

— Здравствуй, Наташа! — звонко выпалил Влад, чувствуя,

как капля пота ползет по ложбинке спины, да и лоб покрылся градинами. — Это я, Тарас.

— Здравствуй-здравствуй! — услышал он высокий задорный голос. — Можешь не представляться: узнала. Значит, ни ты, ни я не передумали, и памятник Пушкину никуда не убежал?

— Так точно!

— В военном госпитале набрался таких словечек?

— Именно! От красномордого майора.

Хозяин одобрительно улыбнулся, достал и расправил клетчатый носовой платок.

— Тогда в семь так в семь, — сказала Наталья. — Я уже собираюсь, между прочим.

— И я!

— Женщине надо больше времени. Поэтому давай прервемся. До встречи?

— До встречи.

Пока Влад из всех сил старался, чтобы его голос не дрожал, не фальшивил, Хозяин осторожно вытирал ему, говорящему, лоб своим платком.

— Ну вот, — сказал он, — пришло время надевать новый костюм. — Хлопнув себя по коленкам, Хозяин встал. — Держи в уме все материалы. И про молочай выучи в темпе. Да, был еще один момент. Сразу после операции, когда тебя мучило от наркоза, ты умудрился высказать этой женщине пару таких комплиментов, что она... Гм! — запнулся Хозяин. — Может быть, это и не важно, но одно письмо в подборке отсутствует.

— Как отсутствует? — удивился Влад.

— Отсутствует, и всё!

Хозяин был явно раздосадован. Будто бы коллекционер: собрал все возможные пробки, но вот одной не достал...

— Разве такое может быть?

— Может, может... — произнес Хозяин. — Думаю, что это и не важно, что письмо затерялось. Будем надеяться, что она не заговорит о нем.

Странно все это, конечно. Каково же тогда происхождение этих писем и как объяснить, что здесь не хватает одного?

— А о чем мы с ней говорили по телефону? — спросил Влад. — Вдруг и она мне устроит экзамен?

— По телефону вы просто болтали ни о чем. У тебя в руках вся информация. Переведи разговор на рассказы. Похвали ее стихи. Ты владеешь практически всей информацией, которая прошла между тобой и этой женщиной.

Хозяин уже пошел к двери, но вдруг обернулся, держа палец над головой:

— Впрочем, есть одна деталь. В телефонном разговоре с тобой женщина между прочим заметила, что любит красное инкерманское вино. Запомни.

— Никогда не слышал о таком вине, — сказал Влад.

— Продукция инкерманского завода марочных вин, Севастополь. Оно довольно дорогое... Да, чуть не забыл! — Хозяин засунул руку в барсетку и извлек на свет бумажник, а оттуда — три пятитысячных ассигнации. — Дорогое, потому что хорошее. Лучшее на территории бывшего СССР, — он положил деньги на тумбочку в коридоре.

— Я не пойму, — сказал Влад. — Если я похож на Тараса Балашова, это понятно. Но неужели и мой голос тоже похож? Она же узнала меня!

Хозяин удивленно вскинул бровь:

— Кто тебе сказал, что ты похож на Тараса Балашова? Я, например, не говорил.

— Но как же тогда?... — Влад осекся, поняв, что переходит границы дозволенного, собираясь задать вопрос.

— Ты не похож на Тараса Балашова, — серьезно проговорил Хозяин. — Ты и есть Тарас Балашов.

13

Прохаживаясь перед памятником Пушкину, Влад вглядывался в толпу, втекающую в печально знаменитый подземный переход, и думал: как же у него получится сыграть не только какого-то постороннего человека, представителя совсем другой среды и культуры, но и просто москвича? Ведь он совсем не знает город. Он будет вести себя иначе, говорить иначе, размахивать иначе руками и непременно провалится. Как Штирлиц.

Еще один вопрос: кто он сейчас на этом поле, где возвышается, словно черный ферзь, Пушкин, — игрок или фигура? То, что он вообще какая-то пешка, — понятно, но для грядущей Натальи он кто? Двигает ли она его по игровому полю, или же он — ее, являясь продолжением пальцев Хозяина? А вдруг они оба заодно? Последние часы он воображал, будто делает что-то вместе с Хозяином, а на самом деле — Хозяин делает что-то вместе с Натальей, и делает против него... Впрочем, Штирлиц — разве он провалился? Можно было и второй сериал снять...

Он стал припоминать стихотворение Тараса, которое успел заучить, но вспомнил только начало:

С жителем приюта моего
временное чувствую родство.
Житель на паркет бросает тень
и следит за тенью он весь день
или ночь, коль тень дает луна,
хоть и чаще вовсе не видна
тень...

Мысли его рассеянно шатались, повторяя взгляд. Чем ближе подходило время встречи, тем чаще он посматривал на плывущую перед ним человеческую массу, пока и вовсе не вперился в нее; и вот уже казалось, что мелькнуло перед ним несколько Наталь — 89/61/91, — высоких стройных блондинок...

Призрак тени тоже, как часы, —
Житель усмехается в усы.

Та же история, что четыре дня назад... Или пять? Он как-то с трудом отдавал себе отчет в том, что прошло совсем немного времени с тех пор, как он ждал ее (именно ее, только юную) в другом городе, в другом — уже кажется — мире...

И она пришла. Почему-то сразу стало ясно, что это она, и идет она именно к нему, хотя издали еще не было видно лица. Шла быстро, казалось, сейчас просто врежется, но остановилась внезапно, близко, положила ладошку ему на грудь, словно прижимая пальцы к губам: молчи!

— Ну, здравствуй, путешественник! Честно говоря, я до последнего момента не верила, что ты существуешь.

Она была гораздо старше его, но сказать точно, сколько ей лет, Влад бы не смог, чтобы не ошибиться, скажем, на десяток. Наталья принадлежала к тому типу женщин, которые будто каменели в тридцать. Впрочем, и в тридцать, каменея, выглядели они на двадцать пять.

— Погуляем просто, поговорим? — предложила она.

— А потом посидим где-нибудь, вина попьем... — в тон ей подтвердил Влад. — Как насчет красного инкерманского?

— Я обеими руками «за»! — Наталья подняла и бросила ладони, схватилась за ремешок сумочки, дернула плечом, уже начиная движение.

Они прошли чрез подземный переход и оказались на бульваре, где было чуть менеелюдно. Все-таки очень большой, фантастически кишаший город...

Влад говорил медленно, тщательно подбирая и взвешивая слова, — отчего получался рассудительным и умным. Он говорил мало — отчего получался чутким, внимательным джентльменом, умеющим слушать. Кто бы мог подумать, что все эти чудесные свойства были обусловлены правилами игры! Так накачивают персонажа компьютерной RPG, добавляя ему те или иные черты характера...

— Влад! Эй, Влад! — вдруг услышал он прямо над ухом и вздрогнул, растерянно оглядываясь.

Наталья посмотрела на него с тревогой. Женский звонкий голос:

— Влад, я сказала тебе, козленок!

Выяснилось, что какой-то мальчишка полез в фонтан, и молодая мама схватила его за шкирку. Нет, никогда он не был столь близок к провалу...

Снова Штирлиц! С первых минут он понял, что Наталья не имеет никакого отношения ни к спецслужбам, ни даже к промышленному шпионажу. Владу теперь казалось, что жертвы Хозяина они оба. Возможно, они участники какого-то широко-масштабного эксперимента, наверное, физиологического — ведь недаром был этот «медосмотр»...

Общаться с Натальей оказалось легче, чем он думал. Время от времени умело переводя разговор то на ее жизнь, то на ее стихи, Влад избегал расспросов, вроде «а в какой ты школе учился?» — и тому подобного.

— Я все думаю, что так мало о тебе знаю! — сказал он, когда они шли по бульвару.

— Еще успеется. Вот, например, — она махнула рукой направо, — это институт, который я окончила.

— Да? И что за институт?

Наталья внимательно на него посмотрела.

— Литературный институт имени Горького. Только не говори мне, что ничего не слышал о таком.

— Да слышал, конечно.

Ага. Только что и услышал, подумал Влад. Стало быть, есть такой институт, где учат литературе. Писать такие вот непонятные стихи. Наталья смотрела на него пристально, внимательно, будто ожидая каких-то особых слов.

— Станный ты, Тарас! — сказала она. — Самородок какой-то. Такие у тебя красивые рассказы, а в Литинституте не учился. И никто ничего о тебе не слышал.

— Ты мне уже об этом писала в госпиталь, — заметил хорошо

подготовленный Влад. — Лучше о себе расскажи. Я, например, до сих пор не знаю, как твоя фамилия.

— Петрова. Простая русская фамилия. В принципе, это сыграло решающую роль при замужестве. У меня тогда многие просили руки. Но я захотела сменить фамилию именно на эту — чистую, исконно русскую. А один из них был Зацапский, представляешь? Наталья Зацапская. Зацапали ее всю.

— А какая была твоя девичья фамилия?

— Проценко.

— Ты украинка?

— Наполовину. По отцу. Этот человек приехал в Москву из западной деревни. Охмурил мою мать. Заделал меня. Развелся и разменял квартиру. И вогнал тем самым в гроб и мать, и бабушку. Ненавижу его.

— А ты сама давно развелась?

— Порядочно. Девятнадцать лет уже.

— А кто был твой муж?

— Сокурсник.

— Тоже поэт?

— Прозаик. Не будем о нем. Я вот что хочу тебя спросить: нет ли у тебя какой-то тайны рождения?

— Как это? — удивился Влад.

— Я вот о чем. Ты мне назвал точную дату, время и место. Но уверен ли ты, что родился именно в этот день и час? Именно в этом месте?

Влад искренне удивился, почувствовал даже, как вскинулась его левая бровь.

— Точно уверен. Я свой день рождения праздную ровно в восемь утра. Для начала в одиночестве.

Тут он почти не соврал. Он и вправду отмечал свой час рождения. Только не в восемь утра, как Тарас, а в пять вечера. Все же недаром он тщательно изучил переписку.

— Точно ли ты родился в Москве, а не где-нибудь в дороге, ведь так бывает: что роды начинаются, например, на даче, ее везут, она рождает в первой попавшейся больнице... А еще случается, что родители почему-то скрывают истинные обстоятельства...

— Нет! — воскликнул Влад. — Я даже могу тебе паспорт показать. Там точно написано: Москва.

— Не надо... Впрочем, покажи, интересно.

Наталья взяла его новенький фальшивый документ, полистала... От его внимания не ускользнуло, что она открыла стра-

ницу 14 — семейное положение — и не сумела скрыть довольную улыбку, поскольку страница эта у Тараса Балашова была пуста.

— Странно, — сказала Наталья, тряхнув паспортом и возвращая его.

— Что именно?

— Я не готова ответить, прости.

Они заговорили о другом. Вдруг Влад заметил вывеску небольшого кафе.

— Зайдем? — предложил он.

— Конечно!

Инкерманского не оказалось, Влад заказал бутылку французского, также красного, самого дорогого из предлагаемых. Первое время он еще помнил о разговоре насчет тайны рождения, о какой-то странности, затем эта мысль отошла на задний план. Он просто был очарован Натальей и говорил с нею, порой даже забывая, что он не Тарас Балашов из Москвы, а Влад Си-неухов из Казани.

14

Влад постепенно пьянел. Интересно, чем кончится этот вечер? Слово за слово, он стал замечать, что Наталья испытующе поглядывает на него.

— Это ты за Байкалом набрался местного выговора? — вдруг спросила она.

— Ну да! С кем поведешься, понятно... А что, я как-то не так говорю?

— Окаешь, словно волжанин. Не думала, что можно так заразиться акцентом.

— Ты, видать, никогда надолго не покидала столицу?

— Нет. На море там, недели на две, или во всякие туры.

— Ну, и общалась, видать, только с отдыхающими да тур-группой. Я же несколько месяцев прожил в окружении коренных волжан... То есть тьфу! Запутала ты меня совсем. Сибиряков забайкальских.

Они давно покинули кафе, дошли до Арбата, углубились во дворы. Пошел дождь, и они забрались в резную беседку посередине детской площадки.

— Ну что ж, спасибо за вечер, — сказала Наталья, подняв вверх ладони. — Можешь считать, что ты полностью загладил свою вину.

Влад недоуменно глянул на нее.

— Ты проявил себя таким галантным кавалером, что я готова простить тебе то грубое письмо.

— Какое письмо? — спросил Влад и тут же пожалел об этом.

Ему же говорили: будь внимателен, осторожен! Ведь упоминал Хозяин о каком-то неучтенном «письмеце»... Лицо Натальи вмиг преобразилось. Стало строгим, холодным.

— Какое животное приснилось Тарасу Балашову? — вдруг спросила она.

— Какое животное?

— Что ты повторяешь, словно эхо? Это вопрос: какое животное занималось любовью на глазах Тараса Балашова с девушкой его мечты?

— Издеваешься? — Влад понял, что и она решила провести экзамен на тему прозы Балашова.

— Ты что же — сам не помнишь, что написал? Некое морское животное, с щупальцами, напало на его девушку во сне...

— Осьминог! — воскликнул Влад, и Наталья вдруг плотно сжала губы, сразу сделавшись старше.

— Скажи мне, Тарас! Может ли быть такое, что писатель не помнит, о чем написал?

— О, вполне! — воскликнул Влад с горячностью. — Особенно, это касается меня.

Влад понял, что стоит уже на самой грани провала. Какое еще морское животное с щупальцами могло быть в этой гребаной прозе Тараса? Ну, конечно же!

— Медуза! — выпалил Влад.

Наталья поднялась, поправила юбку, подавила ладошкой зевок.

— Дождь никак не кончится, — сказала она, пристально глядя Владу в глаза. — А ты вовсе никакой не Тарас Балашов.

— Как это не Тарас? — возмутился Влад. — Я же тебе паспорт показывал!

Наталья продолжала смотреть ему в глаза не мигая. Сказала:

— Ты не *тот* Тарас Балашов. Да, ты Тарас. Да, ты Балашов. Но другой. Не тот, который написал все эти новеллы на Прозе-ру.

— Не понимаю... — пролепетал Влад, лихорадочно соображая, как вести себя дальше: единственное, в чем он был точно уверен — правду этой женщине он рассказать не сможет, ни сейчас, ни когда-либо позже.

Влад смотрел на нее с немым вопросом, это было все, что он мог сейчас сделать. И она будто бы ответила ему на этот непроизнесенный вопрос:

— Дело в том, что там, на странице Тараса Балашова, есть такое окошко, в котором можно написать письмо автору. Через форму на сайте, а не обычной почтой, как переписывались мы с тобой. И я написала это письмо. Думала, что автор ответит. И он ответил. Но это был вовсе не ты.

— А кто? — глупо спросил Влад.

— Тарас Балашов.

Наверное, они целую минуту молча смотрели друг на друга, а это очень долго, минута. В фильме про желтую подводную лодку есть удивительный момент, когда минута реально демонстрируется на экране — просто сменяются мультяшные числа. Это единственное, что она помнила из фильма, который смотрела очень давно, лет тридцать назад, когда за нею ухаживал одноклассник, предлагал стать его женой. Именно с ним они и ходили на какую-то квартиру, смотреть видео... Тогда видео именно так и существовало: у единиц, на квартирах зажиточных людей. И они смотрели этот фильм, вернее, конечно, мультфильм с нарисованными Битлами в цветных клешах...

За эту минуту Наталья поняла по глазам Тараса, что попала в самую точку. Он вдруг глубоко вздохнул, втянул голову в плечи. Неожиданно повернулся и шагнул из беседки под дождь, медленно пошел по двору, попирая брошенные игрушки, среди качелей и песочниц, полных избитого ливнем песка. Наталья молча смотрела ему вслед: как его высокая фигура освещается то одним фонарем, то другим, словно некий переменный черно-белый Пьеро.

15

Итак, он провалил свою миссию, в чем бы она ни состояла. Но это было нечестно, нечестный был экзамен! Не было в прозе Тараса Балашова никакого животного с щупальцами. Первой его мыслью было бежать, скрыться от Хозяина, ибо он засунет его в кресло. Он достал свои деньги и стал пересчитывать. После посиделок в кафе у него осталось более десяти тысяч: хватит улететь в Казань даже самолетом. Только вот не хотелось ему уже в Казань.

Он вспомнил, как изо рта дочери вываливается кусок гамбургера, как она вытирает губы, размазывая соус по всему лицу и меж пальцев глядит на отца, вспомнил, как бородатый в длинном шарфе, когда Ленка скрылась за углом, вышел из машины и помогился на колесо. Космонавт, тоже мне! И ростом такой же мелкий, и шарф чуть ли не волочится по земле. Эх, подбе-

жать, схватить его за этот шарф, раскрутить над головой, словно в песне...

Или просто исчезнуть от них всех. Исчезнуть в любом городе страны, устроиться на работу, начать новую жизнь. Впрочем, почему в каком-то городе? Исчезнуть и начать лучше всего прямо здесь, в Москве. Многолюдный город. Вавилон. Как Хозяин найдет его, какого-нибудь разнорабочего на строительстве небоскреба, в сером комбинезоне, где-то под облаками метущего бетонный пол, живущего в двухэтажном вагончике вместе с другими гастарбайтерами?

За этими мыслями, за этим занятием (листанием денежных купюр посреди тротуара) его и застал Хозяин. Машина бесшумно въехала колесом на бордюр. Следовало догадаться, что он мог наблюдать за свиданием издалека. Влад покорно влез в распахнутую дверь. Протянул Хозяину деньги, которые держал в руках. Тот покачал головой. Влад пожал плечами спрятал купюры в бумажник.

— Рассказывай, — прозвучал короткий приказ.

Машина неслась по мокрым улицам, Влад уныло поведал о событиях последних часов. Замолчал, уставившись на Хозяина, когда дошел до странного вопроса Натальи о тайне его рождения.

— А, не бери в голову! — отмахнулся Хозяин. — Ерунда. Продолжай.

Влад понял, что эта пресловутая «тайна» вполне известна Хозяину, и не представляет для него интереса. Он передал как можно подробнее и суше все свои разговоры с Натальей, стараясь ничем не выдать тот совершенно неуместный факт, что чувствовал себя уже по уши влюбленным в женщину, которая была намного старше его.

— Как ты мог сказать «медуза»? — возмутился Хозяин, когда Влад закончил свой рассказ.

— Но она же тоже с щупальцами!

— Да. Но тебе же ясно сказали: животное занималось любовью с девушкой Тараса. А медуза что — лесбиянка? Какой же ты тупой. Я бы сразу сказал — кальмар. Только вот одно не ясно: что-то я не помню в прозе Тараса Балашова ни медузы, ни кальмара. Ладно. Не твоя вина, что ты провалился, Штирлиц. Мне надо немного подумать. Помолчим.

Молча и доехали до Измайлова, молча вошли в квартиру. Влад принялся готовить кофе на двоих, Хозяин ходил из угла в угол по комнате, заложив руки за голову. Приближался к окнам, разворачивал и сворачивал роллеты, будто проверяя их надежность.

Владу вдруг показалось, что он понял все: и смысл этих непроницаемых штор, и смысл всей истории, и его собственной роли в ней... Чудовищно! Он хотел было сейчас же завести об этом разговор с Хозяином, но тот перебил его, остановившись посреди комнаты:

— Вот что. Твоя жизнь продолжается. Ставки будут повышены, игра станет боле рискованной.

Он прошел на кухню и, откинув фалды пиджака, плюхнулся на табуретку. Резко придвинул к себе чашку, выплеснув кофе на клеенку. Продолжил:

— Теперь ты расскажешь ей часть истории. Ты действительно лежал за Байкалом. Выходил с компа доктора. Случайно набрел на рассказы Тараса Балашова, своего полного тезки. Там было про велосипед. Твоя тема, твоя любовь с детства. Случайно нашел Наталью в инете. У нее в интересах тоже был указан велосипед, и стихи ее тебя потрясли, и внешне она тебе, ну просто очень понравилась! Ну вот, и представился Тарасом Балашовым, тем самым, что написал рассказы. Каешься, что соврал. Очень, очень виноват перед нею. Кофе ты сварил ужасный. — Хозяин глянул на часы. — Сейчас она, скорее всего, вернулась домой. Подождем еще полчаса, и позвони ей. Повтори для верности то, что ей скажешь.

— Хорошо. Только сначала вопрос. По существу, — поспешно добавил Влад, увидев, что Хозяин сердито вскинул на него глаза. — Где я живу?

— То есть... Ты о чем? — не понял Хозяин.

— Если я Тарас Балашов, однофамилец и тезка того Тараса, то почему я живу в его квартире?

Хозяин нахмурился. Сказал, повывсив голос:

— С чего ты это взял? Квартира, и все. Какая разница?

— Дело в том, что именно эта квартира, этот двор, рябина под окном, и даже надпись на стене — все это описано в рассказах Балашова. Тарас из четвертой квартиры дурак.

— Да? — искренно удивился Хозяин, потом сдвинул брови. — Да! — уже с другой интонацией то же слово. — А я и забыл... Это прокол, конечно. Впрочем, ну и что? Я же не говорил тебе, чтобы ты привел ее сюда.

— Тогда все это — абсурд какой-то. Зачем капитальный ремонт? Зачем эти роллеты? Мне казалось... что вы...

Влад замолчал. И чего это он начал эту тему с Хозяином? Не надо было.

— Что — я? А ну, говори, что ты там такое придумал? Гипо-

тезы свои! — Он вдруг сгреб Влада за воротник, нависнув над столом. — Ну! Я слушаю.

Влад испугался. Сильно, до испарины на лбу. Футболист с прекрасной реакцией и трехсоткилограммовым ударом ноги, он мог бы легко справиться с этим тщедушным человеком, но даже и представить не мог, что решится на это.

— Мне показалось... — пролепетал он. — Да отпустите вы меня! Сейчас сформулирую.

Хозяин отбросил руки.

— Ну?

— Я подумал, — начал Влад, — что вы просто любите эту женщину. Что использовали мою страницу, мою аватарку и другие фото, когда вступили с нею в переписку от моего лица.

— Гм! — усмехнулся Хозяин. — Забавная теория. И что дальше?

— Ну... Где-то вы ее видели. Ваши люди снимали ее скрытой камерой. Также и старые ее фотографии раздобыли, в молодости. А теперь зачем-то вам понадобилось внедрить в эту игру меня. И почему нельзя просто подойти к ней и сказать: так, мол, и так. Вы человек богатый. Неужели Наталья не смогла бы... Не понимаю.

Хозяин какое-то время угрюмо смотрел на Влада, затем расхохотался.

— Ну, ты даешь, сыщик Каменская! Более глупой версии я даже бы и вообразить не смог.

— А зачем тогда эти непроницаемые роллеты? — не унимался, совсем обнаглел, Влад.

— Ну, и зачем же, по-твоему, роллеты? — насмешливо спросил Хозяин.

— Скажу, если в рукопашную опять не полезете.

— Не полезу. Слово честного вора.

Ну да, вор, разумеется, бандит — кто ж еще? — мысленно произнес Влад. Сказал:

— Я подумал, что вы хотите с моей помощью эту Наталью соблазнить и привести сюда. Затем опустить роллеты. И подменить меня собой. А меня — дубинкой по башке.

Хозяин с изумлением посмотрел на него, затем расхохотался:

— Ну и фантазия у тебя! Прямо будто писатель Маринина. Или сам Тарас Балашов! Я что — похож на сумасшедшего?

— Нет, — выдавил из себя Влад, которому было совсем не до смеха.

— Ты и представить себе не можешь, какова моя истинная

цель. Сколько бы ты ни фантазировал. Но даю слово: рано или поздно ты обо всем узнаешь. И не пожалеешь ни о чем. Твоя жизнь круто изменилась с тех пор, как тебя усадили в мою машину. И поверь: изменилась она не в худшую сторону. Хотя бы потому, что, благодаря вознаграждению, которое ты получишь, тебе до конца дней не придется заботиться о хлебе насущном. Если будешь экономным, конечно.

Эти последние слова, насчет экономии, сказали Владу о многом. Они были произнесены деловым, будничным тоном. Это значило, что Хозяин не только оставит его в живых, но даже уже посчитал сумму, которая ему причитается за его странные, уму непостижимые услуги.

Он уже не хотел домыслов и предположений. Беспрекословно исполнил то, что ему предлагалось. Наскоро отрепетировав разговор с Натальей, вызвал ее номер.

16

Как ни странно, уговорить Наталью не составило большого труда; более того, она почему-то сразу взяла инициативу в свои руки, тыча во Влада через пространство зонтом, который он забыл в беседке.

— Да не забыл, — сказал Влад. — Просто оставил тебе, ведь дождик шел сильный.

Женщина коротко помолчала в трубке, оценивая его благородство. На самом деле Влад и вправду забыл на лавочке зонтик, купленный сегодня по пути на свидание, когда небо вдруг стало угрожать пятнами черноты.

Покончив с вопросом о зонтике, Наталья потребовала немедленно прояснить ситуацию о двух Тарасах Балашовых. Хозяин выпрямился, подал Владу успокаивающий знак ладонью и в дальнейшем дирижировал, немо нашептывал рыбьим ртом, круто взмывал большим пальцем... В итоге запланированное объяснение состоялось и прошло с неожиданной легкостью.

Они условились встретиться завтра, но, для разнообразия, не у Пушкина, а у Герцена.

Встреча на «Кропоткинской», как выяснилось на следующий вечер, была не случайной: Наталья увлекла Влада в ближайший музей, смотреть картины. Вот чего он больше всего на свете не любил и не понимал! Так называемый импрессионизм вызывал у него лишь усмешку. Эти господа просто не умели рисовать, но пиар и технологии промывки мозгов исправно работали даже в прошлые века.

Это было глубокое убеждение Влада, но в данной ситуации надо соответствовать и надувать щеки. Не получилось. Теперь уже рассмеялась Наталья:

— Ну уж, не прикидывайся. Скажи-ка лучше, Тарас номер два Балашов! Настоящий-то писатель в шоу-бизнесе трудится, а ты кем работаешь?

— Я это... Менеджер в автосалоне.

— И где же твой автосалон?

«Да так, в Казани...» — тем же жалким тоном мог бы сказать Влад, и это прозвучало бы очень смешно — по крайней мере, для него самого.

Он живо представил себе, как рассказывает Наталье про увлекательное путешествие на джипе через всю российскую Европу, про кресло в тенистом подвале...

— На Окружной, — определил Влад местоположение автосалона, полагая, что в любом городе есть какая-то Окружная дорога или улица, правда, в Москве это оказалось не совсем так:

— Платформа «Окружная»! Это ж так далеко тебе ездить...

— Зарплата компенсирует, — с напыщенной серьезностью сказал Влад.

— Ну, ладно, Тарас номер два. Давай смотреть картины. Будем с тобой дружить, хоть ты и не тот совсем.

Эту тему она продолжила после, когда они сидели в маленьком ресторане, расположенном на той же улице, что и музей. На сей раз инкерманское красное было в наличии, и женщина чуть ли не мурлыкала, посасывая свое любимое вино.

— Выпьем за трагическое несовершенство нашей реальности, — предложила она.

— Это в каком смысле?

Наталья опрокинула свой бокал и протянула его над столом: налей-ка еще.

— Дело вот в чем: Я, понимаешь ли, чуть было не влюбилась в одного виртуала. Ты не знаешь такого? Его зовут Тарас Балашов.

Влад неуверенно улыбнулся, кивнул.

— Он писал мне такие теплые, нежные письма. Я читала такую теплую, нежную прозу в инете. И внешне он мне очень даже нравился, — она оглядела Влада снизу доверху, с его крупных рук, лежащих на столе, до светлых, уже достаточно пьяных глаз. — Признаться, я была счастлива аж целый месяц, предвкушая встречу со своим виртуальным мужчиной.

Руки Натальи так же лежали на столе, прямо напротив рук

Влада. Тонкие, изящные пальцы. Они непреодолимо тянули его. Влад накрыл их своими ладонями, сказал:

— Так за чем же дело стало? Встреча состоялась в реале.

— Не совсем, — Наталья медленно вытащила руки. — Дело в том, что образ слегка разрушен, образу чего-то не хватает. Гарный хлопец, который писал мне письма, сидит передо мной. Теплые, нежные письма. А вот такой теплой и нежной прозы этого хлопца — нет. Потому что ее писал не тот гарный хлопец, а другой. В чем как раз и есть трагическое несовершенство нашего бытия. За что мы с тобой и выпьем, Тарас.

Наталья подняла бокал, они чокнулись. Вино действительно было хорошим. Влад довез Наталью домой на такси. Приглашения не последовало.

— В человеке, как сказал Чехов, все должно быть прекрасно: и одежда, и душа, и мысли. — Наталья легонько нажала Владу пальцем на кончик носа. — А вот в тебе, мой оживший в компьютере мужчина, отсутствует один из этих компонентов.

Влад оглядел рукава своего костюма.

— Одежда? — дурашливо спросил он, прекрасно понимая, что женщина имеет в виду другое.

— Ну, ничего. Надеюсь, что со временем, с большим старанием и прилежанием, ты наверстаешь упущенное. На той неделе встретимся. Позвони.

И она скрылась за дверью подъезда: в смыкаемую щель скользнула ее длинная лиловая юбка, тень ее косы за стеклом наискось поднялась по облупленной стене. Влад чувствовал щемящую, всего его переполняющую нежность...

Хозяин ждал дома, прохаживаясь из угла в угол по комнате.

— Ладно, мой дорогой, — сказал он, выслушав отчет. — Главное, что ты ее зацепил. А там посмотрим.

— Ей ничто не угрожает? — спросил Влад, несмотря на запрет вопросов.

— Нет, — быстро ответил Хозяин — столь быстро, что Влад усомнился в его искренности.

— Что же мне делать дальше?

— Да ничего нового. Звони ей по вечерам. Когда надумает, встретитесь опять. Вот еще что... — Хозяин нахмурился. — Завтра ты мне будешь нужен где-то в середине дня. Небольшое, но важное дело. Заеду за тобой.

На том и расстались. Весь следующий день Влад тщетно прождал Хозяина, но тот не появился. Вечером позвонил ему, но

аппарат абонента был выключен. Затем позвонил Наталье, и они довольно весело поболтали.

В точности то же самое повторилось и на другой день: от Хозяина не было никаких вестей, его аппарат не отвечал, часов в десять Влад позвонил Наталье, и результатом их общения стала встреча, назначенная на следующий вечер.

Теперь Влад уже молился, чтобы Хозяин не позвонил за эти оставшиеся часы со своим небольшим, но важным делом.

Он не позвонил, хотя Влад, вовсе не желая этого, ждал до последнего и на свидание прибыл с опозданием. На столике в кафе, где ждала Наталья, лежала газета. В пол-листа — портрет Хозяина. Над портретом надпись: «Загадочная смерть почти олигарха».

— Ты опоздал изрядно! — с возмущением воскликнула Наталья. — Пришлось даже газету со скуки читать.

Да, Влад был не в ладах со временем в последние дни. Теперь выяснилось, что человек, о внезапном звонке которого он думал с содроганием, поскольку звонок может сорвать эту встречу, уже два дня никуда позвонить не мог. Труп был найден в доме, куда Влада привезли из Казани. Самоубийство. Как эффектную деталь обстановки репортер сфотографировал кресло для казней. Надпись гласила, что причудой хозяина особняка была коллекция старинных орудий пыток.

И современных, мысленно добавил Влад, рассматривая газету. Он просто не мог оторваться от этого бледного, с плотно сжатыми губами лица, от образа того, кто совершил с ним непонятную сделку, вернее, и совершить-то не успел, поскольку никаких денег получено не было. Впрочем, добраться до Казани он сможет и на карманных, придумать что-нибудь о похищении, скажем, какими-нибудь азиатами, для работы на плантациях, а паспорт на имя Тараса Балашова сжечь...

— Что ты так задумался? — спросила Наталья, проследив направление его взгляда. — Такие люди, как он, не должны жить. Они уничтожили страну, которую я любила.

— Человек все же... — пролепетал Влад, думая о своем. — Зачем-то оборвал собственную жизнь. Может быть, на самом интересном месте...

— Знаем мы, какие у бандюков бывают интересные места.

— С чего ты взяла, что он бандюк? Написано, — Влад ткнул пальцем в газету, коснувшись ненароком лба своего бывшего хозяина, — что известный бизнесмен, депутат, почти олигарх. Вон, — Влад завладел газетой и стал читать: «Он руководил мно-

гими фирмами, но одна из них, самая крупная, специализировалась на...»

— Да какое нам до него дело?

— «...железнодорожных перевозках», — закончил Влад. — И вправду: никакого, — добавил он, поймав строгий взгляд Натальи.

Разумеется, ему-то уж больше всех, сидящих в уличном кафе и идущих рядом по улице, было дело до судьбы этого человека, поскольку от нее зависела и его собственная судьба.

17

Вечер прошел не столь весело, как предыдущие.

— Представляешь, — сказала Наталья. — Никак не могу настроить мобильник, чтоб выходил в интернет.

— О, это проще простого! — воскликнул Влад, радуясь, что может помочь, и поманил пальцами, предлагая передать ему аппарат.

Впрочем, вскоре он радоваться перестал: получив новую игрушку, Наталья полностью углубилась в нее и весь вечер поминутно хватала телефон. Разговор не клеился. Тема велосипеда была полностью исчерпана. Влад решил перейти на детские воспоминания, для чего прибегнул к хитрости: соврал, что дедушка с бабушкой жили в Казани и все лето он проводил в этом чудесном городе. Тут его и понесло.

— Эх, какие там были приключения! — мечтательно восклицал он, рассказывая о плаваниях и на самодельных плотках в детстве, и на скоростных катерах в юности...

— Так вот почему ты окаешь, — только и прокомментировала его речи Наталья, вовсе не заинтересованная играми в Тома Сойера.

Внезапно что-то в ее телефоне — СМС или инете, который он настроил на свою голову, — Наталью явно встревожило.

— Знаешь, мне здесь надоело, — сказала она, зевнув.

— Ну что ж, тогда просто погуляем по городу, — предложил Влад без всякой надежды, но Наталья покачала головой, не глядя на него.

Он довез ее до дома, так же как и позавчера. Поздно вечером позвонил, но она сказала, что сейчас у нее важный разговор по городскому и общаться с ним не может. На вопрос, когда они в следующий раз встретятся, ответ был неопределенный:

— На той неделе, наверное... Ты звони, в общем.

Они всегда говорят что-то такое, если подумывают о расста-

вании вообще. Владу ничего не оставалось, как вернуться к прежней жизни. Только вот этого ему меньше всего хотелось. Он бы не сказал, что был очень уж преисполнен любовью к этой женщине: первое ослепительное впечатление оказалось обманчивым, и многое в Наталье уже казалось другим, но ему хотелось быть с нею, встречаться, добиться ее, в конце концов. Чем черт не шутит! Жениться на ней по новому паспорту, жить у нее, тем более что Влад уже достаточно почувствовал вкус к Москве, вкус ее кампари — острый, с нотами хинина, меда, цитрусовой цедры, пепла и земли... Он все время думал о ней, мысленно с нею разговаривал. Едва дождался полудня, когда Наталья обычно просыпалась, чтобы ей позвонить. Ответ его ошарашил:

— Ты жалкий фальсификатор, присвоивший себе чужое! Я больше не желаю тебя знать. Не желаю видеть тебя больше НИКОГДА!

И сбросила звонок. Влад снова вызвал ее номер. Не ответила.

Ну и пусть она окаменела в тридцать, со злобой вспомнил он мысль, что посетила его при первой встрече. Треснет в одно прекрасное утро и разлетится на куски. «Не хотел бы я стать свидетелем этого взрыва», — мысленно проговорил он, отчаянно понимая, что все это недолгое, странное, восхитительное время только и думал, мечтал о том, чтобы получить право быть всегда рядом с этой женщиной, разделить ее жизнь в горестях и страданиях и наконец проститься с нею, закрыть ей своими руками эти ослепительные, эти насквозь прожигающие глаза.

Что изменилось? Что произошло? Присвоил себе чужие сочинения, но ведь и признался в этом, и уже разобрались. Хорошо, если это просто женский каприз. А вдруг нечто большее, вдруг она познакомилась с кем-то другим? Просто кто-то написал ей на сайт знакомств. Недаром же она вчера не расставалась с мобильным интернетом...

Влад фантазировал: например, дня три назад она получила первое его письмо. Начала общаться. Поэтому и попросила Влада настроить ей мобильник, чтобы не прерывать общения.

Этот мужчина показался ей идеальным. Он подходил ей по всем параметрам. Она втюхалась в него, а он, Влад, несмотря на то что за ним стоял призрак Тараса Балашова, показался ей уже совершенно не нужным.

Что же делать? Вернуться в Казань? А на какие деньги? Влад осмотрел бумажник, вывернул все карманы... Нет. Теперь не хватало даже на билет в общем вагоне. Впрочем, можно добраться на электричках, на попутных дальнобойщиках... Поду-

мать только! Так рассуждал человек, которому уже через несколько минут было суждено стать богатым... Сравнительно, конечно.

На звонок в дверь Влад не ответил. Сидел, затаившись, застыл с открытой дверцей холодильника, не решаясь хлопнуть. Впрочем, не имеет значения. Пусть пропадет этот чужой холодильник, теперь вообще неизвестно чей.

Однако через секунду он уже забыл о холодильнике, потому что услышал скворчание ключа в дверном замке. Убийцы! Лысый и Полностью лысый! — мелькнуло в голове, прежде чем он увидел на пороге худощавого человека, вполне интеллигентного вида, на киллера не похожего.

— Простите, — сказал он. — Меня предупредили, что вы можете и не открыть, поэтому дали ключи.

Он прошел на кухню и мягко положил связку на стол.

— Я уполномочен передать вам вот это, — он раскрыл кейс и достал увесистый пакет. — Но взамен вы должны отдать мне документы на имя Тараса Балашова.

— Я и есть Тарас Балашов, — неуверенно проговорил Влад.

— Бросьте. Вы Влад Синеухов, из Казани. Ваш паспорт лежит в пакете на самом верху, посмотрите. И все остальное, что в этом пакете, также ваше.

Влад раскрыл пакет. Первое, что он увидел внутри, были деньги. Много денег. Поверх этого плотно увязанного штабеля из заморских пачек и вправду лежал его старый паспорт, какой-то авиабилет... Он развернул его. Это был билет на самолет до Казани, на сегодняшнюю ночь, выписанный на имя Влада Синеухова.

— И что? Откуда это? — сильно волнуясь, спросил он.

Незнакомец пожал плечами.

— Меня просто просили передать вам это. Не спрашивайте — кто. Я не смогу вам ответить. Но из проездного документа ясно, что Влад Синеухов, то есть вы, летит сегодня в город на Волге.

Сказав все это, он повернулся и пошел к двери.

— Вы исполняете волю покойного? — спросил Влад, понизив голос, как всегда, когда вспоминают мертвых.

— Повторяю, — гость же наоборот, повысил голос, — я ничего не могу вам сказать. До свидания.

Разумеется, а как же иначе? — решил Влад. Хозяин обещал, Хозяин сделал.

Влад захватил в угловом магазине плоскую бутылку коньяку и выпил ее до доньшка в такси на аэропорт. Секретного агента

из него не вышло, и теперь можно пить сколько угодно, лишь бы в самолет пустили. Когда стали снижаться, уже светало, крыло «Боинга» перерезало Волгу, тот самый мост трассы М-7, по которому его везли на джипе, из жизни в жизнь... Над туманным городом парила голубая мечеть, будто какое-то остролистное болотное растение.

Все хорошо, что хорошо кончается. Главное, что он остался жив. Есть еще несколько часов, чтобы придумать историю, где он был эти три недели, которые показались ему сроком гораздо более долгим. Ну, ничего. Теперь на него неожиданно свалились деньги — сумма, о какой он не мог и мечтать. Купит катер и заплатит за стоянку на год вперед. И горючего для этого катера нальет целое море! Хорошо, пусть всего лишь маленький бассейн. Наверняка его объявили в розыск. Корове своей объяснит, да ей и не важно, куда его швырнула судьба. Дочке — тоже не важно. Наверное, придется давать показания ментам, то есть теперь полицейским. Пентам? Это труднее, чем объяснить семье. Главное, что остался жив, мысленно повторил Влад, даже и не предполагая, насколько ошибается. Наталья! Надо поскорее забыть ее. Пусть это и будет довольно трудно...

18

Женщина, которую Влад хотел забыть, зная, что сделать это будет довольно трудно, в этот самый момент лежала в постели с ноутбуком на животике и вовсе не думала о нем. Вот-вот ей должен позвонить человек, который, возможно, и есть благополучный финал ее судьбы.

Путь, который привел ее к этому человеку, был извилист, словно река, причудлив, как магический орнамент.

Все началось с тоски и одиночества. С мужем она развелась давно, затем была чередой мужчин, каждый из них либо тоже оказывался алкоголиком, либо она уличала его в измене, либо срабатывала элементарная несовместимость.

Еще при советской власти она окончила Литинститут, думала работать в каком-нибудь толстом журнале; все считали ее талантливым критиком, но в начале девяностых престиж и литературы, и критики упал ниже плинтуса, многие гуманитарии стали бизнесменами, вернее, вышли с тряпками на базар. Наталья также вышла на улицу, на Арбат, но не торговать чем-то, а гадать по рукам. Она стояла напротив театра Вахтангова с самодельным плакатиком на треноге, где была изображена огромная ладонь. Рядом частенько сживал ее бывший муж, как бы

охраняя, надеясь, наверное, вернуть ее, а скорее всего — просто с целью заработать на водку. Да, она давала ему деньги, но это была вроде как плата за крышевание.

В девяностых Арбат был местом неизбежных случайных встреч. Тогда еще бесконтрольная, разноцветная толпа художников, торговцев матрешками и всяческих мелких спекулянтов облепила его стены, и все это было в диковинку, и каждый москвич или «гость столицы» считал необходимым отметить здесь или же — регулярно гулять. Видеть институтских знакомых порой было для нее пыткой. Чаще всего Наталья старалась не замечать их, но чуть ли не каждый день выныривала из толпы чья-то голова:

— Ба! Вот так встреча!

— Какие люди! И без охраны...

— С охраной, с охраной, — отвечала Наталья, указывая на бывшего мужа с бледной похмельной или уже красной довольной рожей.

Впрочем, эти встречи порой были не столь радостными: знакомые несли вести о гибели, самоубийстве или пропаже того или другого человека. Так прошла, коснувшись каждого, гражданская война.

Погибли и друзья ее детства, ребята из старого двора на Чистых прудах, и школьные товарищи. Недавнее тридцатилетие школы, встреча с одноклассниками еще более усугубили чувство заброшенности, чувство разрыва с людьми. Круг институтских друзей также был ею давно покинут, поскольку по специальности она не работала, и стыдно ей было перед сокурсниками, что бросила, что зарыла в землю талант...

Литература вообще потеряла для нее всякий смысл: с начала девяностых она не только писать, но и читать перестала. Нет, она постоянно покупала книги, но это не была художественная литература, чей-то вдохновенный вымысел, а только «нон-фикшн» — что-то нужное и полезное. «Как прожить на одну зарплату» Рыбникова, «Твой мужчина — это ты» — Хлестаковой, «Духи огня и воды» сестер Сырниковых. Три эти книги уже год лежали в разных местах ее дома: на кухне, в ванной и на сонной тумбочке, раскрытые посередине, она порой полистывала их. Странно, конечно, но не научили ее эти книги ни древней магии, ни экономии денег... И одиночество продолжалось долго, пока вдруг не произошло нечто совершенно немыслимое: она и представить себе не могла, что такое с нею возможно...

В прошлом году, когда скоростной интернет стал доступным по цене, она увлеклась сетью, с жадностью рассматривала картинки, читала статьи. С удивлением узнала, что есть в инете места, где можно свободно публиковать собственные произведения. Увлеклась, сделала страничку в Живом Журнале, поместила туда несколько своих стихотворений.

Как критик она понимала, что ее стихи ниже всякой критики. Стишата — так называла она их. Но задача этих текстов была в другом: Наталья рекламировала свою профессиональную деятельность, и в этом качестве «стишата» служили исправно. Рифмовала она астрологию, белую магию, хиромантию и онейрологию — науку о толковании снов.

Что слышал ты, дрожа глазами,
в глубокой ночи темноте?
Поверь, порой не знаем сами,
что означают звоны те.

Разочарование постигло ее довольно быстро: читателей у этой страницы было мало, отзывов — ни одного. Вскоре стало ясно, что публиковать тексты в интернете — это все равно что развешивать их на деревьях в лесу.

Наталья перестала заглядывать на свою страничку, использовала интернет как энциклопедию для работы, как музыкальный ящик, но вскоре знакомый специалист объяснил ей, как надо действовать, чтобы протоптать тропинки в этой дремучей чаще. Ее никто не читал просто потому, что никто не видел. Для того чтобы обратить на себя чье-то внимание, надо быть активным, открывать множество чужих страниц. Если их хозяева увидят ее имя на своих счетчиках, то нанесут ответный визит. И необходимо писать всякие возгласы на чужих страницах, вроде: Классно! Отпадно! Улет! Рулез!

Андрей, с которым она общалась лишь виртуально, никогда не видела его, попросил у нее пароль от ЖЖ и продемонстрировал, как привлекать читателей. Сразу пошли и гости, и отзывы. Наталья воспрянула духом, ее снова увлекла эта игра. Тут-то и появился в ее жизни Тарас Балашов.

Ей вдруг пришло письмо, совершенно волшебное: человек не только был восхищен ее стихами, но признавался в том, что ПОЛНОСТЬЮ совпадает с нею по интересам. Так и выделил это слово крупными буквами, будто крича.

Он рассказал, что сам из Измайлово, что отправился в путе-

шествие вокруг Байкала, попал в аварию, теперь его спасли вояки, и он лежит в госпитале. И он тоже был писателем, и отправил ее на страницу Прозы-ру, где было опубликовано множество его произведений.

Тарас понравился ей лицом и телом, футболист с оранжевым мячом, а его маленькие рассказы, так называемые миниатюры, бегло просмотренные, произвели самое хорошее впечатление. Однако, составив натальную карту согласно времени и месту его рождения, она сделала категорический вывод: этот мужчина ей не подходит.

Переписку оборвала по-английски: просто не ответила, и все. Казалось, Тарас поймет этот жест, но не тут-то было! На следующий вечер пришло письмо с вопросами: что случилось, почему она замолчала, уж не заболела ли? Наталья и это письмо оставила без внимания. Еще раз вызвала на монитор карту: никаких точек соприкосновения с этим человеком нет и быть не может. То, что он родился в Москве, это плюс, конечно, но... В карте его рождения ярко выражен второй квадрант: Тарас безусловно остался в периоде своей юности, ему свойственна ювенильная психопатия. В отличие от инфантилизма (глубинной незрелости, отсутствия стержня), ювенильность — это когда человек в чем-то ложно убежден, у него есть гордыня, тщеславие, желание подавлять других, ни на чем не основанный эгоцентризм, он с налета отвергает то, что представляет действительную ценность. А раз так, то нечего ни продолжать общение, ни даже объяснять причины своего ухода.

На следующий вечер от Тараса пришло длинное письмо. Наталья хотела было стереть его, не читая, но взгляд зацепился за слово «сиреневый»... Да и к письму была пристегнута фотография сиреневых лилий, ее любимых цветов.

С чего бы это? Слово за слово, она принялась читать и вскоре уже не верила своим глазам. Тарас просто рассказывал о себе, и ей казалось, что это пишет она сама. Он любил то же, что любила она, и ненавидел — то же. Музыку «Beatles» и оперу Чайковского «Иоланта» — любил. Восточную музыку, танец с саблями, романы Пелевина — ненавидел. Книги Александра Грина, фильм «Андрей Рублев», старинные иконы, маленькие церквушки в бескрайних полях — любил. А еще он любил смотреть на звезды и как движется луна. И еще ему нравились ее глаза и улыбка, и острый, смелый изгиб губ... А велосипед, который разбился в ущелье за Байкалом, был точно такой же, как у нее! И он очень любил длинные ночные покатушки по Москве

на том велосипеде, и очень хотел сделать покатушки вместе с нею. Когда он поправится и вернется домой.

Наталья вновь открыла страницу прозы Тараса Балашова и вчиталась, теперь уже внимательнее. Это была красивая, пронзительная, чувственная проза — рассказы, весьма грамотно и тонко сплетенные по принципу венка сонетов. О любви. Трудно было поверить, что так может любить мужчина. Одно смущало: посвящены все эти слова были не ей.

Но как же астрология, звезды? Может ли древнейшая наука ошибаться? По характеру Тарас был просто-напросто ее зеркалом, а вот по звездам — не подходил категорически.

«Не покину Вас, Тарас, не бойтесь! — отстучала наконец она. — Кто ж мне тогда такие красоты будет писать?»

Они переписывались уже больше месяца. Она читала его прозу, и вскоре ей показалось, что она в Тараса влюблена. Электрическая такая любовь, передаваемая по проводам на расстоянии, несмотря на то что согласно синастрической астрологии, изучающей именно совместимость людей по знакам, Тарас совсем не годился в ее мужчины.

Она вспомнила, что с одним человеком у нее уже было то же самое, только наоборот: мужчина был неприятен ей, она, можно сказать, ненавидела его, хотела забыть, но натальная карта говорила противоположное.

Впервые в жизни она усомнилась в самой астрологии. Вот уже два явных случая, которые доказывали, что всесильная наука, наука наук, — может и ошибаться. Этот Тарас по всем параметрам был не ее мужчина. Однако каждое новое письмо демонстрировало его необыкновенную, фантастическую близость всему тому, что она сама знает и любит.

Слишком уж серьезный был у Тараса диагноз, поэтому он так долго не вставал с постели, поэтому ему и решили сделать операцию. Это должна была быть какая-то пустяковая операция, но под общим наркозом. Тарас вскользь упомянул, что на последнем медосмотре, перед гонками на чемпионат Москвы, врачи объявили, что ему противопоказан общий наркоз. Эта деталь очень встревожила Наталью.

«Ради Бога, Тарас! — написала она. — Откажись от операции. Поставь врачей в известность. Нельзя быть таким беспечным мальчишкой!»

Он ответил, что все будет в порядке. Операция в понедельник. Во вторник он еще вряд ли выйдет на связь, а вот в среду жди письма, и все пойдет на лад, а потом, уже совсем скоро,

твой отчаянный мальчишка прикатит к тебе на своем трехколесном велике, и это было его последнее письмо.

Ни в среду, ни в четверг ответа она не дождалась. Наталья писала сначала ему, потом обратилась к кому-то, неведомо кому... «Пожалуйста, если кто-то имеет доступ к этой почте...» — написала она и сама ужаснулась своим словам. Как это — «кто-то»? Если кто-то, то кто?

Что-то зловещее виделось за этими словами: будто в мрачной хирургической палате, полной больничного запаха, белая санитарка разбирает вещи умершего больного, находит листочек с адресом почтового ящика и паролем. Может такое быть? Она-то сама хранит такой листочек? То, что Тарас не вышел на связь, могло означать только одно...

Прошел еще день, и другой... Последствия операции, при том что наркоз противопоказан, могли быть самыми тяжелыми, его держат в реанимационном отделении, какой там может быть имейл?

Прошла неделя. Умер. Умер под хирургическим ножом. Молодой, красивый, сильный мужчина. С лицом, смотреть на которое было просто праздником. Что теперь греха таить? От себя самой... Теперь-то она была уверена: точно, влюбилась.

А мало ли надо для любви? Лицо взволновало. Фигура у парня что надо — крепкие икры, обтянутые гетрами, да и трусы — блестящие на солнце, футбольные — зеркальными складочками облевали изящный призрак... Человек — ее двойник, ее полная копия. Ее вторая половина, которую она нашла наконец столь причудливым образом! И нет его теперь.

Наталья вышла на страницу Прозы-ру, уже другими глазами посмотрела на эти рассказы. «Ты, я и велик», «Ветер, велик и я», «Он стоял в твоей прихожей» — эти трогательные рассказы про велосипед, про девушку на велосипеде, выглядели теперь как эпитафии... Вдруг она увидела то, чего раньше не замечала на этой странице, хотя оно всегда болталось прямо перед глазами.

«Отправить письмо автору», — значилось на самом верху. Наталья кликнула. Открылось окошко. Интересно, а куда попадет это письмо? Ведь часто бывает, что у человека не один, а несколько почтовых ящиков на разных серверах. С ящиком может произойти авария. Хозяин ящика может забыть пароль. Тем более после операции, после наркоза. Лежит ее Тарас сейчас в той же самой палате и мучается тем, что не может связаться с нею, а она, дура, уже такого тут наворотила...

Наталья быстро настучала письмо в окошко, от волнения по-

наделав кучу ошибок, брякнула ENTER и принялась ждать. Ответ пришел быстро, почти мгновенно.

«Отвали ты от меня, дрянь безграмотная. Чокнутая. Гипсом этим тебя бы по башке. Не желаю с тобой общаться. Не пиши мне больше, поняла?»

Наталья обомлела. Это он ее за ошибки, что ли? Ее, профессионального филолога? Да кто он такой со своими рассказами? Ненавижу!

Тут же ей пришла мысль прогуглить его вообще. Она поставила на поиск «тарас балашов» и с удивлением обнаружила, что никаких сведений об этом писателе нет, кроме того, что он опубликовал на Прозе-ру. Были какие-то парни с таким именем в разных «мирах» и «контактах», но ни по возрасту, ни по другим параметрам не подходили.

Она была потрясена. Он прекратил переписку. Не раз она пыталась еще раз написать ему — то на ящик, то через форму, но пальцы немели, падали между клавиш, снова лезли ошибки... Наталья чувствовала себя мухой, запутавшейся в мировой паутине, или пчелой, да, пчелой — именно красивой пчелкой она и позиционировала себя всю жизнь... Впрочем, пчелы не попадают в сеть к паукам.

Несколько дней она жила в странной задумчивости. Чем не угодила? Ведь все шло так гладко... Так выходило хорошо!

Истекли две медленные недели. Она уже вспоминала, как сон, свою электрическую любовь. Еще две недели. Ее то поедали тоска и ненависть к самой себе, то бешеная злоба на этого виртуала, который лишь поматросил ее... В такие минуты Наталья даже с радостью принимала версию о бесстрашном путешественнике, трагически погибшем на операционном столе за Байкалом.

Ей было невдомек, что всей правды этой истории она не узнает никогда, хотя бы потому, что не читает книг, подобных этой, где именно и содержится значительная часть правды, по крайней мере — бумажная ее часть.

19

И внезапно пришло письмо. Самое обыкновенное, от живого и здорового Тараса. Он был уже в Москве и крепко стоял на ногах, вернее, крутил педали своего старого «Стелса». Операция прошла удачно, но какое-то время он был без сознания, а когда очнулся, выяснилось, что его друг-доктор отправился в отпуск, со всеми вытекающими последствиями: свой ноутбук увез.

«И вот теперь я выхожу с домашнего компа, сразу, как только вошел... Нет, вру, Наталья! Первым делом прокачал велик вокрут квартала. Есть одна у летчика мечта — «высота!»

Наталья отвечала с недоверием, первым делом потребовала, чтобы этот воскресший Тарас дал ей свой телефон. Нового телефона он еще не успел купить, а от городского давно отказался, ибо зачем в наше время городской — в прачечную звонить?

На другой день он все же купил аппарат и в письме сообщил ей номер. Наталья позвонила. Голос Тараса был приятный, бархатный, с внезапными нежными нотками. Болтать с ним было легко и весело. Они то эсэмэсились, то емилились, то разговаривали. Через три дня назначили свидание...

Она издала узнала его на фоне Пушкина. Высокий, широкоплечий, с глазами, которые, казалось, излучают свет.

Подошла, положила ладонь ему на грудь. Сказала:

— Ну, здравствуй, путешественник! Честно говоря, я до последнего момента не верила, что ты существуешь.

Все оказалось гораздо сложнее. Что-то было у этого Тараса не так. Какой-то странный выговор, походка какая-то не та... Походку, конечно, можно объяснить недавней травмой, а вот акцент... Впрочем, она слыхала, что люди, прожившие значительное время в чуждой среде, перенимают ее манеры и долго не могут от них избавиться...

Вдруг ей пришла в голову дикая мысль. Когда зашел разговор о ее первом муже, она вспомнила, что у Степана была ошибка в паспорте: неверно был указан месяц его рождения: март, а не май. Что, если и у Тараса то же самое? В таком случае все объяснялось просто: натальная карта была построена неправильно, и Тарас на самом деле подходил ей согласно голосу звезд.

Она завела разговор о тайне рождения, стала выпытывать, нет ли какой ошибки, даже проверила его паспорт. Тщетно! Звезды говорили, что эти двое далеко, очень далеко не пара, а перед нею был мужчина, который с каждым часом общения, с каждым новым бокалом вина нравился ей все больше...

Но вдруг все катнулось в другую сторону, причем на самых последних словах, когда Наталья упомянула о грубом письме, которое получила от Тараса через форму...

— Какое письмо? — спросил Тарас, часто моргая.

В голове Натальи будто бы сложились обрывки бумаги, прежде разбросанные по столу, но сейчас все выстроилось в кристально ясный текст. Она задала Тарасу несколько вопро-

сов, и ей тут же стало ясно: этот человек выдает себя за другого! Но почему, для чего?

Ей вдруг стало страшно, она вспомнила красногубых людей в черных масках, которые били ее головой об угол... От волнения Наталья взяла неуправляемая зевота.

— Дождь никак не кончится, — сказала она сквозь очередной зевок. — А ты вовсе никакой не Тарас Балашов.

Тарас, казалось бы, искренне возмутился, напомнил, что показал ей свой паспорт. Наталья стояла на своем: что-то происходит не то, и эта реальность ей не очень нравится, и даже — ОЧЕНЬ не нравится... Кончилось тем, что ложный Тарас перемахнул через перила беседки и побрел под дождем, среди разбросанных пластмассовых грузовичков и экскаваторов, словно великан-разрушитель.

Вдруг Наталья заметила зонтик Тараса, схватила его, ринулась было вслед ушедшему, затем притормозила и пошла медленнее, наискось свернув в другой переулок, не в тот, где вдалеке еще была видна совсем маленькая фигурка ушедшего Пьеро.

Что вообще происходит? Кто-то водит ее за нос, что-то выстраивает вокруг нее — странное, непонятное, жуткое... Ее мучило от какого-то неясного страха, в то же время раздирало любопытство. В задумчивости Наталья добрела до метро, вышла, дошла до дома. Зазвонил телефон. Она глянула: это звонил Тарас. Она уставилась на мигающее имя, долго не решалась соединиться, но вдруг, наоборот, — в панике нажала на кнопку.

— Ты забыл свой зонтик! — весело выпалила она. — Я готова его тебе вернуть. Только с условием: Расскажи-ка мне всю эту чепуху про двух разных Тарасов с паспортами, и прямо сейчас!

— Ну, так получилось... — сказал Тарас.

— Как такое могло получиться?

— Ну, я набрал свое имя в сети и напоролся на своего полного тезку. Оказалось, что этот тезка пишет рассказы. Оказалось, что эти рассказы будто я сам написал. Про покатушки на велике, про девушку. Мне в госпитале было очень тоскливо. Тут мне твоя страница попала, с очень хорошими стихами. Вот я и написал тебе как бы от лица того Тараса Балашова, хотя я тоже Тарас Балашов, только этот.

Наталья расхохоталась. Они договорились встретиться завтра. Она повела ложного Тараса в Пушкинский музей. Сразу стало ясно, что его вкусы касательно живописи лежат на уровне крестьянина середины XIX века. Это столь развеселило Ната-

лю, что она не могла сдержаться и время от времени прыснули со смеху.

— Смешная картинка! — пояснила она, указывая пальцем в ответ на недоуменный взгляд Тараса.

— Точно! — расхохотался в ответ и Тарас.

Они стояли под «Музой» Анри Руссо. С таким же успехом он мог бы высмеивать Пиросмани.

Наталья перестала смеяться и принялась расспрашивать Тараса о его настоящей жизни и работе. Оказалось, что он работает продавцом машин где-то на Дмитровском шоссе.

Дожила! До сих пор она встречалась только с творческими ребятами, последнее время закружилась с ночными велосипедистами, но и те все были поэтами-любителями или певцами. Теперь вот автомобильный менеджер. И, похоже, он станет ее мужчиной. Смех.

Наталья чувствовала, что напивается (они уже перебрались в тихое уютное кафе): уж больно вкусным было это инкерманское красное... Она смутно помнила, какую несла чушь, и в тот же вечер чуть было не пригласила этого мужчину к себе.

Еще в детстве ее поражало какое-то фатальное несовершенство мира. Во всем были нелепые, лишние детали. Например, бабушка как-то подарила ей юбочку. Все в этой юбочке было хорошо, кроме одного: на попке болтался огромный, похожий на орхидею бант. Наталья отрезала его и сразу испортила юбочку, а ведь она была так хороша! Только вот этот нелепый бант...

Так и всю жизнь. У приятного в общем мужчины вдруг оказывались неимоверно большие уши, и становилась понятна его привычка носить длинные волосы, которые сразу начали выглядеть жалкими, неуместными для этого лица...

И вот само совершенство улыбнулось ей издали, на склоне лет. Молодой, крепкий парень, который пишет рассказы, звучные, словно стихи, обратился к ней с каскадом искренних, чувственных писем. Нашли друг друга в безбрежном поле два колоска...

И все разрушилось, разделилось. Пусть в сухом остатке красавец-велосипедист, который смотрит на нее влюбленными глазами, а главная его составляющая выскользнула из рук, словно ящерица, оставив мерно виляющий хвост — именно этого красавца-велосипедиста.

Но ведь она может в любой момент связаться с ним, с настоящим Тарасом Балашовым! Наталья села в постели, задумалась, прижав ладони к щекам.

Она вспомнила, как смутился Тарас, когда она заговорила о том письме, через форму на Прозе-ру. Это ее как раз и насторожило: вот почему она сразу устроила экзамен по текстам и лишь тогда окончательно убедилась, что существует другой Тарас Балашов.

Вот интересно, а что в Тарасе Балашове главное из его умопомрачительного триединства: его внешность, его письма или его проза? Внешность и письма — это один человек, проза — другой. Правда, Наталья располагала и письмом от другого: неимоверно грубым ответом... А чего тут, в сущности, удивляться? Живет себе некто, никого не трогает, вдруг ему приходит письмо незнакомки, где упоминается госпиталь и Байкал, гипс какой-то... Он, наверное, и так уже устал от поклонниц: вон сколько восторженных отзывов на его странице, ясно, что все эти дамочки пишут ему через форму, назначают свидания, объясняются в любви... И тут еще одна, плюс сумасшедшая, с гипсово-байкальскими галлюцинациями... Да она сама на его месте еще не так бы изматерилась! Ведь отшивала всяких юношей на ЖЖ, которые лезли с немедленными эротическими фантазиями...

Да, конечно, она продолжит с ним встречаться, с каждым днем они будут все ближе, наконец — рухнут в постель. Наталья огляделась. Вот в это самое белье. Или у него в Измайлово.

Будет роман, будет его конец. Красивый, спортивный парень, но духовно ей близок другой. Тот, кто написал рассказы. Тот, кого этот, первый, полный тезка, нагло обворовал.

Наталья взяла с тумбочки свой серебристый комп, не так давно купленный, тонкий и изящный, который так приятно было поглаживать ладонью, водрузила себе на животик и запустила. Пока механизм ворочался и попискивал, она пыталась отменить принятое решение, но в итоге не смогла.

Вот и страница Прозы-ру, где таинственный, без всякого портрета и предисловия, писатель сотворил полсотни волшебных, сливающихся в общий поток нежности и страсти, словно рождающих кристально чистую словесную реку новелл.

Наталья выбрала «Отправить письмо автору» и получила широкое окно для своего решения. В том, что сейчас в ее жизни наступил момент истины, она не сомневалась.

«Дорогой Тарас! Первое письмо я написала Вам по ошибке, за что покорнейше прошу прощения. Буду кратка, как летняя ночь...»

Недурно, красиво и звучно: эта неожиданная метафора

открыли бывшую критикессу, и она, размяв над клавиатурой пальцы, уже полетела без оглядки дальше, даже и не подозревая, кто или что увидит ее слова на другом конце этой неведомо куда ведущей нити...

«Дело в том, что один человек, полный Ваш тезка, обнаружил Ваши изумительные новеллы в сети и самым наглым образом присвоил их себе. Я по праву заявляю ИЗУМИТЕЛЬНЫЕ, потому что я кое-что смыслю в литературе как профессионал. Но об этом после.

Передо мною он разыграл комедию, обратившись ко мне якобы от Вашего имени. Сам он лежал в это время в госпитале, весь в гипсе, словно мумия. В какой-то момент наша связь прервалась, и я написала ему через форму. Вот и попала на Вас, настоящего. Вот и рассердила Вас. Простите меня, грешную...»

Нет. Никаких неуклюжих извинений. Наталья задвинула курсором последнюю фразу, словно штору на окне.

«Что я хочу сказать? Этот ничтожный человек, жалкая копия, тупица, тем только и славный, что имеет смазливое личико и круглые бицепсы, присвоивший чужое, поступивший совершенно не по-нашему, не по-русски, теперь вызывает у меня отвращение, но я — как же это Вам объяснить? — встречаюсь с ним и собираюсь встречаться дальше, и пойти на большее...»

Часть фразы Наталья опять зашторила, остановившись на отвращении. Снова щелкнула суставами пальцев, снова полетела неведомо куда...

«Я профессиональный филолог, окончила институт по специальности ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА. Ваши рассказы восхищают меня как профессионала, я могла бы многое о них Вам сказать. Ваша проза лишь кажется прозой на приблизительный взгляд, на самом деле — это стихи. Самой высокой пробы.

И дело не только в этом. За этими словами я вижу Личность — человека, способного отдать жизнь ради женщины, ради Любви. Человека, для которого любовь составляет смысл всей его жизни... Я говорю, конечно, о лирическом герое этих стихо-прозо-произведений, а не о личности автора...» — последнюю фразу Наталья добавила чтобы не выглядеть полной идиоткой, признающей в любви незнакомцу. Нет, пора заканчивать, а то еще наговорю лишнего... Она бросила еще несколько прощальных слов, ввела код подтверждения, что она не робот, и ударила по клавише ENTER.

«Ваше письмо автору Тарас Балашов успешно отправлено», — сказал компьютер.

Наталья выгнулась, широко раскинув руки, уже собираясь его выключить и заснуть, уже потянулась стрелочкой мыши к кресту, как вдруг взгляд зацепил на новостной ленте знакомое имя... ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ ПОЧТИ ОЛИГАРХА. Она кликнула, вызвав на экран всю статью. Человек, которого она знала с детства, был мертв.

«Сегодня ночью известный бизнесмен с сомнительным криминальным прошлым был найден мертвым в своем загородном особняке...»

Наталья вдруг услышала собственное сердце, как часто забилося оно.

— Это произошло, — прошептали ее губы. — Наконец-то это произошло.

«Как способ самоубийства, так и наличие предсмертной записки не оставляют никакого сомнения. Но все же... Редакция позволяет себе пофантазировать, а главное — задать вопрос: ЗАЧЕМ человеку с невыносимыми для простого человека доходами, человеку, роскошной жизни которого мог бы позавидовать каждый, увольняться из этой самой жизни по собственному, так сказать, желанию?»

Может ли такое быть, что в этом виновата она? Тот, у которого было все и даже больше, чем все, отринул собственную жизнь потому, что в ней не было самого главного — любви? Выходит, что ей все же удалось освободить мир от чудовища!

«Есть версия, что это хорошо замаскированное убийство. Как сообщил следователь Пилипенко, подключенный к расследованию, почерк предсмертной записки тщательно изучается...»

Наталья выключила комп. Первым делом она подумала о Сером как о символе, абстрактной медийной сущности, одном из тех, кто разрушил, разграбил страну.

— Флаг тебе в руки в твоём путешествии! — прошептала она с горькой усмешкой, когда забралась под одеяло, прижалась щекой к подушке...

Но сон не шел. Все-таки это был человек — не просто образ апокалипсиса. Одноклассник. Это был первый парень в ее жизни, который признался ей в любви.

Он был смешон, примитивен, она просто стыдилась, что воспылал к ней чувством именно он. Почему не Костя, не Юра, не кто-либо другой из умных, вдохновенных мальчишек, которые были интеллигентны, культурны, устремленны? Именно этот хулиганистый пацан, сын рабочего, прожженного алкаша. Вся его дальнейшая жизнь была как на ладони: завод, пьянство,

семья. Если бы не дикие, немыслимые события в стране, благодаря которым такие, как он, и всплыли на поверхность.

Он ходил за нею по пятам, посылал записочки. В то время как все остальные, в том числе и она сама, влюблялись тайно, стыдились своих любовей, доверяли их исключительно близким друзьям и подругам, этот вышагивал по школе и окрестностям, будто бы с большим барабаном, гудел: я люблю Наташу Проценко! Люблю!

Он написал белой краской перед дверью ее подъезда, огромными печатными буквами: Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ, НАТАША!

Неслыханный поступок по тем временам. Это сейчас подобные надписи вошли в моду, потому что якобы свобода и стало МОЖНО. А тогда было — нельзя.

Серого — такова была его школьная кличка — вызвали на комитет. Инкриминировали порчу социалистического имущества, асфальта улицы. Нелепость ситуации заключалась в том, что Наталья была членом комитета комсомола школы.

Собрание выглядело словно какая-то комедия. Правда, это сейчас так кажется, а тогда все было очень серьезно.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что твое поведение недопустимо? — звонким официальным голосом спросила секретарь комсомольской организации школы, молодая учительница физкультуры, как выяснилось спустя годы, по совместительству — девочка по вызову, но тогда, для них, авторитетная серьезная тетя, «железная леди».

— А чё я сделал? — нагло возразил Серый.

Ситуация была щекотливой: все знали, что невольным участником этой вопиющей истории была Наташа Проценко, член комитета, сидевшая в президиуме собрания, тщетно стремившаяся спрятаться за графином.

На Серого давили со всех сторон, каждый выступающий обличал и клеймил, а он по-птичьи вертел головой и бесконечно повторял одно и то же:

— А чё я сделал?

В конце концов ему дали последнее слово. Он обвел аудиторию пустым взглядом и проговорил:

— Я не скрываю. Все знают, что я люблю эту девушку. Вот и написал на асфальте.

— На асфальте! — выкрикнул кто-то.

— Испортил нашу народную собственность! — подхватил другой.

Это был стеб, конечно, явно издевательские голоса, только

притворявшиеся «правильными». Идиотизм ситуации заключался еще и в том, что все присутствующие, кроме, разве что, самой Натальи, были восхищены поступком Серого, но положение обязывало его заклеить.

После этого случая Наталья люто возненавидела поклонника — за свой позор, за графин, в котором отражались ее красные щеки.

А он уже не давал ей прохода. Ждал после школы и молча шел за нею до самого дома. Провожал. Держался шагах в двадцати.

Однажды к ней пристали двое, обступили, стали шипать. Сейчас он вам покажет! — подумала Наталья, оглянувшись.

Ее паж и защитник стоял неподалеку у дерева и наблюдал за кошкой, которая терлась о кору. Наталья не сразу поняла, что он лишь делает вид, что не замечает происходящего. Вмешалась какая-то пожилая женщина, грубо растолкала обидчиков, стала стыдить на всю улицу, те решили поскорее убраться. Наталья двинулась дальше, низко опустив голову. Это было самое тяжелое разочарование на тот момент ее жизни. Серый пошел по улице опять как ни в чем не бывало. Она оглядывалась, видела его нескладное отражение в лужах, ее душила обида. Она воображала его верным слугой, тайным своим рыцарем... Ведь она чуть было не сдалась. Уже была готова встретиться с ним и пойти в кино. А там берут за руку... Наталья круто развернулась, остановилась. Серый также остановился в трех шагах, почесывая одну ногу о другую.

— А ну, подойди, жалкий трус! — приказала Наталья.

Тот приблизился с обреченным лицом, словно ребенок в ожидании трепки.

— Не ходи больше за мной, ты!

— Наташенька, — загнул Серый, и она почувствовала вдруг сильнейшую ярость.

Неожиданно (для себя самой) размахнулась и ударила его портфелем по лицу.

Больше он за ней не ходил и вообще как отрезал всякое общение, словно своим звучным шлепком наотмашь она вышибла из его головы всю любовь.

Это было в восьмом классе, а в девятом по школе поползли слухи о подвигах Серого. То тут, то там кого-то «наказали», «проучили» и тому подобное, и во всех случаях упоминался Серый, и был он вроде как предводителем тех, кто «наказывал» и «проучивал». И будто бы он, Серый, где-то на катке или в парке в оди-

ночку уложил двоих, троих, пятерых... И был, наконец, (это уже в десятом классе) городской турнир по карате, где Серый в кино бегал по стадиону и гонял какого-то верзилу, опрокидывал его на траву. Наталья недоумевала: почему же тогда он наблюдал за кошкой, притворялся, что наблюдает, не подлетел, быстрый, как молния, не спас ее от уличных хулиганов?

Второй загадкой было неожиданное преображение Серого: твердый и непоколебимый троечник, не дурак природный, но просто не желавший, по общему мнению, учиться, вдруг выбился в первую десятку по успеваемости и финальные экзамены сдал на четверки. Будто бы в его тело вселился какой-то другой разум...

Он по-прежнему не замечал ее, не смотрел в ее сторону, но на выпускном вечере неожиданно пригласил на танец и в этом танце признался в любви и позвал замуж. Наталья бросила руки, пошла по залу среди раскачивающихся пар. Он отыскал ее в коридоре, спросил:

— Никогда, Наташа?

— Никогда, Сережа! — ответила она, передразнивая его интонацию.

Прошли годы, мир немыслимо изменился. Наталья не ходила на встречи одноклассников, но порой слышала что-то о Сером: стал богатым и влиятельным, купается в роскоши, пьет народную кровь. Наталья порой доходила до крайнего положения: и квартиру у нее отобрали, и чуть не убили при этом. Иногда она представляла: а какой могла быть ее жизнь, скажи она ему «ДА»? В самые тяжелые минуты малодушничала, думала: ну и душой же я была!

Спустя тридцать лет после окончания школы она все же пошла на юбилейную встречу. Просто потому, говорила она себе, что тема одноклассников стала теперь модной, прекрасно понимая, что на самом деле погибает от одиночества и тоски.

Серый там был, более того: он и организовал, финансировал эту встречу, он и нашел всех через портал «Одноклассников», списался с каждым...

И все повторилось вновь. Он пригласил ее на танец и в тех же самых словах сказал, что любил ее всю жизнь и никогда не прекращал любить. И так же, как тогда, она бросила руки на бедра и пошла сквозь зал одного из лучших ресторанов Москвы. Нет, на сей раз он не подошел к ней и не спросил:

— Никогда, Наташа?

Они стали переписываться интернетом. Не стоило отвечать

ему вообще, когда наутро после встречи он прислал письмо. Но одно обстоятельство не давало ей покоя. Она ввела данные Серого в программу ZET, и его гороскоп удивил ее, вернее, сочетание кругов двух натальных карт — его и ее. Согласно синастрической астрологии, этот мужчина и эта женщина идеально подходили друг другу.

Словом, с Серым у нее произошло то же самое, что потом с Тарасом Балашовым. Тарас был хорош, красив, она совпадала с ним во всем, понимала с полуслова, но звезды говорили «против». Серый был отвратителен, но звезды говорили «за».

Они довольно сухо расспрашивали друг друга о жизни, общих знакомых, одноклассниках, которые потерялись или ушли из жизни. Серый регулярно, ненавязчиво и коротко писал ей почти каждый день. Слово за слово, это потянулось и длилось недели, затем из мирной беседы переросло в ожесточенный спор, затем он начал требовать встречи, она отказывала, пока наконец, уже в виртуальное пространство, снова не бросила свое «никогда»...

Это было больше полугода назад, с тех пор Серый не беспокоил ее, и вот теперь он мертв. Все его письма она удалила, но помнила из них целые цепочки слов.

«Ты смысл моей жизни. Не могу поверить, что тебя больше не встречу. Почему, почему?»

«Да чудовище ты! Динозавр. На тебе кровь старушек, которых утопили в ванной. Чтобы квартиры у них отобрать».

«Да никого я не топил!»

«Не ты, так такие, как ты. Признайся, скольких ты заказал? Разорил? Или своими руками замочил, каратист!»

«Да что ты понимаешь! Такие, как я, подняли на новый уровень всю страну».

«ЭТУ страну, как вы говорите».

«Почему эту? Нашу!»

«Не смей говорить НАШУ! Она для тебя — ЭТА!»

«Ты увидишь много других стран, если будешь со мной. Ты будешь жить очень хорошо, ни в чем не будешь нуждаться».

«Богач, я не люблю тебя... Помнишь у Пушкина?»

«Не помню... Но читал его, конечно».

«Ты не имеешь права читать нашего Пушкина!»

«Я не смогу без тебя жить, Наташенька!»

«Так и не живи»...

Подобного рода перепалка шла изо дня в день. Наталья обвиняла Серого в массовых убийствах. Именно такой ублюдок,

как он, сначала вежливо предложил ей разменять родительскую квартиру в Потаповском переулке на самых выгодных условиях, а когда она отказалась, наслал на нее ОМОН, и хрупкую женщину били головой о дверной косяк... Затем вежливый появился снова. Предложение остается в силе. Было это пятнадцать лет назад. Предложение было действительно выгодным, а упиралась Наталья только из желания сохранить стены, которые помнили мать и бабушку, стены, в которых стояла ее колыбель. Тогда она даже подумала о том, чтобы обратиться к Серому, но преодолела эту слабость. Вместо квартиры в центре она получила две в Зябликово, у самой кольцевой, и это решило ее материальные проблемы, поскольку одну из квартир она сразу сдала.

Она наконец заснула, и снилась ей школа, а наутро ей показалось, что за окном как-то по-особенному тихо, будто ночью выпал первый снег, но на дворе был июль, и природа молчания заключалась в том, что далекий голос этого человека умолк навсегда, голос, которого не было слышно, но который мог загудеть в любой момент, отчаянно и гнусаво:

— Наташенька, я люблю тебя!

Неужели ее слова: «Так и не живи» — возымели самое прямое действие? И что же ей теперь делать: радоваться, что освободила мир от одного из многочисленных пауков-убийц, или мучиться, обвиняя в убийстве себя саму?

Она проверила почту. Настоящий Тарас на ее вчерашнее послание не отозвался.

20

На другой день было свидание. По пути Наталья прихватила газету и прочитала новости более подробно.

Это уже было написано профессиональным, а не интернетским языком. Суть повторялась, но были добавлены новые детали. Сергей Орлов по прозвищу Серый ввел себе десять кубиков воздуха в вену на правой руке. Все правильно: он и был левшой.

В бандитские годы во всю полосу непременно бы растянули выразительную фотографию трупа: выпученные глаза, свисающий шприц... Но этика нынешних времен таких вещей не допускала. Зато в правом нижнем уголке, завершая композицию разворота, уютно покоилось средневековое кресло для пыток, позиционированное как коллекционный экспонат хозяина, но Наталья-то знала, как говорится, печенкой чувствовала, что Серый использовал этот инструмент по назначению, в своих мрачных играх гражданской войны девяностых.

«...Одной из возможных причин столь кратко, но весомо поставленной точки, мы считаем некую тайную, до сих пор никем не озвученную неизлечимую болезнь, которой страдал Орлов. Однако один из приближенных к покойному людей, доктор В. О. Бурыйшев, считающийся чем-то вроде домашнего врача, отказался обсуждать с нашим корреспондентом этот вопрос...»

Как раз на этих словах к столику подсел Тарас. Ложный Тарас, как теперь его мысленно называла Наталья. Едва поздоровавшись, он вперился глазами в газету. Вероятно, этот человек, как и многие люди его круга, был охоч до новостей, следил за жизнью звезд и с жадностью смотрел все эти фальшивые ток-шоу, где судятся, разводятся, ноют и заламывают руки. Наталью однажды пригласили на такое: за две тысячи рублей она должна была сыграть мать, которая, уйдя в длительное хиппачество, бросила своих детей. Ей даже показали этих выросших «детей» — облезлого молодого человека и девочку с красным лицом. Деньги ей были в те дни ой как нужны, но она вдруг зевнула посередине репетиции, встала и молча вышла из студии, и вообще перестала общаться с тем сокурсником, который, работая редактором на телевидении, чисто из милосердия предложил ей эту роль...

Тарас меж тем развернул к себе газету и внимательно читал статью о смерти «почти олигарха». Наталья любопытствовала: чего ж его так привлекло? Ответ поразил ее:

— Человек все-таки...

Человек, ну и что? Допустим. Но почему парню, который пришел на свидание с женщиной, должно быть какое-то дело до «человека» из газеты? Из этого параллельного мира, которого вообще не существует?

В данном случае этот параллельный мир пересекался с реальным, с ее миром... Но Тарас-то тут при чем? Ложный.

Тут она вспомнила о настоящем Тарасе, ей пришла в голову конкретная идея. Она спросила, сможет ли продвинутый автомеханик справиться с маленьким-маленьким мобильником?

— О, это проще простого! — воскликнул Тарас, заметно радуясь, что она его *просит*.

Каким жалким и ничтожным он показался ей в этот момент... Однако справился с задачей за несколько минут. Наталья, неуклюже манипулируя новым интерфейсом, вышла на свой ящик, и там висело письмо от Тараса Балашова. Настоящего.

Письмо было теплое, искреннее, обещало скорую встречу.

Наталья ответила немедленно и весь вечер, не обращая внимания на своего спутника, переписывалась с ним.

В одном из писем Тарас послал ей свою фотографию. Увидеть через мобильный интернет она ее не могла, но ей очень не терпелось посмотреть. Она решительно прервала встречу с ложным, и тот отвез ее домой.

Сидела, нетерпеливо ерзала, пока грузился компьютер, открывалась почта. Вот он! Да, да! Безо всякого разочарования. Не кинематографический красавец, конечно, но умное, правильное, интеллигентное лицо. Она вдруг почувствовала, уже непонятно каким образом, прямую связь, точное слияние этого образа с рассказами, которые полюбила. И как только она могла ошибиться? Как могла поверить, что эти рассказы написал смазливый парнишка с футбольным мячом?

Она тут же написала Тарасу, тот немедленно отозвался и дал свои телефоны — городской и мобильный. Наталья позвонила по городскому, полагая, что разговор будет долгим. Так и вышло. Они проговорили всю ночь, а встретиться решили завтра.

Между прочим, узнала данные: дату, место рождения. Прижав трубку плечом к щеке, построила на мониторе его карту в первом приближении. Прогноз не обещал ничего хорошего: частичная совместимость в интиме, возможность иметь здоровых детей — только и всего. Она-то знала про себя, что не имеет возможности иметь никаких детей — ни больных, ни здоровых, а в интиме совместима с любым.

Что же это такое творится с древнейшей наукой? Уже три раза подряд звезды говорили неправду. Полное совпадение с Серым и пожизненная ненависть к нему. Виртуальная любовь к первому Тарасу при абсолютной несовместимости. И тут тоже — нарастающее чувство к новому мужчине, но карта говорит что-то невразумительное... Наталья впервые в жизни засомневалась в неизбежности великой науки, и это было началом пути к ее излечению.

Снился огромный часовой циферблат, чьи стрелки передвигал некий мужской образ, то один, то другой, то третий...

Едва она проснулась, позвонил ложный Тарас. Безо всякого колебания Наталья бросила ему свое коронное НИКОГДА.

Весь день она готовилась к свиданию с истинным, наконец, Тарасом. Сделала эпиляцию ног. Нет, она, конечно, категорически не собиралась лечь с ним в первый же вечер, но есть у женщин такое свойство: по-настоящему одетыми они чувствуют себя лишь тогда, когда на них хорошее нижнее белье.

Ее мучила одна небольшая загадка: почему-то Тарас назначил ей свидание не в центре, у какого-нибудь Пушкина-Гоголя, ни даже у метро, а прямо на углу ее улицы. Загадка-то вскорости разрешилась просто, но какое-то время ей было весьма тревожно: уж не захочет ли он сразу напроситься к ней в гости? Раз так, то она вынуждена будет отказать. Как-нибудь помягче: у нее де беспорядок и т.п.

Тарас Балашов появился ниоткуда, как бы просто возник в воздухе. Во всяком случае, он подошел не с той стороны, откуда она рассчитывала его увидеть. В руке он держал довольно-таки нескромный букет роз. Надо даже сказать: *огромный* букет. Наталья приняла цветы, чуть было не забормотав: ой, как это дорого, ну зачем так тратиться и т. д. Внезапно ей показалось, что мужчина вздрогнул, заглянув в ее лицо, впрочем, это могло быть самой естественной реакцией, те несколько фотографий, которые она ему послала, представляли ее в самом выгодном свете и скрывали некоторые дефекты, а теперь ему пришлось иметь дело не с сетью, а с реальным миром. И еще у нее отлегло от сердца: в руках у Тараса больше ничего не было, никакой бутылки вина. Значит, напрашиваться в гости не собирается.

— Ну а вы-то уж точно Тарас Балашов? — спросила Наталья, смеясь.

— Могу показать паспорт! — сказал Тарас и, быстрым жестом заведя руку за спину, вытащил из заднего кармана брюк красный прямоугольник.

Наталья взяла его в руки и глянула. Правда, Тарас Балашов.

— У того, первого, тоже был паспорт, — сказала она.

— Можете провести экзамен, — сказал Тарас. — Спросите меня чего-нибудь по рассказам. Заодно проверю, насколько внимательно вы их читали.

Наталья с удовольствием приняла игру и задала вопрос:

— В каком районе живет Тарас Балашов?

— В Измайлово! — весело выпалил Тарас. — Но только вы спрашиваете — о ком? Одноименный герой рассказов — да, он живет именно там. А вот их автор, то есть я — всю жизнь прожил на Соколе. В Измайлово бывал, конечно.

— Ну, хорошо, — сказала Наталья. — А что написано на стене дома, где жил Тарас Балашов?

— Тарас из четвертой квартиры дурак.

— Точно. А какое животное...

— Кальмар! — выпалил Тарас, не дав ей договорить.

— Правильно. И последний вопрос. На чем ездит Тарас Балашов?

— На «Форде-Фокус» выпуска пятого года.

Он сказал это серьезно и весомо, но Наталья не помнила никакого «Фокуса». Она мысленно пробежалась по милым сердцу страничкам: нет, о машине вообще не было ни слова. Что же это происходит — опять?

— Тарас Балашов ездит на велосипеде, — с грустью сказала она, делая движение букетом, словно собираясь вернуть его. — У него нет машины!

— Зато она есть у меня, — с мягкой улыбкой сказал Тарас, плавно возвращая букет на его положенное в пространстве место.

Оба вдруг громко засмеялись.

— Вот она, моя красавица! — воскликнул он, указав ладонью через плечо. — Темно-синий «Фокус», который с блеском, — добавил он, заметив, что Наталья рыщет глазами.

И правда: одна из машин, припаркованных у тротуара, была густо-синей и поймала одновременно солнечный зайчик исподом зеркала.

Так вот почему на углу, а не у какого-нибудь памятника... Какая же она дура! Ведь нетрудно догадаться, почему мужчина назначает свидание в таком месте.

Да ему вовсе и не надо напрашиваться в гости, подумала она, усевшись в упругое кресло, которое хозяин машины немедленно подрегулировал каким-то рычажком, будто подгоняя ей костюм по фигуре.

Тронулись. Поехали проспектом.

— Выходит, вы все это написали не о себе... — грустно вздохнула Наталья.

— Нет, конечно! Просто фантазия. Я хотел стать писателем, пробовал, как говорится, перо. Теперь передумал.

Такой поворот озадачил ее. Она вдруг подумала: а кто ее заинтересовал — писатель или человек, который умеет столь нежно любить? Если вся эта история вымышлена, если образ, в который она влюблена, — всего лишь фантазия писателя, этого крепкого, не слишком красивого, но успешного, уверенного в себе мужчины... И значит, того, нежного и трогательного Тараса Балашова, который страдал о покинувшей его любви, — просто вообще не существует на свете!

Пробок на улицах не было, словно по какому-то волшебству.

— Надо же, рассосалось! — сказал Тарас. — Когда ехал к вам, казалось, что все на моем пути хотели меня подрезать.

— Это старый закон бутерброда, — сказала Наталья. — Если надо, то не получается.

— Я думаю, что пространство-время — это вообще что-то неравномерное. Будто бы отдельные его места заполнены водой.

Наталья не отреагировала на эту странную мысль, и Тарас продолжал:

— Где-то похоже на болото, и может затянуть насмерть. А сейчас, — он взмахнул ладонью, указывая на пустой широкий проспект, — мы будто идем лугом, а в спину дует попутный ветер.

Машина резко свернула в переулок и затормозила.

— Вот в этом ресторанчике и посидим, — сказал Тарас, держа какой-то рычаг, — если, конечно, не возражаете.

— А там есть инкерманское красное? — спросила Наталья.

— Разумеется.

— А откуда вы знаете, — она нахмурилась, — что я люблю именно это вино?

— Всего я этого не знаю, — сказал Тарас. — Просто в этом заведении есть всё!

На какие-то секунды к Наталье вернулось подозрение: а не заговор ли это? Каких-то странных мужчин...

— Возьмите свой букет с собой, — сказал, чуть ли не «распорядился» Тарас.

— Зачем? — не поняла Наталья.

— Поставим его там в воду.

— Ах да, конечно! Какая же я... — «глупенькая», мысленно добавила она, и в этот момент все ее туманные соображения в стиле теории заговора развеялись.

Они сидели в мягких бордовых креслах, два официанта чутко и споро ухаживали за ними, в зале больше никого не было, поскольку ресторан этот оказался весьма дорогим. (Едва войдя, Наталья обратила внимание на выставку вин: от цен на эти вина у нее, что называется, глаза полезли на лоб.)

Цветы были устроены на столе, в огромной пурпурной вазе, чуть ли не на самом краю их поставил официант, чтобы гости хорошо видели друг друга...

Выпили, чокнувшись за знакомство, конечно же, инкерманского красного; правда, Тарас взял с нее слово, что вторая бутылка будет гораздо лучше, прямо с того самого стенда.

— А кем вы работаете, Тарас? — не без оснований поинтересовалась Наталья.

— Простым российским бизнесменом. В писательстве я только лишь попробовал себя. Понял, что могу...

— О да, еще как можете!
— Увы, прожить писательством невозможно.
— Вы совершенно правы.
— Поскольку талантливый человек — он и во всем талантлив, а я себя не без ложной скромности таковым как раз считаю, то и решил я заняться бизнесом и довольно-таки скоро достиг на этом поприще успеха.

Сказано это было с такой витиеватой простотой, что Наталья подумала: а не окончил ли этот человек курсы риторики или что-то в этом роде?

— Что у вас за бизнес — не спрашиваю.
— Почему, позвольте узнать?
— Как-то не принято об этом говорить.
— Это несколько устаревшие взгляды, — сказал Тарас. — Где-то из той эпохи, когда бизнесмен — обязательно значило бандит.

— Тогда спрошу. Итак. Чем вы занимаетесь, если можете позволить себе пить такое дорогое вино? (Уже была принесена вторая бутылка, десятикратно дороже инкерманского.)

— У меня несколько автомастерских в Москве.

Наталья вдруг почувствовала, что реальность как-то напрягается и колеблется, будто все окружающее не настоящий мир, а его отражение в некоем озере, куда только что бросили камень.

— Вот чудеса! — сказала она, чувствуя на собственном лице какое-то неприятное выражение. — Ложный Тарас как раз и работает автомехаником в мастерской.

Настоящий пожал плечами:

— Вряд ли это моя мастерская.
— Рядом с платформой Окружной.
— Нет, и близко нет... Наталья! — голос Тараса вдруг стал твердым, суровым. — Давайте заключим соглашение. Не будем больше говорить об этом ложном Тарасе.

— Я говорю о том, о чем желаю, — ответила Наталья, понимая, что назревает первая легкая ссора.

Тарас вдруг рассмеялся. Он тоже это понял и решил пресечь ее в самом начале.

— Тогда говорите о том, о чем желаете, сколько угодно. Просто мужчины вообще не любят, когда с ними говорят о других мужчинах.

Наталья рассмеялась ответно, и у нее отлегло от сердца, потому что никаких ссор с этим человеком она и сама не желала.

— Женщины тоже такие!

— Я это прекрасно понимаю, поэтому не собираюсь говорить с вами о каких-либо других женщинах, кроме вас самой. Кроме тебя! — он вдруг накрыл ее руку своей, и она не сразу освободила ее. Он продолжал: — Это предложение с моей стороны. Легче и свободнее общаться на «ты».

— Я согласна. Тем более что все равно рано или поздно перейдем на «ты». А вообще-то, Тарас, ты и так достаточно наговорил со мной о других женщинах.

— Ты меня с кем-то путаешь?

— Я не о том. Просто читалась. В твоей прозе полно всяких женщин.

— Вроде бы там одна героиня.

— Да нет, есть и другие, они как будто стоят за ширмой и ждут очереди, чтобы выйти на сцену.

— Неужели? — сказал Тарас, в порядке шутки оглядевшись по сторонам. — Нас ведь в этом зале вообще двое — ты да я. Пусть и в речах наших не будет каких-то других, ладно?

Так они проговорили весь вечер, пока им не дали понять, что ресторан закрывается. Наталья бережно взяла букет и отряхнула его от капель воды. Тарас отвез ее домой. Улицы были темны и пустынные, дорога заняла всего несколько минут. Как же это все-таки здорово, когда у мужчины есть машина. Наталья прошла сквозь стеклянную дверь подъезда, бросив на прощанье воздушный поцелуй своему новому другу. Машина тут же тронулась, помигав огоньками. Конечно, он не сразу принял ее лицо, был неприятно поражен, увидев ее папилломы в уголках глаз, которые не отобразились на фото, сделанном веб-камерой, но привыкнет, как и все другие, а удалять их она не будет ни за что: это ее тело, ее судьба, и она не позволит свою судьбу — кромсать.

21

Она приняла душ и улеглась. На сон грядущий включила комп и проверила ящик. Там уже висело письмо от Тараса, с благодарностью за приятный вечер. «Взаимно!!!» — ответила она и выключила комп. Хотела позвонить, но передумала. Не стоит разбавлять послевкусие такого чудесного вечера. Ведь они договорились встретиться не далее как завтра.

Ей не спалось. Что-то не вязалось в этой истории, что-то было не так. Есть настоящий Тарас Балашов, он отвечал ей через форму, значит — это именно он был автором рассказов. Ложный Тарас писал ей письма — такие нежные, остроумные,

даже стихи сочинял вполне недурно, про цветок, который стоял в его палате...

Такие письма и стихи вполне мог писать настоящий Тарас. Но он не имел никакого отношения к ним. Станным было то, что в прозе настоящего Тараса упоминалось Измайлово как место жительства героя, но в Измайлово жил как раз ложный Тарас, а настоящий — на Соколе. И это не было словами: Наталья видела паспорта обоих.

Ей вдруг пришла в голову мысль о какой-то мистификации. Она вызвала номер первого Тараса, толком не зная, о чем хочет с ним поговорить. Абонент был недоступен. Все, что осталось от него, так это его письма. Наталья связалась по скайпу со знакомым компьютерщиком, Андреем. Сказала, что письма вызывают у нее сомнения.

Тот спросил:

— Разве ты не можешь определить, откуда приходили эти письма?

— Нет. Я же чайник в компьютерах.

— Тогда пришли мне одно из них, я разберусь. Или лучше — несколько.

Наталья выбрала первое, последнее и одно из середины. Андрей связался с ней через несколько минут.

— Все эти письма, Наташа, пришли с Сейшельских островов, — сказал он.

— Не из Забайкалья?

— Нет. С островов в Индийском океане.

Наталья почувствовала, что дрожит. Какой-то непонятный, неведомый страх овладел ею. Андрей понял это и поспешил успокоить:

— Не волнуйся. Именно там находится сервер ананимайзера.

— Что это значит?

— Один из мировых ананимайзеров, недоступных цивилизованным законам. Эти письма могли быть посланы из любой точки земного шара. Человек отправляет их сначала на ананимайзер, письма там обезличиваются и уже оттуда направляются адресату. В свойствах и стоят Сейшельские острова.

— Но зачем это нужно?

— Затем, чтобы ты не поняла, откуда на самом деле отправлены письма.

Наталья задумалась.

— Они могли быть отправлены из Москвы?

— Конечно.

— Но зачем этому человеку надо было скрывать свое положение?

— Не знаю. Спросить начистоту у него не можешь?

— Нет.

— Он умер?

— Нет. Просто исчез. Из моей жизни, по крайней мере.

Наврал про велосипед, про Байкал. Но в чем смысл этого вранья? Просто так? Прочитав, что она любит велосипед и путешествия, Россию, выбрал себе такой образ?

— Ты пробивала в Гугле его имя? — спросил Андрей.

— Да. Это бесполезно. Несколько ничего не значащих ссылок.

— Если у тебя есть его фото, можешь поискать по нему. Вдруг найдется в инете.

Наталья спросила, как это сделать, Андрей подробно рассказал. Компьютерные гении всегда любят учить чайников.

Закончив общение с Андреем, Наталья извлекла аватарку Тараса из его письма и бросила на поиск: искать похожие фото. Через несколько секунд она нашла.

Наталья всегда смеялась над выражениями вроде «раскрыть рот от удивления», если встречала их в каких-нибудь современных романах — женских душераздирающих историях или вялотекущих русских триллерах. Сейчас с нею произошло именно это: челюсть самопроизвольно отвисла, ей не сразу удалось прийти в себя и сомкнуть губы.

Она нашла не то чтобы похожее фото, *но то же самое фото* — в салатной футболке, с оранжевым мячом. Только это был не Тарас Балашов, а некий Влад, 35 лет, ищущий «девушку для приятных встреч». И жил он не в Измайлово и не в Москве даже, а где-то в Казани.

Наталья тут же вспомнила, как этот человек рассказывал ей что-то о казанской бабушке, о каких-то приключениях на катерах... Так, кое-что проясняется. Некто воспользовался его фотографией и писал ей письма с этим смазливym ликом... Это мог быть кто-то из ее знакомых мужчин, из тех, с кем она рассталась... Стоп. Видно, сон уже настолько овладел ею в этот поздний час, что она перестала соображать. Какое еще фото? Ведь она видела этого человека живьем. Именно этот человек, Влад там какой-то из Казани, показал ей паспорт на имя Тараса Балашова, и в паспорте была точно его фотография, и он уверял ее, что лежал в госпитале за Байкалом.

Но никакого Байкала не было, и писал он ей из другого

места, иначе бы не воспользовался ананимайзером с Сейшельских островов.

Значит, он ей писал из Казани, придумав романтическую историю про Байкал, велосипед, аварию, оферацию... Но такого тоже не может быть. Этот самый Влад просто не способен на подобную игру, не хватило бы у него мозгов.

Вдруг в голове пролетели слова Андрея: «Он умер?» И тут же родилась фантастическая гипотеза. Эти письма не писал Влад. Их мог писать только один человек на свете. Сережа Орлов, Серый. Тот, который на днях покончил с собой из-за несчастной любви.

Все эти чудесные совпадения характеров, интуитивные угадывания Влада о ее вкусах и пристрастиях, даже о ее любимом цвете, — всё это было лишь знанием Серого. Он-то уж прекрасно помнил, что она любит или не любит, от чего приходит в восторг...

Наталья прокрутила всю переписку с Владом-Тарасом уже с этой точки зрения. Не осталось никаких сомнений. Просто, вообразив бескровное лицо Серого с тонкими сухими губами, она с легкостью поставила его образ на место того, кто писал ей через Сейшельские острова.

Все очень просто: Серый нанял этого человека как некий живой манекен, натаскал его, направил на свидание с нею. Этим и объясняется наличие у Влада паспорта на имя Тараса, ведь бандиту Серому вполне по силам раздобыть любой документ. Только вот непонятно: зачем все это было нужно? И почему так далеко, почему в Казани? И главное — какова была его конечная цель? Что должен был сделать этот Влад, что бы они вместе сделали с нею, не откажись она от этого знакомства?

Нет. Надо расставить все по местам. Если бы своим отказом Наталья разрушила планы Серого, какие-то неведомые, непостижимые планы, и после этого он бы решил уйти из жизни... Но ведь последовательность была обратная: сначала Серый убил себя, а уже потом она порвала с Владом!

Ей было очень грустно в этой ночи, и утром она проснулась с точно такой же тяжелой грустью. Долго не могла понять причину своего чувства. Наконец догадалась. Теперь уже полностью разрушена мечта о второй половинке, затерянной где-то в пространстве. Не было никакого неотразимого мужчины, который совпал с нею, как ключ с замком. Образ, выстроенный в письмах, был выдуман Серым. Парень с футбольным мячом всего лишь играл роль. Что у нее осталось после всего этого?

Тарас Балашов. Реальный человек, талантливый писатель, не красавец, но вполне приятный мужчина, остроумный, галантный и чуткий. С трогательной ямочкой на подбородке, что вызывало сочувствие: опоздал с этой модой лет на сорок, поскольку ямочки считались признаком мужской неотразимости где-то на рубеже шестидесятых, еще до его рождения... Могла ли она его полюбить? Не слишком ли часто она влюблялась за последние недели?

В этой теории смущало лишь одно: стихи. Допустим, письма писал Серый... Но мог ли он создать такие стихи? Она открыла переписку и нашла одно из стихотворений. Нет, он не мог придумать таких слов...

Мой пирамидальный молочай!
Как же мне близка твоя печаль...
Молчаливый вертикальный друг,
сколько у тебя зеленых рук?
Житель, узник, слушатель, поэт,
сколько же тебе минуло лет?
Сколько нас уже минуло тут,
глядя, как часы твои идут?

Ничего подобного в его мышлении не было и быть не могло. Может, сама несчастная любовь столь изменила простого, примитивного человека? Нет, невозможно. Она вдруг рассмеялась вслух, откинувшись на подушке, и серебристый комп запрыгал на ее животе. Ну, конечно же! Он просто взял эти слова из инета, как и аватарку казанского Влада. Она скопировала строчку из стихов и бросила ее в окошко поиска. Гугл не нашел этих слов. То же она проделала с другими словами, думая, что Серый воспроизвел чужие стихи неточно... Нет, снова нет. В мировой паутине не было ни строчки из этих стихов — они существовали только в письмах. Одно из двух: либо Серый сам написал эти стихи, что маловероятно, либо нанял для этого профессионала... Что было еще менее вероятным.

Утром она снова вызвала номер Влада, тот, которым он пользовался, будучи Тарасом Балашовым, и снова услышала приятный девичий голос: недоступен. Тогда она набрала номер, указанный Владом на сайте знакомств. Когда он ответил, она сразу узнала голос ложного Тараса.

— Влад, это Наталья, — сказала она как можно спокойнее и тверже.

Ответом было долгое молчание. Затем Влад проговорил:

— Я понял.

Снова замолчал.

— Я хочу получить объяснения, — сказала Наталья.

— Это довольно трудно. Я виноват, конечно.

— Очень мне интересно, в чем именно?

Влад молчал. Она спросила:

— Сколько же он тебе заплатил за меня?

— Ты, как я понял, что-то уже знаешь.

— Знаю.

— Я не могу продолжать этот разговор, — сказал Влад и отключился.

Наталья вновь вызвала его номер. Он уже не отвечал. Это ее взбесило.

Весь день она строила зловещие планы отмщения, а вечером, встретившись с Тарасом, еще в машине заговорила с ним на эту тему. Тарас молча выслушал ее соображения, не перебивая, не задавая наводящих вопросов. Она сказала:

— Я хочу поехать в Казань.

— По-моему, ты в него просто влюблена, — сказал Тарас с грустью.

— Нет! Я просто ненавижу, когда со мной так поступают.

— И часто с тобой так поступали?

— Никогда! Я хочу найти этого Влада и допросить его с пристрастием. А если он будет кочевряжиться, ты ведь дашь ему в морду?

— С удовольствием. Как я понимаю, ты уже решила, что я еду с тобой?

— Нет. Это я еду с тобой. На твоей красавице-машине!

Наталья шлепнула ладошкой по панели.

— Я не люблю, когда за меня принимают решения, — сказал Тарас, помолчав, — но в этом случае обеими руками «за». Ты мне очень нравишься, и я во всем хочу тебе помочь.

— Когда отправляемся? — деловито спросила Наталья, намеренно не обратив внимания на это почти признание в любви: рановато еще для второй встречи.

— Да хоть сейчас, — сказал Тарас и прибавил газу.

— О нет! Мне надо собраться. Да и не ночью же мы будем ехать?

— Можно и ночью: дорога свободнее.

— Нет, ночью я обычно сплю.

— Кресло удобное.

- Давай все же завтра с утра? Я люблю смотреть в окошко.
- Договорились.

Тарас переключил передачу, и машина поехала медленнее. Неужели он и вправду готов был отправиться в дальний путь по первому ее требованию, свободный, как ветер?

- Сколько туда ехать? — спросила она.

- Часов двенадцать. Плюс-минус.

— Тогда давай отложим сегодняшний вечер, каким бы интересным он ни был. Раз уж мы едем, то мне надо доделать и сдать работу.

— Я так и не спросил, кем ты работаешь. — Тарас уже разворачивался, чтобы доставить ее обратно.

Надо же! Все желания исполняет не возражая, не пытаясь настоять на своем. Именно таким и должен быть настоящий мужчина.

— Да всего понемножку. У меня несколько специальностей. Консультирую по астрологии, нетрадиционной медицине, по комнатным растениям. Могу гадать по руке, предсказывать судьбу.

— Все понятно, — улыбнулся Тарас, — кроме комнатных растений.

— Это отдельная наука, — сказала Наталья, вдруг подумав: а что, если он из тех, кто не верит? — Наука о том, как правильно расставить цветы в квартире. Называется геомантия.

Она принялась рассказывать, Тарас молча слушал, кивал. Если он из неверующих, то, значит, про себя смеется над ней. Если так, то скрывает тщательно. Тех, кто не верил, Наталья отсеивала сразу же: ей не нужны были такие друзья.

— У меня, между прочим, есть дома цветы. Поможешь расставить, если бесплатно?

— Конечно. Только надо заметить, что за такую операцию я беру от ста до двухсот евро, — сказала Наталья и тут же пожалела о своем замечании.

22

Рано утром выехали в Казань. Наталья была счастлива от этой дороги меж высоких деревьев, от деревень с причудливыми названиями, от того, что рядом сидел мужчина, которому она наконец верила. После обеда в шикарном кемпинге Наталья задремала, а когда проснулась, всего-то через полчаса, ей показалось, что едут они очень-очень давно.

Перед Казанью перемахнули Волгу: это было самое сильное

впечатление, достойный финал для широкоформатного фильма, который она смотрела через ветровое стекло. Золотые песчаные отмели и зеленые острова медленно плыли по небесно-голубой глади воды, словно причудливые облака, быстрый катер летел по этому отраженному небу, как призрак самолета. Затем машина нырнула в густую березовую рощу...

Был уже вечер, когда они вошли в свои номера. Это была хорошая гостиница, дорогая. Стоя у ресепшен, Наталья ожидала, что Тарас закажет один номер на двоих, и думала: возражать ли решительно? С другой стороны, он финансировал все ее мероприятия, и требовать, чтобы он оплатил два... Вообще-то она ловила себя на мысли, что ей хочется, чтобы был один номер, и не может она возразить... Но Тарас спокойно заказал два одноместных.

Она ужасно устала от многочасового сидения и была голодна. Они спустились в ресторан. Наталья решила заявиться к Владу немедленно, но после ужина ее разморило, она еле волочила ноги...

— Ладно, — сказал Тарас. — Никуда он не денется. Навестим его завтра с утра. Надеюсь, по случаю воскресенья он будет дома.

Наталья уснула, едва, как говорится, коснувшись головой подушки, проспала глубоко, безо всяких сновидений, до десяти утра, но отдохнувшей себя не чувствовала: слишком сильна была накопившаяся за вчерашний день усталость.

Тарас позвонил ей, когда она выходила из душа. Они быстро позавтракали в том же гостиничном ресторане и поехали по адресу, который Тарас еще в Москве вычислил по мобильному номеру.

— Надо будет хорошенько осмотреть этот город, — сказала Наталья, вертя головой. — Я никогда здесь не была... Надо же! Какая огромная мечеть.

— Мусульманское сооружение, построенное с истинно русским размахом, — прокомментировал Тарас.

Однако после того, что произошло через полчаса, им обоим было уже не до осмотра местных достопримечательностей.

Остановились подле дома Влада. Наталья решила позвонить, чтобы он вышел для разговора. Телефон долго не отвечал, затем в трубке возник грубый женский голос. «Жена!» — прошептала Наталья одними губами и протянула мобильник Тарасу. Тот мгновенно понял свою роль, импровизируя на ходу. Чтобы Наталья слышала весь разговор, он включил аппарат на громкую связь.

«Вы не могли бы позвать к телефону Влада?»

«Нет, не могла бы».

«Я приехал из... другого города, по очень важному делу».

«Это больше не имеет значения».

«Что вы имеете виду?»

«Влада больше нет. Он умер».

Конец связи: женщина прервала разговор. Тарас вызвал этот номер опять. Без ответа.

— Придется зайти, — сказала Наталья. — Я ей не верю. Он просто прячется от меня и натаскал жену.

— Так иногда говорят при расставании: умер, — сказал Тарас.

— Да, я помню. Это есть в одном из твоих рассказов.

— Спасибо. — Тарас уже открыл дверцу машины, быстро обошел ее спереди и открыл со стороны Натальи, как делал всегда.

Женщина оглядела их на пороге с головы до ног, не отмыкая дверной цепочки.

— Это вы сейчас звонили? — обратилась она к Тарасу, и тот молча кивнул.

— Я же сказала: он умер.

— Что вы имеете в виду? — спросила Наталья.

— То и имею.

— Можно мы войдем, — спросил Тарас.

— Нет! — почти закричала женщина. — Откуда я знаю, кто вы такие? Моего мужа убили сегодня ночью.

— Как — убили?

— Очень просто, уважаемая. Застрелила уличная шпана. Пошел прогуляться, ночным воздухом подышать. Подышал... И я вас не пушу в мой дом! — опять вскричала она.

— Ну что ж, — сказал Тарас. — Примите наши соболезнования. Больше мы вас не потревожим.

Он легонько подтолкнул Наталью в сторону лифта.

— Стойте! — вдруг окликнула их хозяйка.

Они, уже идущие по коридору, обернулись.

— Вы по какому делу приехали? Может быть, я смогу вам помочь.

— Это уже не важно, — с грустью вздохнул Тарас. — Всего вам доброго, желаю справиться с вашими...

— А из какого вы города?

Наталья поняла, что тут уже начался допрос.

— Из Нижнего, — соврала она.

Хозяйка откинула цепочку и вышла. Это была весьма упи-

танная женщина, очень неприятная на вид. Наталья посочувствовала покойному красавцу.

— Это началось не вчера ночью, — сказала жена Влада. — Около месяца назад его похитили. Отвезли в Азию.

— Что? В какую Азию? — удивилась Наталья.

— В Среднюю Азию. Отобрали паспорт, заставили работать на плантации.

— Хлопковой? — поинтересовался Тарас.

— Точно. А вы откуда знаете? Да вы как-то с этим связаны!

— Разве мы похожи на азиатов? — сказала Наталья.

— Это не имеет значения. Русские, но менеджеры азиатов. Вот я сейчас в полицию позвоню! — Она вновь спряталась за дверь, накинув цепочку.

Тарас, сморщившись, махнул рукой в сторону лифта.

— Хватит с нас, Наташа!

Отъехали от дома на порядочное расстояние. Навстречу попала полицейская машина. Вряд ли это была та самая, но Наталья вся внутренне сжалась.

— Поедем-ка сейчас же в Москву? — предложила она.

— И я того же мнения. Город из окна посмотрели, и достаточно.

Уже когда машина выехала из Казани и вновь пролетела над Волгой, залитой полуденным солнцем, пожирающим острова, Наталья задумчиво проговорила:

— Не понимаю, кто мог его убить?

— Возможно, те же, кто и похитил.

— Но ведь никакого похищения не было. Никаких там хлопковых. Он все это время был в Москве. А жене наврал.

— Вообще-то да, и как я не подумал?

— Дело в том, что был только один человек...

Наталья замолчала, поняв, что не хочет прямо сейчас посвящать Тараса в историю, в которой уже сомневалась сама.

— Какой человек?

— Я что-то не то сказала, извини, — ответила Наталья.

— Ладно, проехали, — весело отпарировал Тарас и символично прибавил газу.

Машина понеслась, обгоняя другие. Теория, столь удачно выстроенная в ее голове, дала трещину. Выходит, за всем этим стоял вовсе не Серый. И нанять, и прикончить Влада мог только он. Наталья вспомнила несчастного сантехника Жору... Серый был способен на такие поступки. Но если нанял Влада Серый, а убил его кто-то другой, то все ее построение шатается и падает.

Получается, что он заказал Влада некоему киллеру незадолго до собственной запланированной смерти. Но какой смысл ему убирать Влада вообще, даже вне зависимости от решения самому уйти из жизни — за то, что он «слишком много знал»?

Что, если Серый тут вообще ни при чем и происходит какая-то другая, непостижимая для нее история, частью которой она почему-то является до сих пор?

В Москву приехали поздно ночью. Наталья подумала, что не может сейчас остаться одна, но пригласить Тараса «на чашечку кофе» почему-то не повернулся язык. Близость с женщиной всегда была для нее трудным решением. Правда, подобные решения она принимала за свою жизнь уже несчетное количество раз.

Войдя в дом и всюду включив свет, Наталья вдруг испугалась серьезно и сильно. Если произошло убийство, то где-то существует убийца. Зачем он застрелил этого Влада? Какую тайну мог хранить Влад? Может быть, он и сам не знал, что это за тайна, как не знает она сама...

Она уже разделась и легла, как почувствовала, что кто-то стоит у входной двери. Вскочила, выбежала в одной рубашке в коридор, посмотрела в глазок: никого. Вдруг ей показалось, что в дверном замке скворчит ключ. Снова выскочила, взяла мясной топор и распахнула входную дверь. Лестничная клетка, разумеется, была пуста.

Наталья позвонила Тарасу и сказала, что ей страшно. Попросила приехать.

— Минут через двадцать пять, — ответил он.

Сначала пили чай. Тарас ходил с бокалом в руке и рассматривал ее жилище. Здесь, конечно, было чем полюбоваться: старинные книги, картины в рамках, диковинные цветы и даже маленькие деревья. Специально для гостя Наталья срезала свой единственный созревший лимон.

— Я прилягу, а ты Расскажи мне сказку, писатель, — сказала она и забралась под одеяло.

Тарас пододвинул кресло вплотную к кровати, взял ее за руку и действительно принялся рассказывать сказку.

Это была незнакомая ей история. О маленьком человечке, цирковом карлике, который любил принцессу. Однажды он переоделся в богатого барона, ноги нарастил ходулями и заявился свататься к ней во дворец. Принцесса уже согласилась выйти за него, но ходуля вдруг надломилась, карлик упал, его одежда слетела на пол, и вся свита смеялась над ним...

На этом месте Наталья уснула, а утром, открыв глаза, увидела Тараса, который по-прежнему сидел в кресле рядом с кроватью и улыбался ей.

— Злоумышленникам так не удалось проникнуть во дворец моей королевы, — сказал он.

— Это конец твоей сказки? — засмеялась Наталья, протирая кулачками глаза.

— Нет. Возможно, это начало новой сказки, — ответил Тарас, отворачиваясь вместе с роликовым креслом.

Чудесный мужчина! — думала она под душем. Другой бы на его месте не упустил возможности.

Похоже, он любит ее, и это для него серьезно. И они будут вместе до конца дней. И каждую ночь он будет рассказывать ей сказки. Не тысячу и одну ночь, а в десять раз больше ночей!

23

Утро требовало новых действий: Наталья решила проверить мысль, которая пришла ей в голову еще вчера, в машине.

Выйдя к Тарасу в халате, с чалмой на голове, она села перед ним и заговорила:

— После этого убийства мы с тобой уже не можем жить так, как раньше.

— Думаю, надо все пережить и забыть, — сказал Тарас.

— А я не думаю! Так или иначе, но мы оба втянуты в эту историю. Я с самого начала, а ты — благодаря мне.

— И как же теперь жить, что делать? — спросил Тарас. — Уж не предлагаешь ли ты прятаться от убийцы?

— Нет, — серьезно сказала Наталья. — Я предлагаю его найти.

— Снова едем в Казань? — спросил Тарас без тени неудовольствия, будто бы все, что она хочет, безусловно и необходимо.

— Нет. У меня есть еще одна зацепка. Адрес Влада в Москве. Я посмотрела его фальшивый паспорт на твое имя. Какая-то Парковая, дом четырнадцать.

— Этих парковых в Москве два десятка...

— Да, но они все в Измайлово и идут одна за другой. Я неплохо знаю город.

— И что же ты предлагаешь?

— Не знаю. Давай с тобой просто покатаемся там. У меня есть ощущение, что мы найдем какой-то ключ.

На сей раз они ползли по городу долго, теряясь в пробках. На

полпути машина заглохла. Тарас вышел, поднял капот, нагнулся, что-то посмотрел и снова закрыл. Вернулся в машину, попытался завести. Тщетно. Ни звука, когда он поворачивал ключ.

— Так, — сказал Тарас. — Придется вызывать эвакуатор.

Наталья ерзала от нетерпения.

— Может, доберемся на такси?

— Я не могу здесь бросить машину. Стоянка на трассе запрещена. Если я уйду, то ее все равно отвезут эвакуатором, но уже — в качестве штрафной санкции.

— Что же делать?

Тарас выхватил бумажник, изящным жестом извлек на свет тысячную. Наталья покачала головой.

— Я тебя сюда завез, я и отправлю обратно. А в Измайлово съездим завтра.

Наталья спрятала руки за спину.

— Если машину еще не починят, то доберемся на такси, — настаивал он.

— Нет, — сказала Наталья. — Тогда я съезжу одна.

Тарас поднял бровь.

— Все равно возьми на дорогу.

— Взяла бы, — сказала Наталья, выходя из машины, — если бы и вправду домой поехала. Но это мое дело. И платить буду я сама.

— Ну, хорошо, — невозмутимо ответил Тарас и спрятал асигнацию.

Они расстались холодно. Уже сидя в машине частного, Наталья принялась ругать себя: разве виноват этот мужчина в том, что подвела техника? Несмотря на доводы разума, она почему-то продолжала дуться на него...

Вот и Десятая Парковая, дом четырнадцать. Почему десятая, а не первая? Потому что Наталья помнила, что номер улицы в паспорте ложного Тараса Балашова был двузначный. Круг поисков значительно сужался. Только вот поисков — чего?

Дом четырнадцать. Квартира четыре. Это адрес ложного Тараса Балашова на одной из двузначных парковых, с десятой, по семнадцатую. Просто пройти и позвонить во все четвертые квартиры четырнадцатых домов? Одной боязно. Но, по здравом размышлении, казанский убийца уж точно не мог подстергать ее в одной из этих квартир, с пальцем на курке... А кто там может быть? Тарас Балашов, ложный Тарас Балашов! Никто его не убивал, а женщина в Казани солгала. Потому что она была

частью этой группы или этой секты, которая творит непонятно что... Начиная с любовной переписки, тщательно продуманной во всех деталях, основанной на хорошем знании ее характера и привычек, вкусов и правил.

На двери подъезда был домофон. Наталья вызвала квартиру номер четыре. Ответил какой-то старческий женский голос.

— Тарас или Влад не у вас? — спросила Наталья.

— Нет, девушка, вы ошиблись, был ответ.

В одном из окон первого этажа шевельнулась занавеска, мелькнуло круглое личико в седых бучлах. Не то...

На другой улице первый этаж дома номер четырнадцать был магазином, на стене красовалось крупное граффити: какие-то непонятные символы... Наталья уставилась на них. Казалось, они о чем-то хотят сказать ей, именно ей. Нет, просто чей-то автограф, каких полно везде. Говорят, что подобные знаки показывают границы владений определенных уличных банд.

Наталья вдруг остановилась. Надпись на стене! Вот что она должна искать. Она прошла все парковые, внимательно осматривая стены. Это было легко, потому что теперь она знала: нужный дом должен быть именно хрущевской пятиэтажкой. И под окном квартиры справа от двери подъезда должна расти рябина.

Таких домов с номером четырнадцать было всего два. Рябина росла у последнего дома, на девятнадцатой улице. Этот двор сразу показался ей знакомым. Конечно! Именно этот тополь, детская площадка и тропинка через двор наискось... Так и написано.

Наталья уже не собиралась звонить в квартиру номер четыре. Она обошла дом и принялась рассматривать стену. Здесь было наложение многих народных граффити, современных и древних, в старом советском стиле: «Агафониха гадина», «Спартак», «FANTOMAS»...

Многие надписи были полустерты. От времени. Одна — именно стерта. Причем совсем недавно, намеренно. От букв остались хвостики и точки. Но ее все равно можно было прочесть, если знать, что ищешь.

ТАРАС ИЗ ЧЕТВЕРТОЙ КВАРТИРЫ ДУРАК

Такое ощущение, что человек очень торопился, потому и не успел затереть полностью. Наталья обратила внимание на темное пятнышко внутри надписи. Это пятнышко полминуты назад было меньше. Оно растаяло прямо на ее глазах. Наталья понюхала стену. Кирпичи пахли бензином.

Наталья посмотрела вдоль стены. Стена обрывалась углом на

фоне кустов сирени с кистями зеленых семян. Вдруг она всем своим существом почувствовала, что нечто страшное, опасное, но в то же время — притягательное, прячется за этим углом. Она сделала несколько решительных шагов. Запах бензина усилился. Поколебавшись, все же заглянула за угол. Там, среди кустов и кистей с семенами, стоял, держа на отлете грязную тряпку, Тарас Балашов.

24

Наталья повернулась и быстро пошла вдоль стены. Только поскорее выйти во двор, где на детской площадке гнездятся мирные старушки с внучатами.

Нет, он не стал бежать за нею, выламывать ей руки. Краем глаза она отметила, что он донес свою тряпку до угловой урны и выбросил, как истинный джентльмен. Этот жест почему то воскресил внутри нее чувство безопасности.

— Позволь мне все объяснить, Наталья.

— Почему нет? Через два дома я видела кафе. Можно по чашке зеленого чая, в жару — самое оно.

Что же это такое? Один за другим в ее жизни появляются люди, которые имеют документы на имя Тараса Балашова, зачем-то разучивают наизусть его прозу... Теперь вот этот реально существующий дом и надпись, которой она не должна видеть. Это что — заговор сумасшедших?

Они дошли до кафе молча. Зеленый чай был, но холодный, в банках. Все не так на этой земле...

— Скажи мне, пожалуйста, — спросила Наталья, — почему эта надпись на стене дома — здесь, в Измайлово? Получается, что в своих рассказах ты описал именно этот дом. И зачем ты стер эту надпись, симулировал поломку машины? И ты, как говоришь, никогда не жил в Измайлово. Не слишком ли много Тарасов Балашовых получается по мою душу?

— Я знал, что ты догадаешься, — сказал Тарас после паузы.

— Догадаюсь — о чем? Что есть еще один, какой-то третий Тарас Балашов? И уж он-то — настоящий?

— Нет. Я последний. Да, я действительно описал в своем романе этот дом. Потому что в квартире номер четыре жила девушка, которой посвящена моя проза.

— Вот как? А при чем же тут надпись?

— Я сам ее и сделал.

— Зачем?

— Это было колдовство.

— Не поняла.

— Я описал квартиру, в которой жила она, как квартиру, в которой живу я. Пусть это и наивно.

Он вдруг замолчал. Наверное, потому, что понял: Наталья совсем уже не слушает его. Она сидела, прижав ладони к щекам, пытаясь осмыслить свои впечатления, разложить их по полочкам, будто внутри нее был сервант с посудой и надо было расставить ее.

Каким-то образом во всем этом был замешан Серый. Но его больше нет в живых, а игра, которую он начал, почему-то продолжается...

Вдруг странная, дикая мысль пришла ей в голову. Она и раньше догадывалась, но гнала, гнала от себя эту сумасшедшую мысль.

Звезды были изначально правы. Иначе и не может быть. Почему она была так слепа? Ведь они, звезды, со всей ясностью, со всей математической точностью сказали ей, кто ее мужчина и кого на самом деле она должна была любить.

Он жил рядом с нею, в одном пространстве и времени. Она знала его телефон, достаточно было только набрать номер. Как две планеты, которые раз в тысячу лет сближаются... Так и он порой был на расстоянии вытянутой руки. А теперь его нет. Нет вообще. Нет нигде.

В последний раз он предстал перед нею инкогнито, призраком явился с Сейшельских островов. Она отрицала его. А ведь именно он писал ей письма несколько недель, три-четыре письма в день, больше сотни писем. И именно эти письма разбудили в ней любовь. Вот где был самим собой этот человек. Пусть он взял откуда-то эти чудесные стихи про молочай — не важно... Именно письма были толчком к любви, а не проза Тараса, не смазливый лик Влада. Она всю жизнь ненавидела Серого и всю жизнь любила его. Любовь-ненависть, вот как это называется. Эта истина открылась ей именно сейчас, но — как всегда случается в жизни — слишком поздно.

Влад был всего лишь манекеном, куклой. Серый прокрутил грандиозную аферу. Теперь уже не узнать, для чего ему было нужно выковыривать какого-то человека из Казани, тратить немалые деньги, чтобы наделить его имиджем Тараса Балашова... А сам Тарас — настоящий? Тарас из четвертой квартиры дурак — только и всего.

— О чем задумалась моя королева? — спросил Тарас, как всегда, изысканно и слащаво.

О любви, — коротко ответила Наталья.

А я тоже сейчас думаю о любви, вот странное совпадение! — сказал Тарас и положил ладонь на ее пальцы.

Наталья медленно потянула руку по глади стола, чувствуя его стеклянную прохладу. Рука выскользнула из некрепкого объятия и скрылась за обрезом столешницы. Будто бы скрылась навсегда, успел подумать он, как в голове его вновь закружилось оранжевое пламя, словно неведомая и страшная планета-апельсин.

— Тарас из четвертой квартиры дурак, — сказала Наталья.

— Верно, дурак, — поддержал ее шутку Тарас.

— И не один дурак, а несколько психованных дураков. Впрочем, мне безразлично. Я только сейчас поняла, что всю свою жизнь любила одного человека.

Тарас посмотрел на нее с напряжением, Наталья понимала, что не стоит ничего ему говорить, но остановиться уже не могла.

— Это был мой одноклассник. Несколько дней назад он погиб. Покончил с собой.

Похоже, известие о том, что ее сердце принадлежит, вернее, принадлежало до недавних пор не ему, просто огорошило Тараса. Он смотрел на нее не мигая, и этот взгляд заставил ее продолжать, хотя она и понимала, что совершает ошибку:

— Странная история! Этот человек преследовал меня, можно сказать, всю жизнь. Но я всегда искала кого-то другого. Все мне казалось, что мое счастье где-то выше и дальше... И только теперь, когда его не стало, я поняла, что оно всегда было здесь. Счастье. Но я не удосужилась, не смогла... А ведь если бы... Поведи я себя по-другому, он бы сейчас был жив.

Тарас молча слушал ее, вдруг тычком погасил в пепельнице сигарету, встал, неожиданно расхохотался...

— Тарас из четвертой квартиры дурак! — воскликнул он, пятился, прошел несколько шагов, смеясь, и повторил: — Дурак.

Наталья с тревогой смотрела на него. Перед нею стоял сумасшедший. Он вдруг оттопырил уши и высунул язык. Поднял руки вверх и, помахивая ладонями, продолжал пятиться, пока не споткнулся, едва не упав.

Остановился, огляделся вокруг, будто не понимая, как он попал сюда. Повернулся и пошел, как тот, другой, шел под дождем, оставив ее в прозрачной беседке... Вдали, за кустами, знакомо пискнула его машина. Хлопнула дверца. Темно-синее, просвечивающее между листьев, тронулось, развернулось и уехало.

Ну и пусть едет. Вернется или нет — безразлично. Так ничего и не объяснил. Колдовство, квартира любимой девушки, чушь какая-то! Все равно... Ей надо было побыть одной. Она хотела подумать о человеке, которого любила всю жизнь.

25

Человек, которого она любила всю жизнь, умер несколько дней назад. Бренное его тело предали земле. Жизнь, полная героизма и предательства, милосердия и насилия, благородства и лжи, всех мыслимых и немыслимых пороков и наслаждений, невероятных взлетов, головокружительных падений, жизнь-легенда, жизнь-символ, — была исчерпана, закончена, оказалась в итоге столь же бессмысленной, как и жизнь самого обыкновенного обывателя.

Можно ли представить, что главную, определяющую роль в преображении парня с рабочей окраины в одного из самых влиятельных мафиози страны сыграла девчонка с двумя спутницами косичками?

Это случилось, когда родители переехали на Сретенку, отдав две квартиры за одну, но в центре, и Серый пошел в новую школу. Директриса ввела его посередине урока в класс и представила ученикам. С минуту он стоял перед всеми, слушая смешки и язвительные комментарии. Именно в эту минуту он и увидел ее, на третьей парте в среднем ряду. Она внимательно его рассматривала, как некое диво, и одна ее косичка улеглась на раскрытую тетрадь, а другая болталась в воздухе, едва касаясь крашеного дерева парты. Именно этот образ он и пронес через всю свою жизнь.

В те времена было принято прятать любовь, особенно — от самого предмета любви. Серый пошел наперекор времени: он громогласно затрубил о любви. Больше всего на свете он был озабочен тем, чтобы доказать всему миру, что он не трус.

Доказательство не удалось, несмотря на красивый, смелый поступок: надпись на асфальте малярным валиком, которую он сделал на глазах у потрясенных старушек, вечных, как казалось тогда, сидилиц у дверей. Они-то и выдали его, смельчака. Доказательство рухнуло, когда на его девушку напали ребята, Сява и Хлюп из восемнадцатого дома, из самого шпанистого двора тогдашней Сретенки.

Серый оцепенел, с него мигом слетела вся его хулиганская спесь. Маленький кошачок подошел, стал вертеться у его ног. Серый сделал вид, что очень заинтересовался этим кошачком —

так заинтересовался, что забыл обо всем на свете. Краем глаза он видел, что Сява и Хлюп толкают его Наташу, тычут в нее пальцами, как рыбки пираньи. То же самое не так давно проделали и с ним. «Мы рыбки пираньи!» — подскочили к нему человек пять, среди них Сява и Хлюп, и стали тыкать ему пальцами в живот, в бока... Двор, куда переселился Серый, был давно опущен восемнадцатым двором, подчинен и обложен данью. Серый не смел катить баллоны на этот сильный и жестокий двор. Он глупо улыбался кошачку и готов был провалиться на месте. После того случая он понял, что вся его любовь тщетна, что после такого позора он даже взглянуть на девушку не посмеет.

Но вскоре ему пришло другое решение. Он поехал в Люберцы, в край, где родился и вырос. Там, в местном заводском клубе, возвышавшемся среди кирпичных пятиэтажек, была секция самбо, которую он бросил в связи с переездом. Товарищи приняли его радушно. Он записался еще и на штангу, на бокс. Каждый день после школы, сэкономив десять копеек из денег, что выдавала мать на обед, ехал до «Ждановской» и дальше, зайцем в электричке. День самбо, день бокса... Вскоре добавилась секция карате, которое только что официально разрешили в стране. По утрам он смотрел на себя в зеркало и вместо тщедушного мальчишки с впалой грудью видел какого-то римского гладиатора с гладкими, четко очерченными мышцами.

Мясоросло быстро, с мозгами было труднее. Два часа туда и обратно он проводил, уткнувшись в книгу. Читал-то исключительно всяческие приключения с драками и стрельбой, но результатом оказалась неожиданная грамотность: он делал все меньше ошибок в диктантах и сочинениях и, к большому удивлению учителей, вскоре вообще выбился из безнадежных троечников, поскольку успехи в словесности непостижимым образом подтянули историю и географию. Парня, которому, как все безоговорочно думали, светило после восьмилетки ПТУ, в крайнем случае — техникум, с удивлением перевели в девятый класс.

Летом он совершил беспрецедентный подвиг и эксперимент. Открыл учебник химии за будущий год — новый, только что полученный, пахнувший типографской краской, — и стал его читать. С удивлением заметил, что сам все понимает и усваивает. Стал долбить и другие науки — просто сказал себе: не может такого быть, что я не осилю. И осилил.

Цель была одна: завоевать ее любовь. Все, что он делал, было подчинено этой цели и только ей. Люберецким ребятам, кото-

рыми он теперь верховодил в уличных боях, было невдомек, что где-то в школе на Трубной этот мастер рукопашного боя получает пятерки по физике и геометрии, а одна пожилая учительница на педсовете высказала шутовское предположение, что у Сергея Орлова есть брат-близнец. Никто даже и предположить не мог, что под шкурой бесстрашного борца скрывается нежный, глубоко ранимый юноша, к тому же — жалкий природный трус.

Лишь на выпускном вечере с него будто бы слиняла эта самая шкура, и он рыдал в туалете, смывая все прибывающие слезы в раковину, а когда кто-то из дебильных выпускников вошел, Серый притворился, что его уже тошнит от выпитого портвейна.

— Никогда, Сережа! — сказала она, улыбаясь и дразнясь. — Никогда.

И теперь ему было совершенно невдомек, как быть со всем тем, что он накопил за два последних года, — с авторитетом в сколоченной им банде, с авторитетом банды в Люберцах и за их пределами, с аттестатом зрелости в четыре с половиной суммарных балла, открывающим ему, сыну слесаря, дорогу в любой вуз Москвы.

26

Через тридцать лет он опять встретил ее, и опять повторилось то же самое: и руки посреди танца бросила, и «никогда» свое произнесла, только в виртуальном инет-пространстве. Жизнь ходит кругами.

За это время Наташа прошла долгий извилистый путь, впрочем, как многие в эпоху перемен. В девяносто втором он с удивлением увидел ее на Арбате: она гадала по руке, сидя рядом с мужем на двух одинаковых складных стульчиках. Серый прошел мимо, хотя был большой соблазн подойти, показать себя, ведь он шел не один, а с двумя быками, часто зыркающими по сторонам, и вся улица хорошо видела, кто это идет.

Наташа не заметила или не узнала его. Именно в этот день он понял, что давно перестал любить ее, вырвал с корнем. Вернее, так ему показалось тогда. В те времена у него были другие. Много других, в том числе и жена. Но прошли еще годы, жены не стало, а девушки, тусующиеся на всякого рода презентациях и бизнес-ланчах, обрыдли ему, как и профессионалки в салонах, и его потихоньку начала разъедать тоска. Именно потому, что у него были другие, много других... Но не она.

В год тридцатилетия школы он организовал встречу. Затем они пообщались недолго, не встречаясь, а лишь перезваниваясь, переписываясь, и снова расстались, теперь уж — навсегда.

Конец, безусловный конец этой вечной любви. Теперь он ясно понимал, что то была не просто любовь, а какие-то кровные узы, правда, родственность вышла односторонней, потому что Наталья оказала фундаментальное влияние на всю его жизнь, а он для нее был никем. Именно благодаря этой девочке он изменил себя, стал новым человеком, сильным, влиятельным, одним из тех, кто непосредственно сделал историю страны. Если бы не она, он так бы и остался в той среде, из которой вышел, — продолжил бы рабочую династию, вместе с другими оказался на улице, когда закрыли завод, запил и умер, как отец. Иногда ему даже казалось, что и у нее могло бы вырасти ответное чувство этого странного родства: ведь Наталья не может не подумать о том, что ко всем переменам в его жизни причастна она.

Прошло еще полгода — неминуемо, незаметно, поскольку время с возрастом летело быстрее. Он знал все ее координаты: телефон домашний и два мобильных, электронный адрес, ее страницу на сайте знакомств, которая вызывала у него бессмысленную ревность.

Ну да, вывесила свои фотки на сайте. Ищет единомышленника. Это значит, прежде всего, что она одинока, что свободна... Но какое ему до этого дело? «Никогда».

На страничке сведений о себе Наташа четко сформулировала свои интересы: путешествия, душевные разговоры, велосипед. Где-то он недавно читал что-то душевное, именно про велосипед...

Он пошарил по закладкам и нашел. Некто Тарас Балашов опубликовал в сети несколько десятков рассказов, и было там про велосипед. Серый стал читать эти рассказы и нашел в них множество мыслей, которые приходили в голову и ему. Он и сам так думал, но сказать не умел. Он был буквально влюблен в прозу таинственного Тараса Балашова и читал ее с упоением. Иногда ему казалось, что он сам и написал все эти слова: где-то в другой жизни, или — почему бы и нет? — когда баловался наркотиками, а теперь и не помнит вовсе.

Как-то раз выпив лишнего, он написал ей письмо, назвавшись Тарасом Балашовым. Этот самый Балашов уже лет восемь не появлялся на сайте, было даже неизвестно: жив ли он.

Мистификация должна быть совершенной, и Серый отнесся

к ней с обстоятельной тщательностью, как делал любое свое начинание. На каком-то провинциальном портале эротических знакомств он выбрал несколько кандидатов на облик Тараса: именно то, что не могло не понравиться Наталье, исходя из ее славянофильских настроений, — светлоглазый блондин с открытым лицом, мужественным подбородком, доброй «гагаринской» улыбкой.

Поначалу ему казалось, что совершенно не важно, какого роста Тарас, ведь будет фигурировать лишь его аватарка — крупный план, чтобы Наталья могла рассмотреть эти арийские глаза. Неожиданно Серый сделал открытие: оказывается, по лицу можно определить, высокого роста человек или нет. Рассматривая сайт знакомств, он сначала видел фото, а потом читал сведения. Поймал себя на том, что всегда безошибочно определяет, маленький ли это мужчина или нет. Правда, порой они наивно ввали. Зачем? Все должно кончиться личной встречей, иначе к чему начинать игру? И как же тогда он ответит за свои шесть футов, пятифутовый?

Серый как раз и был пятифутовым. Маленький, юркий, весьма пригодный для боев на татами, но не для штурма женских сердец. Особенно это касалось вкусов Наташи: на сайте Байды, где она выставила себя для знакомства, было четко выдвинуто ее требование: рост не менее ста восьмидесяти сантиметров.

Рассматривая ряд этих красавцев, Серый предался бесплодным мечтам... Зачем, собственно, брать реально человека, другого человека? Почему бы не слепить образ из себя самого? На дворе кризис, положение у него сейчас не лучшее: на одно из его предприятий напали рейдеры, подходят сроки сразу нескольких кредитов, а платить, честно говоря, не хочется...

Вот бы исчезнуть. Сделать пластическую операцию. Явиться к ней в новом облике и покорить ее сердце. Допустим, он сможет увеличить рост, вставив костные протезы в голени, как это делают фотомодели, превращаясь в Барби. Голос тоже можно подковать, как ухитрился волк, страстно желающий семерых козлят. Но вот как из карих глаз сделать светлые? Контактные линзы дадут в лучшем случае темно-синие или зеленые глаза, но никогда — голубые или серые. Ученые пока еще этого не добились. В недалеком будущем — возможно. Наука в современной цивилизации работает на потребу плоти: все хотят нравиться противоположному полу, а кто-то и вовсе сменить пол.

Уйти из реальности вообще. Изменить облик и имя, поко-

рить девушку своей мечты, жениться на ней, увезти из страны, начать новую жизнь с чистого листа... Впрочем, ерунда: Наташа ни за что не уедет из России, из Москвы. Эти патриоты думают, что любить родину можно, только живя на родине. Да и был существенный изъян в его фантазии: ну, изменит он облик, сделает новое лицо, а кто даст гарантию, что это лицо ей также не покажется отвратительным?

Он выбрал среди красавчиков какого-то Влада, тридцати пяти лет, крепкого, спортивного парня, к тому же, позировавшего с футбольным мячом, в майке и широких спортивных трусах, чтобы показать свои мускулистые ноги. Аккуратно вырезал его лицо с сегментом мяча и запихнул в только что созданный ящик в качестве аватарки.

Послал письмо, где сообщал, что нашел ее резюме и поразился удивительным совпадениям: и нравится ему в точности то же, что и ей, и время он проводит совершенно так же. Оба любят велосипед, дальние путешествия, оба в восторге от песен «Битлз».

Наталья отозвалась немедленно, буквально через несколько минут. Серый так и замер с открытым ртом, с очередной рюмкой, не донесенной до рта.

Она предложила связаться по скайпу, голосом и веб-камерой, сама отправилась читать рассказы Тараса Балашова по ссылке, которую ей кинул Серый.

Он заглянул на страницу, где был отображен список прочтений автора Тарас Балашов. Счетчик сайта показал, что некто сейчас открывает рассказы один за другим, с интервалом в минуту-другую — достаточное время, чтобы бегло прочитать его короткие тексты. Несомненно, этим читателем была Наташа. Она просмотрела несколько первых рассказов и остановилась. Вскоре пришло от нее письмо с односложным комплиментом и недоуменным вопросом: где же ваш скайп? Серый не думал, что поражение придет так быстро. Может, сказать ей, что у него старый маломощный компьютер, который технически не выдержит аудио и тем более видеосвязь? Немыслимо. Кто он тогда такой — бедняк, школьный учитель пения?

Внезапно его озарило, будто бы то слово, которое Наташа бросила в качестве комплимента рассказам Тараса Балашова, само по себе излучало свет.

«Я в военном госпитале за Байкалом», — отстучал он на клавиатуре. — «Главврач дал мне свой компьютер на время. Как раз сейчас отбой, и мне надо компьютер вернуть».

Этот Байкал был внезапным открытием: мало того, что Наташа как-то обмолвилась, что давно мечтает съездить туда, но и разница во времени сработала на руку — там сейчас как раз десять вечера, и вполне понятно, что в госпитале отбой.

У Серого был целый день, чтобы все обдумать. Наташа клюнула на рассказы, прочитала пять первых, по две минуты на каждый, похвалила: «Блеск!» — это было ее любимое словцо. Это во-первых. Во-вторых, ей, похоже, пришлось по вкусу светлоглазая аватарка: иначе она не стала бы попусту тратить время. В следующий раз непременно попросит его позвонить. Не потому, что боится какого-то мошенничества, — просто, как он понял из последнего периода общения, недолюбливала электронную переписку вообще.

Он поискал на интернет-базарах предмет, о котором был слышан, — электронный имитатор голоса. Тотчас заказал, выбрав магазин, который обещал немедленную доставку. Имитатор принесли в офис, прямо к началу рабочего дня, но за это время он уже обдумал правдоподобную легенду, для которой этот прибор не был нужен. Взял все же на всякий случай. Голос, пропущенный через прибор, мог превратиться и в истерический фальцет кастрата, и в грозный бас Дарт Вейдера. Зашвырнул коробочку в стол.

Легенда была красивой, где-то даже душераздирающей. Она включала в себя все пункты, которые Наташа обозначила в своем резюме: любовь к путешествиям и велосипед, тягу к дикой природе и сермяжность горячо любимой родины. Тарас Балашов, блондин, пишущий душевные рассказы, решил путешествовать не просто так, а именно на велосипеде, и поехал не куда-нибудь, а на Байкал.

И вот, едет Тарас Балашов вокруг Байкала, по знаменитой Круглобайкальской тропе, крутит педали, любитесь дикой природой и обдумывает новые рассказы, которые еще лучше, еще душевней.

Внезапно случается катастрофа: велосипед соскальзывает в пропасть. Замечательный писатель оказывается на волоске от гибели — в самом расцвете творческих сил. Он лежит на дне глубокого ущелья с переломанными ногами, над ним уже кружат стервятники. Позвонить никому не может, потому что его мобильник улетел в ущелье, вместе с велосипедом. Сутки лежал неудачливый путешественник на родной земле, смотрел на звезды, думал об астрологии и тайном смысле созвездий, мысленно сочинял стихи...

Случайно его спасли десантники на большом зеленом вертолете с красной звездой. Теперь он лежит на растяжке в гипсе, в военном госпитале, главврач, майор медицинских войск, его уважает, отважного москвича, писателя, дает ему ноутбук по вечерам. Позвонить он, конечно, не может, поскольку мобильник-то как раз улетел в пропасть, а до городского телефона, что в ординаторской, не дойти ему с гипсом...

Все было именно так, как он и предполагал, достаточно хорошо зная эту женщину: на следующий вечер она написала, что предпочла бы живое общение сетевому, но если живое никак пока невозможно — что ж, подождем, пока болезный пиит выздоровеет. В этом же письме она между прочим поинтересовалась, когда у него, то есть Тараса, день рождения.

Для несведущего это ничего бы не значило, могло выглядеть как простое любопытство, чтобы поздравить при случае, но Серый-то понимал, что она хочет построить его гороскоп и вычислить, хороший ли это человек или нет, насколько он совместим с нею и стоит ли начинать с ним отношения.

Серый ответил: что день рождения у него еще не скоро, сам же бросился на астрологические сайты — пытаюсь разобраться, какой знак Зодиака назначить Тарасу, чтобы он подошел наверняка. Беглое путешествие разочаровало, так как разные статьи противоречили друг другу, и в мире астрологии царил полный сумбур.

Дуреха! Ведь считает себя какой-то особенной, избранной. Что душа, дескать, рождается соответственно своим достижениям в прошлой жизни, которой нет. И хорошая душа рождается, конечно, в Москве, а плохая — где-нибудь в Казани. Хорошая — в теле славянина, а плохая... Просто фашистка. Недаром он выбрал образ Тараса — светлоглазый блондин.

Меж тем от Наташи пришел новый запрос, она повторяла свое требование: назвать дату рождения, место и время, то есть в котором часу он родился. «Да зачем это Вам?» — отписал ей Серый, а сам лихорадочно продолжал катать по монитору страницы... Нет. За отпущенные ему минуты он не сможет врубиться в астрологические нюансы. Доктор, конечно, мог бы забрать у него компьютер, майор. До завтрашнего вечера Серый бы покорпел над этой наукой, ему не впервой было изучать и решать самые сложные проблемы за рекордно короткие сроки, только вот стоит ли игра свеч? В конце концов, не прекратит же она с ним общение, если у него будет какой-то не тот гороскоп? Что ж, лев так лев...

Вскоре выяснилось, насколько он был не прав, недооценивая значение астрологии в жизни любимой женщины.

«Родился я 8 июля 1975 года, в Москве, — написал он, сбросив свой реальный возраст, чтобы Тарас был на десяток младше ее. — Где-то в восемь утра».

«Спасибо, Лев Тарас!» — немедленно отозвалась она. «Данные — это дата рождения полная — со временем суток и местом, для построения Вашей астрологической карты. Посмотрю, может, что полезное скажу. Я соображаю в этом».

Серый прождал весь вечер: больше писем не было. Сколько же времени ей надо, чтобы построить карту? Насколько он знал, компьютер делает это мгновенно.

Не было письма и на другой день. Он сам написал ей к вечеру, но она не ответила. Серый понял, что произошло: звезды сказали Наташе, что этот человек ей не подходит.

На другой день он сочинил красивое, отчаянное письмо, полное хитрых комплиментов и страстных просьб не покидать его в тяжелом недуге, особенно потому, что недуг этот временный. Рассказал «о себе», о том, что он любит, о чем мечтает. Вспомнил даже, что ей особенно нравился сиреневый цвет, сказал, что почему-то всю жизнь любил именно такой цвет и пристегнул к письму фотографию сиреневых лилий, ее любимых цветов. Пространно описал свой велосипед, погибший в глубоком ущелье, выбрав в инете именно ту модель, которая была у самой Наташи. Он многое знал о ней, знал с детства, это давало ему преимущества. Тарас Балашов получился ее отражением в мужском зеркале, отпечатком в камне, вторым «я». Кто из нас не мечтает встретить себя самого? Серый бросил все дела, отменил все контакты и часа два создавал письмо. Он так явно вообразил себе палату в военном госпитале с видом на бескрайнюю гладь Байкала, стройный кактус-молочай на полу под большим высоким окном, что чисто автоматически вылились из его души стихи...

С жителем приюта моего
временное чувствую родство:
я уйду — простора не объять,
ну, а он останется стоять
здесь...

Кротко, молча, на одной ноге,
в этом синем треснутом горшке,
в этой скорби меж чужих существ,
тех, кому своих скорбей не счесть
здесь...

Он был вознагражден: Наташа захватила наживку и отозвалась: «Не покину Вас, Тарас, не бойтесь! Кто ж мне тогда такие красивости будет писать?»

Крошечная рожица смайлика в конце письмеца намекала на то, что комплименты осознанны и приняты.

Так продолжилась их переписка, она длилась уже больше месяца, и Наталья, похоже, просто виртуально влюбилась в него, чему немало способствовала проза Тараса Балашова, которую она порой похваливала, не забывая поставить опять же смайлик, дабы показать, что эти миниатюрные рецензии все же отчасти комплимент. Женщина, которую он считал навсегда утраченной, теперь была в его руках... Увы, не в его, конечно. В руках пресловутого Тараса Балашова, которого он сам и создал. Внешность одного человека, проза — другого, письма и чувства — третьего, то есть — его самого.

Тарасу давно пора было подняться на ноги и доползти до ординаторской, откуда позвонить своей виртуальной возлюбленной по городскому телефону, чего актер, игравший его, сделать, понятно, не мог. Разве что, каким-то далеким, другим голосом, прерываясь от байкало-амурских помех...

Найти настоящего актера, профессионала, заплатить ему... Натаскать, написать тексты. Тогда Тарас Балашов выступит уже не в трех, а в четырех ипостасях.

Допустим, при помощи актера-переводчика они начнут ворковать по межгороду, еще более укрепляя «любовь». Или воспользоваться имитатором голоса? Нет, рискованно: она может узнать его по интонации. Даже если с воркованием все выгорит — ну а дальше-то что?

Серый усмехался собственной мысли, но все равно провоцировал ее. Вероятно, это были ростки будущего решения, которое вывернуло его собственную жизнь.

Сначала им овладела дикая, смехотворная мысль. Что, если найти человека, чью аватарку он выбрал для ящика, этого Влада из Казани, заплатить ему, заставить его сыграть роль Тараса Балашова? Пусть Наталья увидит и полюбит его. Пусть они начнут встречаться. Сам же он будет их неотлучным свидетелем, тайным соглядатаем: он будет знать каждый поворот любви, которую сам и создал. Да и не в этом дело. Наступит момент, когда из зрителя он превратится в актера и ступит на сцену своего собственного театра.

Этот дважды фальшивый человек — не Влад и не Тарас — будет полностью его собственным отражением. Влад — это про-

сто носитель тела. Тарас — это просто его псевдоним. Сколько может запросить этот ничтожный Тарас за свои произведения, если Серый захочет их купить? Нет никакого Тараса вообще. Все эти душещипательные рассказы написал он, Серый. Письма с Байкала писал Серый: ну, это действительно правда. Наталью заинтересовал именно Серый, и никто другой.

В чем была дичь и смехотворность этой мысли? Серый будет до поры до времени в тени. Но он выйдет из тени в самый решающий миг. Когда Влад, он же Тарас, пригласит Наталью домой и наступит тот щекотливый момент, когда ему надо будет пойти в душ, то выйдет из душа, в полной темноте, уже другой человек — он, Серый.

Господи, какая же глупость!

Да, все произойдет в полной темноте. Наталья будет убеждена, что с нею Тарас Балашов, мужчина, в которого она влюблена. И вот наступит решающий момент. Когда все будет кончено, Серый хлопнет в ладоши, и в комнате засияет люстра.

Вот что он хотел увидеть больше всего на свете. Ее глаза. Когда засияет люстра и она поймет, что только что была растерзана человеком, которого ненавидела и презирала всю свою жизнь.

Серый прекрасно понимал, что делает что-то не то, что все это безумие. Но он также отдавал себе отчет и в том, что сама его любовь к Наталье — безумна. А люди, влюбленные безумно, совершают именно безумные поступки...

Все его планы внезапно переменял случай, и его история неожиданно превратилась из криминальной мелодрамы в фантастический роман.

Он вновь вспомнил о пластической операции. Вот интересно, возможна ли такая операция, чтобы превратить одного человека в другого? Ну, похожего... Для верности он отрастит бороду, ведь мог же Тарас в этом жалком Забайкалье слегка зарости? Глаза могут стать и карими: единственное фото — это просто игра света фотовспышки. Рост... Ну, соврал немного, надбавил. Она поймет, поскольку сама скидывает возраст на сайтах знакомств. Ведь она уже любит его. Простит эти незначительные мелочи. Голос? Это труднее всего. Но ведь существуют какие-то методики, актерские курсы. Схватить за горло какого-нибудь квалифицированного педагога. Эдакого старичка с тонзурой и львиной гривой вокруг нее. Дать ему в пасть бабки, чтоб хватило до гроба и на гроб. Бросит все свои студии и сделает голос за пару дней...

Серый потыкал Гугл на предмет пластических операций, современных технологий, но ничего путного не нашел. И тут он вспомнил о Бурышеве, которого знал еще с конца восьмидесятых, когда мафия, под прямым руководством партии и КГБ, возила, прятала и перепрятывала по всему Союзу всякие товары, чтобы создать в стране видимость разрухи. Мука, сахар... В том числе — медикаменты, и Бурышев был главным во всей этой части операции. Затем, в бандитские годы, многие ребята вызывали Бурышева, когда был нужен медик для некоторых тонких дел. Серый слишком много знал о нем, мог уничтожить в любую минуту, самым законным путем, предав гласности факты его героической биографии.

Он позвонил Бурышеву и без предисловий спросил, можно ли сделать такое — при помощи пластической хирургии не просто изменить внешность, но создать определенное лицо? Тот даже посмеялся: нет, нельзя. Серый все же спросил напоследок: как его жизнь, дела?

— Да так, работаю в одном частном институте, над очень серьезным проектом... — его голос стал каким-то напряженным, будто он собирался попросить Серого о чем-то. — Для чего тебе была нужна эта информация? Хочешь исчезнуть?

— Возможно.

— Нужен какой-нибудь труп? — старый приятель явно шутил.

— Да я не в детские игры тут с тобой играю! — выкрикнул Серый, двинув по полу стул. — О трупе я бы и сам позаботился. Вон их сколько, — он автоматически глянул в окно не отнимая трубку от уха, — по улицам без дела шатается.

— Медицински я, конечно, помогу, если надо, — пролепетал Бурышев.

— Да нет, пока не надо, — сказал Серый и оборвал разговор, даже и не подозревая, как скоро ему станет действительно *надо*.

27

Со временем каждодневная переписка с Натальей стала для Серого пыткой, и он решил убить Тараса Балашова. Он написал, что его кладут на операцию, не волнуйся, Наталья, операция будет легкой, правда, под общим наркозом. Этот общий наркоз ему противопоказан, как сообщили врачи на медосмотре перед очередными соревнованиями, где он взял очередной кубок чемпиона Москвы... И так далее. «Местным эскулапам я не сказал об этом. Пусть тоже не волнуются, а режут как надо.

И ты не волнуйся. Завтра, после операции, я вряд ли напишу тебе, а вот послезавтра — жди».

Реакция была предсказуемой. Наталья разволновалась не на шутку. Она стала уговаривать его не ложиться на эту операцию, по крайней мере, сообщить эскулапам о противопоказаниях... Поздно. На этом Серый переписку оборвал.

Первое время он злорадствовал. Пусть на себе почувствует, что значит потерять любимого, хоть и виртуального, пусть вернется ей самой в ушки это страшное: НИКОГДА.

Смерть. Никогда. Был и нет. А какой был! Лучший. Из всех, кого только можно представить. Мужчина — мечта всей ее жизни. Ее половинка, ее зеркало. Лопнул, как пузырь во рту жмурика.

Наталья бросила на его ящик несколько истерических писем, потом — как оборвало ее, будто на полуслове. Это показалось Серому странным.

Через неделю он уже сам нещадно затосковал. Зачем убил Тараса? Прикинулся мертвым, словно жук-притворяшка. Мог бы еще тянуть и тянуть это общение, ведь перелом шейки бедра — можно было развить хоть на полгода... Он стал жалеть и Влада, чье лицо взял, и этого несчастного Тараса, неведомого какого-то человека, который активничал в инете несколько лет назад, затем пропал... Никогда он так не мучился, даже когда убивал по-настоящему, собственными руками. Хотя бы того сантехника, с которым она вошла в примитивную связь, словно замужняя домохозяйка.

И почему-то он постоянно возвращался к образу доктора Бурышева: что-то не давало ему покоя. И вдруг он вспомнил. Вспомнил так, что, казалось, каждый его внутренний орган завибрировал — от мысли, которая стукнула его внезапно, будто соперник не рассчитал удара и вместо тренировочного провел боевой.

Два года назад. Он застрял в пробке, и кто-то окликнул его. Это был Бурышев, его белый «Ситроен» стоял рядом. Они вырулили на обочину, вышли и схлопнулись ладонями. Много лет не виделись. У Серого было паршивое настроение после не совсем удачной сделки. Вдруг захотелось выпить со старым боевым соратником. Они изрядно наклюкались, поэтому и разговор осел на самом дне памяти.

Сейчас выскочил на поверхность, как поплавок, замаячил: Серый вспомнил все до последнего слова.

Бурышев работал в каком-то странном частном институте, о предмете своем говорил поначалу туманно, намекая на секрет

фирмы и даже особую миссию... После того как Серый проводил его в туалет, где соратника вывернуло наизнанку, он в двух словах выдал и секрет, и миссию.

Бурышев занимался опытами по пересадке сознания. Не только крысы, но кошки, собаки, даже одна обезьянка успешно смогли отделиться от своих тел и погостить в телах других существ своего вида.

— Сознание, понимаешь ли, — говорил он, почему-то подражая первому президенту России, — это всего лишь записель... То есть — запись чисел в клетках. Я имею в виду клетки — живые. Но ничто не мешает записать его и в другие клетки. Такие, как в школьной тетрадке. Долгое время считалось, что импульсы эти хранятся в нейронах головного мозга. Но на самом деле — не там.

— А где? — спросил Серый безо всякого интереса.

— В клетках спинного мозга! Костного мозга! Во всех клетках, если честно говорить!

— Ты только не ори, а то головой в унитаз суну, чтоб протрезвел, — мрачно произнес Серый.

— Не надо! — сказал Бурышев. — Но сознание... — он поднял палец над заблеванной раковиной, — сидит, как мы поняли, во всех клетках тела. Даже в костной ткани. Именно поэтому и возникают фантомные ощущения. Ты знаешь, что такое фантомные ощущения?

— Ну, знаю, — сказал Серый, пытаюсь выровнять тело соратника, начавшее клониться в сторону кабинок с унитазами.

Но Бурышеву, похоже, послышался другой ответ, и он принялся объяснять:

— Это когда человек, который потерял ногу, чувствует ее. Он даже уверен, что у него есть нога, пытается встать и падает. Точно, как я сегодня! Ну вот. Природа фантомных ощущений объяснялась неверно. Будто бы мозг, головной мозг, хранит некую память о ноге. На самом деле — все наоборот. Это нога хранит память о мозге.

— Не понимаю. Каким образом все это имеет отношение к пересадке сознания?

— Процесс архисложный, но если объяснять на пальцах, очень все просто. Можно сканировать тело пациента, каждую его клетку, и записать это в цифре. В клетки тетрадные! То есть команда «эдит кат» — вырезать. Затем сделать то же самое с другим пациентом. И вставить все, принадлежащее одному телу, в другое, понимаешь? «Эдит пэйст», значит, команда.

Конечная цель этого небольшого частного НИИ была вполне земной, коммерческой. За некую сумму, ошеломительную даже для миллионера, гендиректор ООО предлагал клиентам бессмертие.

Серый позвонил Бурышеву и без предисловий спросил: как дела с его научными разработками.

— Никак, — сказал соратник. — Клиника закрылась, финансирование прекратили.

— Вся эта пересадка сознания оказалась фуфлом?

— Это они так думали. Опыты над животными показались им неубедительными, хотя...

— Давай-ка сейчас встретимся, и ты мне все это подробнее расскажешь.

Через час они сидели в ресторане на Балчуге, и Бурышев продолжал свои ученые жалобы:

— Мне было все очевидно, а инвесторам — нет. Крысам я прививал определенные навыки в традиционном лабиринте. Одна крыса научится проходить лабиринт, я ее сканирую, переносу все ее сущность в другую, девственную крысу. И та тоже начинает проходить лабиринт. Более того. Если крысе, которая уже имеет навыки, привить сущность неумелой, то и она разучится. Ясно как репа. Опыты получались. То же самое с кошками и даже обезьяной, но это было сложнее и требовало более серьезной аппаратуры. В итоге инвесторы заявили, что все это слишком дорого и долго. Плюс один из них в православие ударился, вообще от идеи отошел. А двое других победнее этого. В итоге все развалилось.

— Ясно. А с человеком ты пробовал?

— Нет еще. Как раз только подошел к этому, уже начал искать добровольцев, и все закончилось.

— Нарботки остались?

— Разумеется. А тебе на что? Неужто хочешь сфинансировать?

— Да. И добровольцев тебе предоставлю.

Эти слова поимели на Бурышева такое сильное действие, что он поднялся с места и протянул Серому обе руки. Тот нехотя дал ему свою, для страстного облепляющего пожатия.

— Спасибо, друг мой! Великое тебе спасибо.

Серый все же выдернул руку.

— Садись. Я не бескорыстен, замечу для начала. Но об этом после. Как скоро ты начнешь работать?

— Да хоть сегодня. У меня сейчас кабинет в одном санатории

в Черкизово. Мне нужны два мощных компьютера и один компьютер-сервер. Как только бабки будут, куплю и привезу туда. Позвоню коллегам...

— А можно обойтись без коллег?

— Можно. Только с ними дело быстрее пойдет.

— Ты ж ведь и не знаешь, какое дело... Ладно. Расскажу тебе все.

Не торопясь, посасывая пиво, он выложил Бурышеву свою историю и посвятил в свои намерения. Когда закончил, соратник довольно долго молчал.

— Ну и что? — с раздражением спросил Серый. — Что скажешь-то?

— Ты меня ошеломил. Признаться, я и представить не мог, что ты скрываешь такие сильные чувства. А ведь казался совершенно непрошибаемым, орлом таким.

— Я и есть орел. Только вот орлицы мне всю жизнь не хватало.

— Ну, за твою часть операции я, конечно, спокоен.

— Безусловно. Этого парня доставят в Москву. Я его размещу на какой-нибудь квартире. Будет жить, как в масле кататься. Вопрос: что он сам почувствует при пересадках, что будет помнить?

— Не думаю, что он будет что-то помнить. Сны, может быть, какие.

— Просто ляжет на кушетку, заснет и встанет?

— Даже не так. Возможно, он не будет помнить несколько предыдущих и последующих часов. Возможно, он вообще ничего не заметит. Просто как потерял сознание и очнулся. Потерял у себя на квартире и очнулся — там же. Обморок такой.

— Ты в этом уверен?

— Почти. Дело в том, что крыса теряла некоторые навыки, приобретенные ею незадолго до эксперимента.

— Ну что ж, — Серый встал и махнул официанту. Бурышеву сказал: — Скинь мне номер своего счета. Сейчас же пошлю тебе аванс.

Серого не волновало, что благодаря усилиям Бурышева и его подельщиков сильные мира сего теперь получают возможность жить вечно, меняя свои износившиеся тела на более крепкие. Его сердце забилося так, будто он уже владел Натальей, ритмично извлекая из нее крик, как музыку из дорогой скрипки.

План созрел мгновенно. Надо вытащить Влада из Казани в Москву. Все будет выглядеть довольно прозаично: и Серому, и

Владу проведут сканирование, что займет несколько десятков минут и будет связано со шлемом, датчиками, всякими другими совершенно не важными деталями. Серому придется полежать в клинике, в состоянии, сходном с комой, в то время как на ноги встанет крепкое, мускулистое тело Влада, наполненное, впрочем, уже другим разумом. Где будет в это время сам Влад, вернее, его сознание? Да просто-напросто на хард-дисках мощного компьютера НИИ. В клетках.

После встречи с Натальей, от предчувствия которой Серого и начинало трясти, все вернется на место: Влад будет думать, что он отрубился, а Серый от этой точки времени до самой могилы будет нести в себе воспоминание. Никакие рольставни теперь не нужны. Придумав этот детский трюк с темнотой, Серый оставался недовольным несовершенством замысла: ему как раз и хотелось *видеть* эту женщину, во всех ее деталях, от и до. Идея с возгоранием люстры также была не лучшей. Получалось, что все, что он поимел бы после стольких усилий, — невразумительное, слепое, нереальное, а в финале — опять расставание, теперь уж навсегда. Нет. Он хотел быть с Натальей не один, а много раз, встречаться с нею, пусть и в чужом теле, недели и месяцы, может быть, даже годы.

Прежде чем отправить ребят за добычей, надо было удостовериться в том, что Наталья по-прежнему любит виртуального Тараса, не увлеклась другим, не уехала куда-нибудь надолго...

Тут был один нюанс. Серый знал: если Наталья ответит, то сразу потребует связаться с нею по телефону, да и последующий телефонный роман затягивать не станет. «Я не телефонный человек», — говорила она двадцать пять лет назад. «Я не емельный человек», — писала она и ему полгода назад, и Тарасу Балашову совсем недавно.

Сначала везти Влада, потом звонить — неверный ход: вдруг Наталья скоропостижно вышла замуж или попала со своим великом под грузовик?

Главное — как-то протянуть эти сутки-двое от момента второго явления Тараса до превращения Серого. Если же провалится захват Влада, то провалится и вся операция.

Все произошло в точности так, как Серый предполагал. Наталья была в сети, когда Тарас Балашов написал ей письмо из Москвы. Освободился из госпиталя, приехал, уже прокатился на своем старом «Стелсе»...

«Очень рада, Тарас, — немедленно отозвалась она. — Несмотря на твой странный последний выпад, я готова обсудить

нашу встречу в офлайне. Дай мне телефон, и я позвоню, как только смогу».

«Телефон я еще не купил — ответил Серый. — Только сегодня приехал домой».

«А городской?» — спросила она.

«Городского у меня давно нет: как-то раз забыл заплатить, да и не нужен он вовсе, потом — отключили, а восстанавливать не стал. Не нужен он в нашем мире совсем».

«Странно всё это, Тарас! И там у тебя не было телефона, и здесь. Желаю поскорее разобраться со связью».

По тону этого письма было похоже, что она больше не хочет разговаривать, по крайней мере, сегодня. И что-то его в этой переписке задело... Ну да — «выпад». Неужто его вероятная смерть на операционном столе и есть — выпад? И явно она была озабочена и насторожена. Он все же написал еще, рискуя ее разозлить, но, как оказалось, интуиция его выручила — так было всегда, так он не раз добивался неожиданных успехов в жизни и борьбе, да и от самой смерти уходил.

«Наталья! Огромное тебе спасибо, что ты за меня так волновалась, когда я был на грани. Я никогда не забываю теплого человеческого участия».

Наталья молчала несколько минут, затем взорвалась:

«Участия? А кто мне нахамил? Кто меня послал ко всем этим... оскорбил всячески? Это я ТЕБЕ никогда не забуду ТЕПЛОГО и ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО!»

«Наталья, я не понимаю, о чем ты говоришь!!!» — хотел было отправить он, но рука зависла над ENTER.

Отстучав автоматически, Серый включил мозг на полную мощность, с бешеной скоростью перебирая все варианты. Прошли какие-то секунды, но он уже понял: существует еще какой-то канал, по этому каналу Наталья связалась с настоящим Тарасом Балашовым, и он вполне мог ответить ей грубостью.

Однако Серый подстраховался, когда генерировал образ: поставил в Гугле на поиск «тарас балашов» — нет ли у этого писателя персонального сайта с портретом? Было бы смешно, если Наталья сделала то же самое и нашла совсем другого человека... Нет: Тарас Балашов существовал только на Прозе-ру и больше нигде. Его лицо на запрос по картинкам не появлялось.

Ну конечно, как он об этом не подумал! На страницах авторов сайта была возможность посылать письма через специальную форму:

«Письмо будет направлено автору по электронной почте на

адрес, указанный при регистрации страницы. Мы не публикуем адреса наших авторов, но вы можете отправить письмо автору через эту форму. Впоследствии, если он вам ответит со своего адреса, вы сможете переписываться напрямую».

Именно это и произошло, и ничего иного просто не могло быть. Встревоженная историей с операцией, не получив ответа от Тараса, Наталья написала письмо через форму, и это письмо получил настоящий Тарас. Можно лишь догадываться, что он ей ответил на вопрос о госпитале, сломанной шейке бедра и общем наркозе...

На все эти изыскания ушло не более трех минут. Серый стер предыдущие слова и отправил следующее:

«Наталья! Я был одурманен наркозом и ничего не соображал. Прости за грубость».

«Ага! Но когда очнулся, почему ничего не написал? Я волновалась».

Смягчение. Ну, разумеется. Разве можно сердиться на такую мордашку, как этот Влад?

«Начальник госпиталя ушел в отпуск и увез с собой компьютер. Я написал тебе сразу, как добрался до Москвы».

«Не сразу. На велике сначала прокатился».

«Велик — это святое».

«А я что для тебя значу?»

И так далее. Они трепались весь вечер, пока Наталья не захотела спать. За это время Серый наметил план срочных действий и уже приступил к его воплощению.

В паузах, пока Наталья соображала над очередным ответом, старательно тыча двумя пальцами по клавиатуре, он сгенерировал образ на казанском сайте знакомств. Перечитал требования, которые наивный Влад выдвигал для желаемой подруги: блондинка, светлые глаза, высокий рост... Занятно, что Наталья, которая сейчас на другом конце города преодолевала расклад клавиатуры, была именно такой. Серый ясно представлял ее, потому что хорошо знал. Она так и не научилась быстро набирать текст, поэтому и было ей в тягость общение имейлом. 90/60/90 — написал было он параметры приманки, но затем исправил, чуть сдвинув со стандарта: вряд ли Влад поверит в идеал.

Для фото он хотел найти какую-то абстрактную красавицу, чтобы купить этого Влада наверняка, но вдруг, ради шутки, что ли, или потому, что ему приятно было обращаться с самим образом, поставил фото Натальи. Фото были старые, из восьмидесятых: та юная девушка, которую он когда-то любил, которая

теперь стала средних лет женщиной, которую он любил по-прежнему.

Спустя несколько минут после создания образ вторгся в личное пространство Влада и оставил там кокетливую, но решительную запись.

Покончив с этим, Серый написал через почтовую форму Тарасу Балашову. Он назвал себя издателем и столь же конкретно, как и казанская красавица к Владу, обратился к неведомому автору, который за последние месяцы стал ему как родной.

Все это время шла игривая переписка с Натальей: она болтала уже спокойно и расслабленно, от обиды на хамский выпад не осталось и следа. Тарас отозвался где-то через час, Влад — на следующее утро. Серый дважды щелкнул пальцами: есть! Больше всего он опасался, что и тот и другой окажутся редкими узниками мировой сети.

Тарас Балашов недоумевал и не верил: ему казалось, что это какой-то лохотрон. Серый дал ему номер своего мобильного, вернее, одного из трех — того, что предназначался для секретных переговоров. Тарас позвонил около полудня следующего дня. Номер не определялся, вероятно, звонил из автомата, все еще подозревая какую-то аферу. Влад к тому времени уже ответил и настроился на душевную беседу, но Серый оборвал его, написав, что я, то есть Наталья, не телефонный и не емельный человек, а человек дела, жизни, сильных поступков и чувств...

Писателя Серый убедил достаточно быстро: в переговорах он был опытен и так прославился своим гипнотическим даром воздействия на людей, что его частенько приглашали в качестве парламентаря в улаживании всякого рода конфликтов. Разборок, если назвать более точным словом.

Они договорились встретиться на углу Садового и Петровки, сегодня же вечером: офис, где служил Тарас, находился в том районе, а Серому ничего не стоило подъехать. Он сделал писателю предложение, от которого тот не смог отказаться: полностью выкупить у него права на книгу, плюс пароль на сайте Прозе-ру. Серый желал как можно быстрее сменить этот пароль, пока Наталье не пришло в голову снова написать ему через форму и нарваться на настоящего Тараса.

Еще утром он прозвонил знакомых ребят, которые готовы были сделать для него что угодно: брали дорого, но работу выполняли на пятерку. Это была знаменитая группа по дабл-кликке «Ленин», данной им за бритые головы. Он давно не связывался с ними, не знал, свободны они сейчас да и живы ли

вообще, о чем с уверенностью никогда нельзя сказать о таких, как они. Заручившись готовностью «Ленина» исполнить некое поручение сегодня-завтра, он и назначил свидание казанскому Владу. В этом городе Серый бывал по делам, впрочем, как почти во всех городах страны, и хорошо его знал. Ребятам была поставлена задача взять в Казани этого человека в определенном месте и времени и в целости доставить в черкизовский санаторий.

Тут же он позвонил Бурышеву, сообщил, что операция состоится в ночь на понедельник, доброволец будет доставлен и положен ему на стол.

— Я боялся, что ты передумашь, — сказал Бурышев, правда, в его голосе не было особого восторга: понятно, что он и страстно желал завершающего акта своих исследований, и панически боялся его.

Итак, утром в понедельник он будет в теле молодого крепкого футболиста, и уже можно назначить на этот день свидание Наталье. Что он и сделал, понимая, что в случае какой-либо ошибки, вполне вероятной в такой многоходовой игре, он может всего лишь отложить встречу, сославшись на внезапное происшествие — смерть далекой тети в городе на Волге или что-то подобное...

Он вспомнил историю о том, как наши военно-космические силы предприняли отчаянную попытку обогнать американцев и в самый последний момент первыми высадиться на Луну. Поскольку создать мощную ракету не удалось, решили, что космонавт полетит на двух ракетах. Выбор пал на Леонова, потому что только он к тому времени имел опыт работы в открытом космосе. Об этом проекте дважды герой Советского Союза рассказывал с содроганием. Его капсула должна была сесть возле лунохода, который тогда уже ползал по Луне. Задачей Алексея Архиповича было оседлать луноход и доехать до второй капсулы, которая прилунится неподалеку, влезть в нее и взлететь.

В принципе, вся эта афера планировалась не на двух, а на трех ракетах, если считать ту, что доставила луноход. Во-первых, не факт, что капсула с героем попадет в заданную точку. Во-вторых, опять же не факт, что взлетная ступень окажется точно на месте. Вот и шел бы наш горячо любимый космонавт по рыхлой луне в неизвестность, глядя на полную землю, сияющую вдали...

Серый был примерно в той же ситуации. Далеко не факт, что операция в Казани пройдет гладко. Неизвестно, что выйдет из «переселения душ». Но свидание с Натальей было все же назначено.

«Долго ты будешь жить без телефона?» — спросила она вечером в субботу.

«Куплю».

«Может быть, у тебя нет денег?»

«Есть».

«Так пойди и купи, долго что ль?»

Серый вспомнил о телефонном искажителе голоса, но беда была в том, что голос Влада ему не был известен. Утром в воскресенье, когда Влад был благополучно захвачен, он попросил ребят, чтобы они дали ему трубку и заставили произнести несколько слов. Включив телефон на громкую связь, Серый попытался настроить искажитель, но на дисплее прибора возникла надпись: голос не распознан, повторите попытку. Было ясно, что ему не хватает чувствительности, чтобы уловить данные. Можно было повторить попытку еще раз, уже записав Влада на диктофон, но для этого надо было этот диктофон купить: заказать или послать за ним кого-то из офиса... Серый решил настроить искажитель приблизительно, по памяти, и тотчас позвонил Наталье.

Давно он не слышал ее голоса. Много раз преодолевал соблазн позвонить, просто помолчать в трубку, чтобы послушать хотя бы ее «алле, вас не слышно, перезвоните», но не делал этого, думая, что она догадается, кто это звонит, или того хуже — такие звонки могут встревожить женщину, которой и так досталось от отечественного рэкета по самую крышу.

Не беда, что у Натальи запишется его секретный номер. После операции, своей «смерти», его, конечно, придется сменить, и причину этой перемены он для Натальи еще придумает. Потом. Он приучил себя решать проблемы быстро, но только по мере их возникновения, хотя вся его жизнь, в принципе, была посвящена некой единой и цельной — «Лунной Программе».

28

Тарас Балашов оказался высоким, худым, сорокалетним. Мяч ему в руки — чистый Влад. По дороге Серый обдумал еще одно предложение этому человеку и во время беседы ждал удобного поворота разговора, чтобы его озвучить. Для начала осторожно задал несколько вопросов, будто интересуясь жизнью Тараса вообще, и выяснил, что он холост и обитает в Измайлово, один в квартире, доставшейся от умерших родителей.

— Не та ли это квартира на первом этаже, в хрущевской пятиэтажке, что вы описали в вашем романе?

— Ну, роман — это слишком громко сказано... Впрочем, да, та самая квартира.

— Знаю я такие квартиры, сам в такой вѣброс. Две смежные комнаты, совмещенный санузел... Дом-то кирпичный?

— Да.

— Мой был блочный.

Они сидели в машине, припаркованной на обочине улицы. Тарас задумчиво курил предложенную ему черную сигариллю и без особого, правда, любопытства пытался выяснить мотивировку своего странного партнера.

— Меня, признаться, очень удивляет ваш интерес к моим произведениям. Это всего лишь запись личных чувств, реальных событий. Я сделал это давно и больше не продолжал карьеры прозаика. И где же вы собираетесь напечатать мою историю?

— Я разве говорил, что буду ее печатать?

Тарас угрюмо осмотрел шапочку пепла, выросшую на сигарилле, и бережно вывел ее за окно. Было ясно, что его беспокоит что-то...

— Тарас Иванович, — сказал Серый. — В чем же проблема? Я покупаю ваши тексты. Разве имеет значение моя цель?

— Как-то похоже на «Портрет» Гоголя.

— Разве?

— Вы не читали?

Серый покачал головой:

— Читал только «Мертвые души» — в школе, а что?

— Там один герой, Чартков, скупал работы художников, и знаете, для чего? Чтобы уничтожить их.

— И что?

— Вы ведь не издатель, как я догадываюсь.

— А кто я?

— Не знаю.

Серый понял, что это и есть самый удобный момент, чтобы ошарашить пользователя неожиданным предложением.

— Тарас Иванович! Я даю вам большие деньги за ваши тексты и за ключ к странице в интернете. Теперь я даю вам деньги в сто раз большие.

Глаза Тараса округлились. Серый невозмутимо продолжал:

— Кроме текстов, хочу купить у вас еще кое-что. На сегодняшний день вашу квартиру можно оценить от силы тысяч в семьдесят. Я предлагаю вам за нее сто.

— Долларов? — непроизвольно вырвалось у Тараса.

Серый засмеялся:

— Кто ж сейчас считает в долларах? Европок.

Тарас сломал меж пальцев сигариллю, обжегся, ойкнул и вышвырнул ее в окно.

— Не знаю вашей игры, но... Мне надо подумать: заманчивое предложение.

— Некогда думать.

— Я боюсь, что это какой-то подвох.

— Нет, увь. Я расскажу вам все начистоту. Ваша проза чувственная, захватывающая. Вы же не могли не заметить, что восторженные отзывы на Прозе-ру писали исключительно женщины. Она действует на них магнетически. Я уверен, что многие из этих читательниц хотели бы повстречать автора.

— Многие, но не одна, — вздохнул Тарас.

— Я вас понимаю.

— Что вы понимаете?

— Думаю, что эта проза не помогла вам вернуть ту, для которой она написана.

— Нет, не помогла.

— Тогда и вы можете меня понять. Дело в том, что я использовал ваши тексты для того, чтобы завоевать женщину.

Тарас, похоже, искренно удивился:

— И это вам удалось?

— Несомненно. Вы можете гордиться своей работой.

Тарас помолчал. Произнес даже с каким-то ехидством:

— Очень рад, что мои усилия не пропали даром. Что ж! Забирайте мою прозу. Можете напечатать ее под своим именем. Пароль простой: первые пять цифр моего телефона. По двадцать евро за рассказы, иные из которых не больше страницы... Это очень даже щедрый гонорар по нашим временам, достойный гонорар. Говорят, в бывшем СССР так хорошо платили. Только одного не могу понять: при чем тут моя квартира? Я, конечно рад был бы переехать в какой-нибудь дом поновее родной хрущобы, но... Просто любопытно.

— А вы не догадываетесь?

— Неужели дело в том, что эта берлога описана в повести? Тьфу! Если вам угодно, можете называть мои заметки романом...

Тарас стал необычайно словоохотливым: так часто бывает с людьми, которым вдруг обломились большие деньги.

— Моя женщина весьма скрупулезна, — сказал Серый. — Очень дотошная женщина. Если заподозрит, что про рябину,

которую видно из окна и прочее написал не я... Плохи будут мои дела.

— Простите за откровенный вопрос, — усмехнувшись, сказал Тарас. — Вы сумасшедший?

— Можно сказать, что да. Сильные чувства делают нас порой безумными. Но истина в другом. Просто-напросто у меня есть деньги. Кстати... — Серый достал заранее приготовленный конверт. — Здесь по двести монет за одну цифру вашего телефона. И вот еще что. Сейчас я отвезу вас домой. Вы соберетесь. Квартира нужна мне немедленно.

— А я куда денусь? — спросил Тарас.

— Отвезу вас на запасную. У меня несколько квартир в городе. Понравится — уступлю ее вам по дешевке. Завтра же оформим документы. Без обмана, — добавил он, заметив, что Тарас поднял бровь.

29

Вечером того же дня Серый сидел в кабинете Бурышева. Машина с Владом уже была на подходе. Охранник санатория был предупрежден и умаслен. Молчание таких мужиков стоит недорого.

Идея купить у писателя квартиру — нечто вроде старого доброго обмена по-советски — пришла к нему внезапно. Просто он подумал, что будущий Тарас должен привести Наталью именно в ту квартиру, которая описана в романе: первый этаж, номер четыре, рябина под окном. Походив сегодня по этому жилищу, Серый понял, что здесь нужен ремонт, хотя бы косметический.

Вскоре, однако, выяснилось, что квартира понадобится для других целей. Влада привезли, выключили и уложили на стол, присоединили к его черепу и запястьям электроды. Бурышев сел за компьютер, защелкал мышью, застучал клавишами.

— Сейчас матрица мозга скопируется в буфер обмена. Это займет довольно много времени, я даже не знаю, чем тебя занять... Может быть, пульку распишем с болваном, как в былые годы?

— Зачем с болваном? — сказал Серый. — «Ленин» в машине сидит, можно позвать его.

— Разве «Ленин» в курсе?

— Не в курсе. Мы же не здесь, не при нем будем карты метать. — Он посмотрел на неподвижное тело Влада, поймав себя на мысли, что ему как-то неловко рядом с ним, будто он только что собственноручно замочил его.

— А что вообще эти ребята знают?

— Да какая тебе разница? Мои ребята. Не задают лишних вопросов. Надо было чувака привезти и уложить, значит — надо.

— Не знаю, как насчет оставить его одного... Первый раз все-таки.

Бурышев вдруг озабоченно оглянулся на блоки аппаратуры, стоящие возле кушетки.

— Что-то не идет процесс, — проговорил он.

Этого еще не хватало! Серый поморщился.

— Надо проверить цепь, — сказал самому себе Бурышев, осмотрел свои ящики и провода, щелкнул по какой-то лампочке...

Серый вдруг понял, почувствовал шестым органом: это неудача, осечка. В его голове немедленно стали выстраиваться планы, запасные варианты.

Так. Влада отвезти в Измайлово... Ключи от квартиры Тараса в кармане, сам Тарас уже несколько часов живет на Соколе — Серый покупал недвижимость в качестве вложения капитала, это было надежнее любого другого способа.

Нет, все же не стоит сейчас везти Влада туда. В какую-нибудь гостиницу? Стремно. Лучше просто домой. Комната в подвале пригодна для жилья. Только надо прогреть. Пока Бурышев возился с аппаратурой, Серый позвонил на свой домашний КПП и распорядился дать энергию на подвал.

— Чего это ты? Какую энергию? — поднял голову Бурышев.

— Не парься. Если эксперимент удастся, то это не важно.

— Боюсь, что он не удастся сегодня.

— Значит, энергия понадобится. Когда?

Серый в упор посмотрел на Бурышева, и тот содрогнулся под этим взглядом, вспомнив, похоже, кто такой Серый и чего можно от него ожидать.

— Боюсь, что... — пролепетал он.

— Да не бойся ты! Конкретно.

— Сутки.

— Хорошо.

Серый вызвал ребят из джипа. Полуживого Влада перетащили в машину. Серый сел в свою и помчался домой. «Ничего, — подумал он. — День-другой у меня есть».

Он вспомнил, что там, рядом с комнатой, стоит кресло. Накрыть его чем-нибудь... Или не надо. Впечатляюще. В глаза вдруг полезли образы тех, кто сидел в этом кресле. Теперь это дважды музейный экспонат: война девяностых тоже канула в историю. Он махнул рукой перед носом, будто отгоняя муху.

Бурышев позвонил среди ночи, он едва ворочал языком. «От усталости», но ясно, что уже принял на душу своего медицинского. Также — от усталости.

Он сказал, что в программе неожиданно обнаружились ошибки. Что всю систему надо переделать. Он не может рисковать жизнью старого друга...

— Сколько надо времени? — перебил Серый.

— Я не могу сказать точно! — воскликнул Бурышев. — Дни какие-то.

В его голосе звучало отчаяние. Понятно. Деньги взял и потратил. Надо отвечать. Серый вдруг подумал: а что, если никакого открытия нет? Все это было блефом с самого начала, просто пьяными речами в туалете... Нет. Бурышев не смог бы отважиться на такую аферу. Будем считать, что мы имеем всего лишь некую отсрочку.

Поначалу в его планы не входило встречаться с Владом. Не хотел видеть это тело, пока оно принадлежит другому. Он будто бы брал это тело в каком-то магазине тел. Испытать его, опробовать. Потом снова вернуть владельцу. Тогда Влад становился будто бы временным держателем тела.

Теперь же планы менялись. Он не сможет долго откладывать встречу с Натальей. Первая заповедь соблазнителя: ни в коем случае нельзя ссылаться на дела. Ничего. Пусть на первое свидание пойдет Влад. Надо только его натаскать. Паспорт умельцам уже заказан. Смушало, как и в случае с телом, что фотографировать придется не новоявленного Тараса Балашова, а самого Влада. В конце концов, если неполадки в аппаратуре затянутся, можно принять самый первый, бредовый план. Сумасшедший. Да. Правильно сказал Тарас. Надо вызвать бригаду ремонтников: пусть наведут марафет и поставят на окна жалюзи. Это уж на самый крайний случай. Если вообще нет никакого переселения душ. Его кулаки непроизвольно сжались. Если этот Бурышев все же решил развести его, как лоха... Ну что ж! Для Бурышева есть антикварное кресло.

По пути на встречу с Владом Серый на секунду помедлил возле этого агрегата. Вошел в камеру и увидел тело во всей его красе. Именно потому, что ему показалось немыслимым посадить своего соратника в кресло, он вдруг ощутил уверенность, что все это правда: эксперимент рано или поздно удастся, стоит лишь и в самом деле устранить неполадки в аппаратуре. А пока будет другой план действий.

Владу надо пошить костюм и сделать паспорт. Не забыть искатель: настроить его точно на голос Влада. Зайти в мастерскую и сделать второй комплект ключей. И позвонить Наталье, когда она обычно просыпается, часов в одиннадцать, моя неотомимая сова...

Все у него получится, и он будет с нею, пусть и в чужом костюме. И вышибет из ее головы эту астрологическую дурь. Когда он узнал, что жена Влада также отравлена астрологией, он ничуть не удивился такому совпадению. Это его просто разозлило. Странного-то не было ничего: в новые времена, когда стало можно, вся эта шушера выползла из тайных дыр, словно заразные тараканы, и произвела глобальную эпидемию среди невинных граждан. Он встречал многих мужчин и женщин, повернутых кто на йоге, кто на колдовстве. Плюнь в произвольную сторону — попадешь в астролога. Профессионала, который занимается собственной галлюцинацией. Червяк поедал, в основном, женщин: они верили во всю эту дрянь искренне и самозабвенно. Мужчины же чаще лукавили, просто делали деньги на червяке.

Сам Серый легко мог разбить астрологию в пух и прах, произнеся лишь несколько слов и нарисовав простенькую схему, поскольку с детства увлекался астрономией и хорошо представлял, что такое Вселенная.

Правда, Наталья была непрошибаема на эту тему. Это и понятно: потерпев полное жизненное фиаско, потеряв профессию, мужа, квартиру, не имея детей, она уцепилась за астрологию, которая, будто по мановению волшебной палочки, возвращала всю ее значимость. Исходя из этой древней науки, люди делились на первых и вторых, третьих и пятнадцатых. Те, которые родились в первом роддоме, как сама Наталья, и были первыми, чего бы они в жизни ни потеряли, а те, которые родились во втором, — вторыми, чего бы они ни достигли. С этой точки зрения он, люберецкий какой-то, был далек от совершенства. Очень незрелая у него была душа, жалкая такая душонка. Да и на славянина он не походил: смуглый и кареглазый... Не будь Наталья наполовину украинкой, то ясное дело: ратовала бы за Россию для русских, но вот с этой графой перешла в стан славян, которые, по ее мнению, были истинными арийцами. Каша варилась в ее голове: видать, вышибли ей мозги омовцы, всё перемешали — и биографию, и личную жизнь, и небеса.

Она имела довольно смутное понятие, что такое звезды и на каком они находятся расстоянии. Созвездий не различала, кроме Большой Медведицы, они были для нее лишь знаками

Зодиака, числами, диаграммами. Она искренне думала, что звезды — это расплавленные шары, вроде как из металла. Она не знала, что существуют галактики, что Солнце находится на краю нашей Галактики, что созвездие Стрельца — в стороне центра, а Льва — в стороне края, что количество звездной материи по направлению Стрельца в миллионы раз больше, чем по направлению Льва, следовательно, Стрелец должен быть многократно «сильнее» Льва, но этого не наблюдается, а значит — никакой астрологии нет.

Что-то такое он даже Владу пытался объяснить, но бросил на полуслове метать этот бисер. В какой-то момент, во время очередного урока с Владом, он вдруг осознал, что цель его уже давно изменилась, только он упорно гонит от себя эту мысль. Теперь ему уже не хотелось носить тело Влада, словно некий костюм из прокатной фирмы. Почему бы не переселиться в него навсегда? Просто Сергей Серый в миру умрет, и на подмостки выйдет статный, загорелый мужчина в расцвете лет: некто Тарас Балашов, правда, видом он будет очень уж смахивать на Влада Синеухова из Казани.

Есть ли о ком жалеть, о чем? Родители умерли, друзей у него давно нет. Останется, правда, соратник Бурышев, единственный на земле, посвященный в его тайну, но с ним можно что-то решить... Впрочем, не нужно: он будет молчать до гроба, сам повязан. С легкой грустью он подумал о своем доме, типа: никогда больше не вернусь в этот дом, собственный, дорогой сердцу дом, переделанный из усадьбы русского помещика, который — как знать? — в этих сводчатых подвалах тоже пытал людей, своих крепостных крестьян...

Мысль умереть, оставшись живым, уйти за кулисы бытия, но все же видеть, что происходит на сцене, отозвалась замиранием в груди, будто в предчувствии какого-то немыслимого счастья. Кому, когда могло бы удалиться такое... Просто прожить жизнь заново, сообразив себе индивидуальный, отдельно взятый рай.

Это решение было принято не только из-за Натальи. Решение тяжелое. Он должен пойти на предательство двух своих компаньонов — равноправного и младшего. Пусть будет так. Мировой экономический кризис нарастает, и неизвестно, что ждет нас всех дальше. Он предлагал им временно остановиться и прикрыть фирму. Оба ни в какую не соглашались, меж тем как капитал таял с каждым днем. Ну что ж! Он сохранит пусть оставшуюся его часть, пусть только для себя, но не даст ей пропасть. И никого он не предаст, ибо как может предать мертвый?

По законам девяностых, смерть списывала любые мыслимые грехи. И немислимые тоже, подумал он, ясно представив лабораторию Бурышева и его аппаратуру. Компаньоны, хоть и не жили уже по этим законам, но хорошо помнили о них.

— Меня шантажируют, Петенька, — сказал он младшему.

— Кто? По какому поводу? — возмутился компаньон. — Да мы их... Что же ты мне раньше не сказал?

— Это голос из далекого, очень далекого прошлого, — сказал Серый. — Очень сильный голос. Я тебе потом расскажу.

Этого было достаточно. *Потом* Петенька вспомнит этот разговор.

Все деньги фирмы были записаны на его имя — как его личный счет. Компаньоны безоговорочно доверяли друг другу. Это было их ошибкой. Серый заехал в отделение небольшого неприметного банка и открыл там счет по фиктивному паспорту, на одно из своих запасных имен. Все люди, которые знали о существовании этого паспорта, были давно мертвы. Версия будет такой: он испугался, до сих пор бесстрашный и злой, растаял, словно кисель, заплатил из общака выкуп неведомым шантажистам и умер, не вынеся собственного позора.

Возможно, о его смерти напишет какая-нибудь газета, прошепелестит интернет. Вероятность того, что банковская девушка читает и смотрит, была ничтожно мала, да и если увидит, то что? Позвонит в редакцию и скажет, что человек, который покончил с собой под именем Орлова Сергея, открыл в банке счет на другое имя и обналичил крупную сумму?

Накануне решающего события он решил почистить интернет...

Это был один из тех странных моментов судьбы, когда все решает простая рекомбинация клавиш. С прежней жизнью было покончено навсегда — какой смысл проверять почтовый ящик трупа? Тем не менее удалить все ящики, принадлежащие конкретно Сергею Орлову, имело смысл: ведь Сергей Орлов будет завтра найден мертвым в своем коттедже, с предсмертной запиской, с дыркой в вене, с одноразовым шприцом, судорожно сжатым заостренными пальцами. Бррр!

Вполне логично, если отчаявшийся удалил свои ресурсы из сети. Выбыл, так сказать. Серый пощелкал клавишами и вычеркнул из реальности все три свои ящика: личный, деловой и секретный. «Согласны ли вы удалить почтовый ящик такой-то и всю содержащуюся в нем корреспонденцию?» — трижды отметил и подтвердил этот отчаянный вопрос.

Но как быть с четвертым ящиком, с тем, который он нынешней весной сгенерировал сам, который принадлежал якобы Тарасу Балашову, но с фотографией Влада Синеухова? Также бы удалить... Серый вызвал из закладок его адрес и обомлел. В ящике висело одно-единственное непрочитанное письмо: оно было получено через форму Прозы-ру. Адресовано Тарасу Балашову. Написано Натальей Петровой. Вчерашней ночью.

Серый не сразу открыл его. Станным казался ему сам факт существования этого письма, будто бы перед ним был какой-то подлог, чья-то странная игра... С какой стати Наталье писать через форму, когда уже выяснилось, что Тарас Балашов — не тот, за кого себя выдает, что настоящий Тарас лишь однажды огрызнулся, когда Наталья по ошибке написала ему, что этот истинный Тарас вообще не имеет к ней никакого отношения?

Серый читал письмо, постепенно мрачняя. Оно было длинным. Оно перевернуло все его планы на сегодняшний день да и на жизнь вообще.

Выходит, что этот самый Влад совершенно уже не нужен. Хорош бы он был, если бы явился к Наталье в его образе. «Этот ничтожный человек, жалкая копия, тупица, тем только и славный, что имеет смазливое личико и круглые бицепсы...»

И так далее. Выходит, главное, что очаровало Наталью в отношениях с виртуалом, была проза Тараса Балашова, эти пронзительные и сентиментальные словечки, все эти кальмарные выдумки, по которым он с Владом проводил самый серьезный экзамен. Без них бессмертный подвиг покорителя пространства бессмыслен. Ну и что — решил в одиночку объехать Байкал? Потерпел фиаско, валялся в госпитале, натянул личину другого человека, истинного героя. А герой тем временем преспокойно сидел в Москве. Он и забыл, что несколько лет назад увлекся литературой и написал полсотни душещипательных рассказов.

Вот, оказывается, в чей образ была влюблена его Наталья: не в мускулистого велосипедиста, пишущего, впрочем, довольно умные и нежные письма, а в настоящего, истинного, того, кто кромсал реальность не смазанным вихрем кроссовок, а частой дробью пальцев по клавиатуре.

Он перечитал письмо трижды. Красиво писала его литературная возлюбленная. Про какие-то поломанные монеты в морском прибое, правда, не ясно, где она их видела? Ну, да ладно. Ответить ей немедленно было бы ошибкой, но действовать надо срочно и решительно.

Он позвонил Тарасу. Тот был изумлен его предложением:

— Какая доплата? Вы что же — честный бизнесмен?

— Все, кто играет по-крупному, играют по-честному, — сказал Серый.

— Вы филантроп, меценат?

— Так точно. Мне не нравится, что вы вынуждены работать практически за еду. Вы — талант. Вы должны писать, — на этом месте Серый и сам удивился, что повернул разговор именно в этот тупик.

— И что же вы предлагаете?

— Я хочу дать вам своего рода грант. Давайте встретимся и все обсудим. На том же месте и в то же время, что и в прошлый раз, идет?

Тарас согласился. Он и вправду верил в то, что на свете существуют бандиты, желающие поддержать бедных художников слова.

Дальнейшее было делом техники. Он позвонил ребятам, позвонил Бурышеву. С этого момента будто включился таймер и заработал обратный отсчет...

Когда они уже сидели в машине, отправляясь в этот странный, последний для них обоих путь, Серый вспомнил о позорном провале Влада и спросил:

— Послушай, Тарас! Что это за кальмар у тебя там занимался любовью с твоей девушкой?

— Это все фантазия. Не было никакой девушки. Никакого кальмара.

— И все же?

— Я исключил три новеллы из своей подборки. Теперь уже давно твоей. А эти три — пусть так и останутся моими. — «Писатель» поднял голову, весело глянул на Серого. — Хочешь и их приобрести?

— Когда же ты успел исключить?

— Да незадолго до того, как продал вам свое писево.

Серый понял природу ошибки: он не сразу прочитал все новеллы Тараса. Когда давал ссылку Наталье, этот пресловутый кальмар еще был, когда же купил всю эту прозу оптом, автор уже успел удалить новеллы. Он подумал, что подобное может повториться, когда он уже будет, — Серый покосился на сидящего рядом Тараса, — в этом достаточно молодом и крепком теле.

— Ты только эти три новеллы удалил?

— Да, только их. Сон героя о кальмаре. Впрочем, открою тебе секрет. Эти новеллы ты тоже можешь взять, плюс еще штук

пятьдесят, удаленных ранее. Моя книга в два раза больше той, что вывешена на Прозе-ру.

— Как это? Ты их пришлешь? — Серый знал, что Тарас уже ничего не сможет ему прислать.

— Ты просто полазай там по сайту. Удаленные находятся в специальной папке. Ты как владелец пароля можешь их увидеть. Другие — нет. Да и я тоже, поскольку ты сменил пароль.

Тарас обращался к нему теперь на «ты», как-то незаметно и буднично сменив стиль. Серого это немного злило. Ничего, подумал он, фамильярничать тебе осталось какие-то считанные минуты.

Серый зажмурился, прервав накат ленты проспекта над капотом машины, отчетливо представил вдруг собственные похороны... На поминки придут уважаемые люди со всей страны, имея в виду не Россию, а бывший СССР. Не для того, чтобы почтить память усопшего, но чтобы убедиться: убит действительно он. И они убедятся — да! Он будет лежать в гробу из красного дерева. Именно он, до последней своей бородавки. Лишь где-то в толпе, неприметный, с букетиком дешевых гвоздик появится и исчезнет мужчина в расцвете лет: некто Тарас Балашов, статный и загорелый, но ничуть не похожий на Влада Синеухова из Казани.

31

Серый думал, что это будет выглядеть так, будто бы он заснул и проснулся: заснул в себе, а проснулся — в Тарасе. Так и Бурышев предполагал.

Все оказалось иначе, и немудрено, ведь это был первый в истории эксперимент, и никто, даже сам подколотый гений, не знал его деталей.

Серый очнулся нигде. Это была тьма, будто в катакомбах. Когда-то в юности, в то лето, когда он поступил в институт связи, который, впрочем, не окончил, отец премировал его поездкой к морю, в Одессу, и он был на экскурсии в катакомбах, и экскурсовод предложил посмотреть, как будет выглядеть настоящая тьма, и все погасили свечи...

И теперь была тьма. Истинная тьма, как в катакомбах. И тишина. Глубокая тишина, каменная, да, именно какая-то каменная, будто его залили бетоном, и во все стороны простирается глухой цементный камень.

И еще. Казалось, будто закончилось само время. Будто бы больше нет никакого движения реальности, потому что никогда не произойдет никаких событий...

Свет. Серый двинулся в сторону света, одновременно осознав, что может перемещаться в своем новом пространстве. Это казалось домом с узкими продолговатыми окнами. Нет, это глаза. Его несло к какому-то чудовищу, чьи огромные глаза светились впереди. Он не чувствовал ни рук, ни ног, но будто бы упирался руками и ногами во что-то, пытаясь препятствовать этому движению, пока не понял, что оно неизбежно.

Глаза приближались, страшные, кровавые, с красными капиллярами, и вдруг он понял, что они вовсе не огромные, а это он сам маленький, и видит он эти глаза изнутри. Так вот в чем дело... Еще мгновение, и он плюхнулся в эти глаза, будто надев на лицо маску, и в руки влез, как в перчатки, и в ноги, как в охотничьи сапоги.

Он очнулся. Прямо над ним стоял человек в белом халате. Спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Это... — пробормотал Серый, с трудом овладевая чужими губами. — Я уже в нем?

Лекарь говорил голосом Бурышева, но Серый не узнавал его. Бурышев усмехнулся и достал из кармашка халата круглое зеркальце. В желтом кольце был Тарас Балашов с перекошенным, как от инсульта, лицом, узнанный лишь по кокетливой ямочке на подбородке.

— А он где? — спросил Серый.

— Там, — Бурышев указал зеркальцем в сторону, где стоял стол и большой черный компьютер. — Он там! — доктор подошел к столу и постучал ладошкой по корпусу компьютера.

Серый приподнялся на локтях того, кто сидел в этом ящике, все же чувствуя, что эти массивные руки наливаются им самим.

— И надолго он там?

— Откуда мне знать? Я могу его просто «делит» — удалить. Но это будет убийство.

— Ну-ну.

— Что «ну-ну»? Удалить? Мне не хотелось бы.

— Не удаляй.

— Правильное решение. Он мне пригодится для экспериментов. Правда, еще не знаю каких.

В голове шумело, казалось, что там вращается точно подогнанный под кость черепа, гладкий пластиковый шар. Будто планета, горячая, как солнце, и оранжевая, как апельсин.

Впрочем, это движение прошло, когда он увидел свое тело со стороны: жизнь, полная героизма и предательства, милосердия

и насилия, благородства и лжи, — теперь лежала перед ним в образе пятифутового трупа. Или нет? Он пригляделся...

— Что такое? — чуть ли не с ужасом воскликнул Серый. — Он дышит!

— Он живой, — невозмутимо ответил Бурышев. — Без разума, но кровообращение и прочее в порядке. А теперь отвернись. Я должен сделать ему инъекцию. Несколько кубиков воздуха в вену. Потом отвезем его и положим у тебя в берлоге...

— Я сам, — сказал Серый и попытался встать.

Его качнуло, он схватился за край кушетки и упал на пол. Прошептал:

— Что-то не то...

— Я все сделаю, — сказал Бурышев, помогая ему вновь встать на ложе своего второго рождения.

— У меня отнялись ноги! Я их не чувствую совсем, — с отчаянием воскликнул Тарас-Серый.

— У одной крысы такое было... — задумчиво проговорил Бурышев.

— И что с крысой?

— Она не умерла, — уклончиво ответил он.

— Она выздоровела? Совсем?

— Да. Но ей пришлось для этого немного полежать в реанимации.

— Отменно! — сказал Серый, чувствуя, как в голове снова кружится шар.

— Я все сделаю сам. Отвезу тело. И укол, пожалуй, сделать надо будет уже там. Трупное окоченение, понимаешь ли...

Это было последнее, что он слышал, всем своим существом утягиваясь в этот вращающийся огненный шар.

32

В квартире на Соколе Серый очнулся уже окончательно, впервые за последние дни оставшись один. Он долго стоял перед зеркалом и рассматривал настоящего Тараса Балашова. Перед ним было другое лицо. Он не мог этого объяснить, но Тарас в зеркале, был не совсем тот Тарас, которого он видел раньше.

Оказывается, то, что мы видим, вообще — иллюзия, обман. Каждый человек видит мир по-своему. Бурышев был теперь немного другим, да и все лица, которые он знал, — тоже. Включив телевизор, он обнаружил другого президента страны, других певцов, хотя имена у них были те же самые. Странно, что он не

подумал тогда о Наталье, о том, что и она — цель всей этой операции — могла также выглядеть иначе в глазах этого нового человека...

Просто он был увлечен своими ощущениями, изучением самого себя. Не Влад, конечно, не футболист. Крепкие ноги: он на самом деле дружил с велосипедом. Лицо не смазливое, но мужественное и умное. Длинные музыкальные пальцы. Серому вдруг пришла в голову странная мысль. Он откинул крышку пианино, доставшегося от прошлых жильцов, и просто забарабанил пальцами по клавишам. Получилась какая-то стройная мелодия. Интересно, что еще унаследовало это тело?

Медлить больше было нельзя. Влад уже наверняка узнал о его смерти. В этот самый момент он уже мог волоочь Наталью в Измайлово, чтобы уверенно и спокойно, безо всяких там жалюзи...

Серый раскрыл компьютер и ответил на запрос Натальи, посланный через форму позавчера.

«Простите, что отозвался не сразу: был в отъезде. Вы вполне доходчиво объяснили произошедшее между нами недоразумение. Мне крайне неловко за грубость, которую я допустил к Вам, и я испытываю непреодолимое желание загладить свою вину. Например, бокалом хорошего вина в хорошем ресторане в самое хорошее (удобное для Вас) время. Не обращайтесь внимания на каламбур: оно само собой получилось. Что касается моей прозы... Вы меня просто в краску вгоняете. Неужели Вам, профессионалу, есть что о ней сказать? Так скажите же! Я в нетерпении жду.

Искренне Ваш и с глубоким почтением,
Тарас Балашов».

Вечером пришел ответ:

«Вы не представляете, Тарас, с кем я сейчас сижу в кафе. С тем самым Вашим тезкой! Хочется улизнуть, да неудобно как-то».

Серый отписал:

«Да бросьте Вы его, если он Вам так не нравится!»

Они переписывались весь вечер, пересекаясь, отвечая невпопад не на те письма, просто взхлеб. Серый снял себя в новом облике мобильной камерой на вытянутой руке, как Волк из «Ну погоди!», и послал ей фото. Наталья сказала, что не может его посмотреть сейчас, но тут же поедет домой и посмотрит.

Ждать пришлось около часа. Наталья написала:

«А вы мне нравитесь! У Вас умное, доброе, пронизательное лицо. Теперь все встало на свои места. Именно таковым я и

представляла автора столь сильных, тонких рассказов. Я уже дома».

Серый сбросил ей свой мобильный и домашний. Наталья позвонила минут через десять, по домашнему. Они говорили чуть ли не всю ночь. Серый был на пределе осторожности, даже делал в ходе разговора пометки в распахнутом блокноте, как на совещании. Голос Натальи был звонким и счастливым. Знала бы она, с кем сейчас болтает и с кем договорилась встретиться завтра.

33

Серый выехал из дома, испытывая, впервые за множество лет, упоительное чувство безопасности. Это просто ехал какой-то человек на какой-то машине. Жил он в какой-то квартире, имеющей весьма отдаленную связь с Орловым Сергеем Васильевичем, по прозвищу Серый, который два дня назад покончил с собой.

Дел на сегодня было по горло, включая завершающий этап — встречу с женщиной, которую он любил всю жизнь. Заказать билеты можно было бы и интернетом, но тогда ему будет нечего вручить Владу.

Он взял билеты до Казани на ночной рейс, воспользовавшись настоящим паспортом Влада. Билеты, паспорт и деньги сложил в пакет, подбросил пакет на руке: весьма увесисто, как и сумма, которой он решил отблагодарить футболиста.

Домчался до Измайлова. Влад не реагировал на звонок в дверь, тогда Серый отомкнул своим ключом.

— Простите, — сказал он. — Меня предупредили, что вы можете и не открыть, поэтому дали ключ.

Серый просидел в машине, ожидая, пока Влад, уже переодевшись в дорогу, выйдет из дому: хотел убедиться, что с ним ничего не произойдет и он благополучно отбудет в Казань. Его немного беспокоило, что тот пожелает завернуть к Наталье перед отбытием в небытие, либо и того хуже — передумает лететь и захочет остаться со своим чудесным капиталом в Москве.

Этого не произошло, слава Богу. Через час с небольшим довольно нервного ожидания он увидел, как Влад вышел из дома, огляделся и быстро кинул что-то в кусты. Ключи от квартиры, с облегчением подумал Серый.

Затем его подопечный завернул в магазин и вышел с небольшим пакетом. Понятно: еда в дорогу. Еще не привык к своим новым возможностям, думает о высоких ценах в аэропорту.

Остановившись прямо у ступеней магазина, Влад достал из пакета бутылку коньяку, свернул пробку и сделал несколько глотков. А ты, брат, оказывается, алкаш!

Вышел на дорогу и поймал машину. По движению его губ Серый прочитал: «В аэропорт Домодедово». Все равно двинул за ним: через Измайловский парк по Главной аллее, затем — по шоссе Энтузиастов и Третьему кольцу, и оставил их только на Люблинской, когда уже стало ясно, что машина на самом деле движется в аэропорт. Кольцом и вернулся к себе на Сокол. Теперь квартира, которую он продал Тарасу Балашову, вновь принадлежала ему, и жил в ней, как и надо, Тарас Балашов.

Времени оставалось только, чтобы принять легкий душ и переодеться. Они уговорились встретиться на перекрестке, неподалеку от ее дома. Серый припарковал машину, едва втиснувшись между «Ауди» и стареньким «Фордом», который все же блистал новыми шинами. Открыв заднюю дверь, бережно взял с сиденья огромный букет роз.

Он чуть задержался в пробке. Наталья уже стояла у киоска, посматривая вдоль улицы в сторону метро, наивно полагая, что ее поклонник придет пешком.

Он подошел, выглянул из-за ее спины и сразу протянул букет. Узнал он любовь всей своей жизни, скорее, интуитивно или даже чисто логически: женщина средних лет, стоящая в этой точке пространства, в этот час... Он даже вздрогнул, увидев это лицо.

Другая. Не хуже и не лучше. Только — другая женщина.

Они сидели в ресторане, пили инкерманское, Серый не выдержал и взял потом нормального вина. Он уже давно привык к образу жизни, который простые люди называют «шикарным».

Сбылось все, чего он ожидал от этого вечера, как бы наблюдая со стороны первое свидание некоего мужчины и некой женщины, которые, допустим, познакомились по переписке. В какой-то момент он чуть было не прокололся, назвавшись владельцем автомастерских, именно вспомнив Влада. Но говорить о железнодорожных перевозках было бы еще глупее: тогда бы он вляпался в покойного Сергея Орлова, в самого себя.

Она исчезла за стеклянной дверью своего дома, бросив в его сторону воздушный поцелуй. Серый отъехал квартал и остановил машину. Почему-то его разобрал смех. Он смеялся, колотя ладонями по рулю, заглядывая в зеркальце заднего вида, где маячила умная физиономия Тараса Балашова, и смех разбирал

его снова и снова. Вспомнилась гоголевская фраза: «Чему смеетесь? *Над собой* смеетесь!»

Он и сам не мог понять, над чем и почему смеется: это было, скорее, просто неуправляемое выражение радости и счастья, потому что не раз за этот вечер, в каких-то особых поворотах лица и мимолетном свете он все же видел в этом новом образе ее — девчонку с двумя светлыми косичками цвета и сияния спелой луны. И время вдруг схлопнулось от и до, в один миг, будто бы не было всех этих трудных лет, взлетов и падений, красного и черного, чужой крови и собственной пустоты.

34

На следующий вечер было второе свидание. Серый ожидал от Натальи какого-то особенного, неординарного поступка, но то, что она на самом деле выкинула, было более чем сюрпризом. Предложила ему поехать в Казань и встретиться с Владом.

Отказать он не мог: слишком хорошо ее знал. Наталья бы сразу отодвинула его, если не задвинула вообще. Все, что он мог в этой ситуации, это горячо поддержать решительную и бесстрашную, приняв ее сторону.

За ужином в одной из лучших гостиниц Казани, где Серый останавливался и раньше, он сыпанул ей в бокал снотворного. Вряд ли Наталья захотела бы среди ночи прийти к нему в гости, но предосторожность не повредит.

С Владом он применил способ, уже испытанный на Тарасе Балашове: позвонил ему и сказал, что по воле покойного ему причитается еще большее вознаграждение.

— Я тот, кто приходил к вам в Москве, принес билет и деньги. Вы правильно догадались тогда, что я исполняю волю покойного. Найдено завещание, и ваше имя туда включено. Это дополнительное вознаграждение. Я адвокат, — добавил Серый почувствовав сомнительное молчание Влада. — Меня зовут... — он назвал имя известного в Москве человека. — Можете пробить меня интернетом.

— Но почему среди ночи? — спросил Влад, полагая — и надо заметить — вполне справедливо, что его хотят убить.

Вернувшись в гостиницу, Серый приложил ухо к номеру Натальи. Тишина. Утром она встала, разумеется, с больной головой, что было, увы, неизбежным последствием действия берли-дорма.

Пистолет он выбросил сразу, зашвырнул из окна машины в Верхний Кабан, проезжая по улице вплотную к воде, о чем по-

началу пожалел, но, когда жена Влада пригрозила вызвать полицию, это чувство покинуло его. Он и так рисковал: машину по дороге могли остановить и обыскать в качестве профилактического контроля, чего не сделали по пути туда, но все же сделали на въезде в столицу: этой трассой обычно возили наркоту.

Когда Наталья позвала среди ночи к себе, Серый сидел возле ее постели и держал руку спящей, все еще продолжая сочинять сказку о себе и о ней. В этой сказке герой совершал подвиги, становился богатым и властным, возвращался к возлюбленной принцессе в новом качестве, но она снова и снова отвергала его. Сейчас, в этой ночи, он мог спокойно и властно осуществить свою мечту. Он прикоснулся к щеке спящей женщины, тронул ее упругую бородавку, похожую на жемчужный пирсинг, осторожно провел пальцем от виска до плеча. Наталья мурлыкнула и улыбнулась во сне.

Он вспомнил свою изначальную идею: хлопнуть в ладоши, зажечь свет... Это было бы просто самое обычное насилие. С таким же успехом он мог и десять лет назад, и пятнадцать — послать ребят, скрутить ее, доставить в свой антикварный подвал. Пусть и насилие, но это была бы Наталья — Наталья глазами его самого, Орлова Сергея, а не вовсе другая женщина, в мире другого человека. Сейчас же есть то, что есть: он — это именно другой человек, и распростерта перед ним — другая. Наталья новой жизни. Пусть будет так. Пусть будет теперь она. Только не сейчас, не в этой ситуации. Он не хотел пользоваться ее страхом: пусть она сама примет серьезное и глубоко обдуманное решение. Времени у них еще много — теперь целая жизнь. Так он думал у ее постели и даже не представлял, насколько ошибочными могут быть его мысли.

Позже, когда весь событийный круг завершился, он не раз вспоминал эту ночь, когда Наталья была на расстоянии вытянутой руки, фактически — полностью в его руках...

Развязка наступила гораздо скорее, чем он думал, и совершенно неожиданная для него. Наталья потребовала отвезти ее в Измайлово. Сама не знала, чего хочет, но Серый просчитал, что она рано или поздно найдет тот самый дом. И увидит надпись на стене.

Он вдруг понял, что все упирается в эти злосчастные буквы, которые там действительно были: он проверил, когда Влад обратил на это его внимание. Но они уже ехали. Вот будет весело, если они вместе обнаружат эту надпись...

Серый выжал сцепление. Машина сбросила скорость, он вырулил на обочину. Он газовал, как могло показаться со стороны — тщетно: машина не двигалась с места.

— Что-то с моей красавицей не то, — сказал он и вышел, беспомощно улыбнувшись Наталье.

Открыв капот, он нагнулся и сбросил с аккумулятора клемму. Захлопнул крышку.

— Так, — сказал Серый. — Придется вызывать эвакуатор.

Наталья отправилась на поиски одна. Едва «шестерка» частного, которую она остановила, скрылась из виду, Серый поставил клемму на место. Наталья могла заметить его, поэтому он помчался в объезд, через Ивановское.

Надпись не поддавшись. Он яростно тер кирпич ветошью, промокнув ее в бензине, добытом из собственной машины, проклиная себя за то, что пролетел мимо хозяйственного магазина, а ведь мог купить более едкий растворитель на ацетоне. Весь обрызгался и пропах бензином, когда сливал его из шланга в банку. Буква «Д» по-прежнему свешивала свои ножки со строки... Вдруг за кустами замелькало сиреневое: Наталья шагала по двору. Серый метнулся за угол. Как она нашла столь быстро? Может быть, просто начала с конца, сразу приехав сюда, на девятнадцатую? Он успел бросить последний взгляд на свою работу. Надпись в принципе была неразборчива. Правда, на кирпичках осталось темное, быстро испаряющееся на жаре пятно.

Стоя за углом с этой вонючей тряпкой, сам изрядно вонючий, Серый чувствовал себя каким-то нашкодившим школьником... А если Наталья заглянет за угол? Так и случилось, едва он подумал об этом.

Потом они сидели в кафе. Тарас-Серый на ходу придумывал историю, почему оказался здесь, но история не вязалась. Пусть был туманный намек на какое-то колдовство, с Натальей это должно пройти, ведь она верит во всю эту ерунду, пусть он сказал, что о колдовстве расскажет потом, подробно, но сейчас не готов, но главная неувязка была в том, почему у первого Тараса был паспорт с пропиской в этой квартире?

В какой-то момент своей торопливой отчаянной болтовни он увидел, что Наталья вовсе не слушает его. Она сидела, обхватив щеки ладонями, и сама пустилась в размышления. Серый замолчал.

Он понимал, что пронес какую-то чушь, в которой сам уже запутался. Вот Тарас Балашов, писатель, чье тело он носил, как

новый костюм, наверняка бы придумал какой-нибудь правдоподобный сюжет.

— О чем задумалась моя королева? — спросил он.

— О любви, — коротко ответила Наталья.

И тут она все рассказала ему. Она рассказала, что всю свою жизнь любила одного человека. Именно его — Серого, чей труп уже уложили в землю. Кого уже не вернуть — никак. Сколько же он нагородил всего: сколько потратил энергии, денег, убил двоих... Или троих, если считать свое собственное тело. Это, впрочем, не так важно. Главное, что признаться ей он в этом не может.

И в голове его вновь закрутилась огненная планета-апельсин. Безумие. Оно вдруг прорвалось из внутреннего мира во внешний. Он расхохотался столь громко, что прохожие, идущие мимо их столика, оглянулись. Встал, хохоча, попятился, прошел несколько шагов, крикнул ей:

— Тарас из четвертой квартиры дурак!

Сам не понимая, что делает, вдруг оттопырил уши и высунул язык, поднял руки вверх и помахал ладонями с блаженной улыбкой, но тут, в зеркале за стойкой кафе, увидел себя, машущего ладонями, словно арлекин, и бросил руки на бедра, будто вообще отшвырнул их.

Все кончено. Все. Ничего больше не будет. Остается только сделать с этим телом то же самое, что и с тем. Он повернулся и пошел, не оглядываясь, уже больше не видя ее — ни Наталью новой жизни, ни девочку с двумя светлыми косичками цвета и сияния спелой луны. Наткнулся на свою машину за кустами акации, едва узнав ее. Она отозвалась знакомым писком. Значит, его. Сел и рванул ее с места, так, что резина закрутилась на этом месте, визжа. Ехал неведомо куда. Щелковское шоссе. Зачем-то свернул на Кольцевую. Понесся по ней, в левом ряду, до пола выжав газ. Стрелка спидометра перевалила за двести. Вот так он и будет нестись, по кольцу бесконечно, пока не слетит с трассы и не найдет свою смерть в жухлой траве, в кривом дереве, в бетонном столбе.

Схлопнулось время. Закончилась история мальчишки с рабочей окраины, которого столь долго вела через жизнь его первая любовь.

35

Серый сидел на балконе отеля, перед ним ультрамариновой стеной стоял океан. Станным ему казалось, что и в этой новой жизни с ним множество тех же самых вещей, что были в России, —

вот эти шорты, и майка, и тот же самый ноутбук, который, впрочем, давно пора заменить.

Для интернета было абсолютно безразлично, в какой части мировой паутины сидит муха. Он открыл ящик, куда не заглядывал уже несколько месяцев, ящик на Рамблере, с которого он писал Наталье, когда стал Тарасом Балашовым, теперь уж — навсегда. Где-то под снегом России гниют его бранные кости. Где-то в сетях частного института живет разум изначального Тараса. Где-то здесь, в столице архипелага, стоит сервер-анонимайзер, который принимает письма со всего мира и обезличивает их. Мог ли он подумать каких-нибудь полгода назад, отправляя Наталье первое письмо под личиной Тараса Балашова, именно через эти Сейшельские острова, что будет сидеть тут в отеле, в этом молодом крепком теле... Куда дальше? Для человека с деньгами и ясной головой место найдется везде. Можно купить небольшую виллу на этом берегу, пусть остров Маэ станет его резиденцией. Открыть какой-то бизнес, поскольку невозможно сидеть без дела. Например, он всегда мечтал строить яхты...

Серый лениво лазал по сети, набрал в поисковике «yacht», рассмотрел несколько моделей. Вышел на Прозу-ру, поставил на поиск «тарас балашов». На его странице не было никаких изменений, лишь появились новые отзывы, и читателей, разумеется, прибавило: теперь их количество перевалило за семь тысяч. Он ждал другого. Ведь где-то в недрах мощных компьютеров сидит освобожденный разум Тараса. Вполне возможно, что он выйдет в сеть и продолжит свое сентиментальное повествование...

Убедившись в том, что этого до сих пор не произошло, Серый прошелкал сеть далее: посмотрел странички Натальи на Байте и ФБуксе, увидел, что вчера после полуночи по московскому времени она поговорила с тем-то, ее пригласили туда-то... Пора бы прекратить эту слежку, теперь уж совершенно бесполезную. Он удалил закладки, через которые выходил на ее страницы. Все это больше не нужно, не понадобится уже никогда, особенно ящик, где все еще красовалось веселое лицо Влада, человека, которому просто не повезло. Человека с футбольным мячом, вратаря и мечтателя. Ладно. Нечего тебе было по сети шататься, от живой жены.

Серый, теперь уже Тарас Балашов до конца своих дней, пока еще гражданин России, но житель Вселенной по сути, выбрал опцию «удалить ящик». В тот момент, когда он ударил по кла-

више ENTER, будто во всей его прошлой жизни раздался щелчок... «Согласны ли вы удалить?» Да, согласен. Удалить навсегда всю свою прошлую жизнь этим победоносным жестом.

Я мыслю, я существую, я есть. Миллионы окон распахнуты передо мной. Миллионы лиц, дважды миллионы глаз, машущих ресницами. Мысли и чувства этих людей. Их тайны, их письма и дневники. Я общаюсь с тысячами девушек, и они любят меня, думая, что когда-нибудь встретят живьем. Я демон сети, я забыл свое имя, теперь у меня много имен, как у древнего божества. Иногда я хулиганю и шалю. Я могу разбушеваться, как Фантомас, и люди получают сотни тысяч писем с просьбой о помощи или признанием в любви. Мой английский, конечно, желает лучшего... Когда-то мне казалось, что все это смерть — и я умер. Теперь я знаю, что все совершенно наоборот. Я — родился.

Павел АМНУЭЛЬ
**«Я ВОШЕЛ
В ЭТУ РЕКУ...»**

1а.

2043. Вадим Бердышев. Нобелевская лекция.

Уважаемые члены Шведской академии, Ваши Величества, леди и джентльмены.

С некоторых пор каждый новый лауреат пишет не один, а, по крайней мере, несколько вариантов своей нобелевской лекции. Это было необычно еще несколько лет назад и выглядело бы слишком экстравагантно в 2023 году, когда первый, в значительной мере спонтанный эксперимент открыл новую эпоху в развитии квантовой физики, в частности, и человеческой цивилизации, в целом. Говорю это без ложной скромности, поскольку уверен, что сделанное мной, то, за что мне присуждена премия, — результат, далеко не однозначно связанный с моей особой, и я убежден, что сейчас — надеюсь, присутствующие это понимают — свои нобелевские лекции читают другие ученые, получившие ее с той же формулировкой, теми же почестями и тем же ощущением почти бесконечной сложности мироздания, какое испытал я, узнав о решении Нобелевского комитета.

В мире науки принято писать статьи и лекции так, чтобы они имели по возможности завершенный вид; в них не остается никаких следов от тупиков, в которые мы попадали по дороге к цели, никаких намеков на ошибочные идеи, с которых мы начинали путь. Физику или другому ученому просто негде бывает рассказать о том, что было проделано, прежде чем получен тот или иной результат. Поскольку присуждение премии — факт сугубо персональный, я решил, что в данной ситуации меня можно извинить, если я расскажу о моих личных взаимоотношениях не только с квантовой физикой. Второй причиной, возможно, даже более значимой, по которой я включил в лекцию некоторые эпизоды из своей жизни, — это тот печальный факт, что в течение последних недель мои личные обстоятельства столь часто становились предметом обсуждения в средствах информации, что я вынужден изложить истинную историю, как она сохранилась в моей памяти. Полагаю, что аудитория, успешная, надеюсь, привыкнуть к мысли о многовариантности интерпретаций, примет мой рассказ не как утверждение единственной истины, а как одну из альтернативных возможностей, имевшую место в корневой ветви множества реальностей, в одной из которых я имею честь стоять на этой трибуне,

читать эту лекцию и получать положенную мне долю славы и уважения.

Еще в университетские годы я провел серию наблюдений, считающихся сейчас классическими, а в те годы казавшихся мне курьезом, для объяснения которого нужна не квантовая физика, а психология.

Явление, о котором идет речь и которое в конце концов привело меня на эту кафедру, известно всем. Каждый из присутствующих встречался с этим явлением много раз, и парадокс заключается в том, что никому не приходило в голову свои наблюдения систематизировать и провести серию контрольных экспериментов, используя для их обработки стандартный математический аппарат, который изучают на первых курсах физических факультетов.

Внезапно исчезает предмет, недавно лежавший на видном месте. Или появляется предмет, который вроде бы на этом месте еще недавно не находился. Сколько раз вы смотрели на стол, где только что лежали очки, книга или лист бумаги, и думали: «Куда я это положил, никак не припомню, что-то с памятью моей стало...» Вы начинали искать пропажу, не находили, приписывали исчезновение собственной забывчивости и прекращали поиски в надежде, что предмет найдется — ведь куда-то вы его по забывчивости положили! И действительно, чаще всего пропажа обнаруживалась через час, день, неделю, а порой даже через месяцы, причем во многих случаях на том же месте, где лежала прежде, — к полному вашему удивлению, поскольку уж это место вы в свое время обследовали тщательно и никаких следов пропавшего предмета не обнаружили.

Тогда вы вторично чесали в затылке, пожимали плечами, бормотали себе под нос «Ну, бывает же» и продолжали пользоваться находкой, не задумываясь о том, что некоторое время этот предмет находился в другом мире, таком же реальном, как наш. Если это случалось с человеком, обладающим критическим — научным — складом ума, он обычно объяснял для себя произошедшее собственной невнимательностью, склерозом, случайностью, а менее эрудированный и склонный к мифологическому сознанию человек легко находил объяснение, вспоминая рассказы о барабашках, домовых, полтергейсте и прочих заменителях научного метода в общественном сознании.

Наверняка и я множество раз встречался с этим явлением, но впервые обратил на него серьезное внимание, когда учился на четвертом курсе университета, специализировался по кван-

товой оптике и прекрасно был знаком с теорией, которая подобные явления предсказывала. Тем не менее никаких аналогий мне тогда в голову не пришло, что вполне естественно: не так уж часто мы сразу связываем наблюдения с теорией, иногда на это уходят десятки лет и порой целая жизнь, как это произошло с Уилсоном Бентли, опубликовавшим более пяти тысяч собственных фотографий снежинок, но так и не связавшим их формы с уже существовавшей в его время теорией кристаллизации.

У меня же все началось с того, что исчезла записная книжка. Дело было перед сессией, в книжке были записаны коды кое-каких сайтов в Интернете, где хранилась информация, которой я пользовался при подготовке к экзаменам. Коды я, вообще-то, помнил и без книжки, но она была мне дорога как память. Я осмотрел в квартире все, что мог, в том числе и места, где записная книжка никак не могла находиться. Тогда я вспомнил еще несколько случаев подобных исчезновений. Отличие мое состояло в том, что, начитавшись перед экзаменами книг по обработке результатов физических экспериментов, я не плюнул, как многие, и не занялся другими делами в надежде, что книжка найдется сама собой, а задал себе простой вопрос: если подобные случаи происходили со мной не один раз, то, возможно, они происходят и с другими (и тут же вспомнил слышанные прежде рассказы об аналогичных происшествиях), а если некое явление имеет место неоднократно и не с одним наблюдателем, то разве не является любопытной физической задачей систематизация подобных явлений и попытка найти объяснение, отличное от обыденных «ах, меня подвела память» и «ах, эти несносные барабашки...»

Решив накопить, как говорят физики, статистику, я стал просить своих друзей, родственников и знакомых вспомнить обо всех странных случаях исчезновений и появлений предметов.

Хочу заметить, что, в попытке придать исследованию научный характер, я записал несколько уравнений статистической физики, которые, как мне казалось, соответствовали наблюдаемым явлениям. Разумеется, уравнения оказались несостоятельными, в чем я убедился достаточно быстро, когда обработал первую сотню наблюдений, причем в 80 процентах случаев речь шла об исчезновениях предметов и лишь в 20 процентах — о появлениях. В первую категорию я отношу случаи как полного исчезновения, так и такие, когда после долгих или кратких по-

исков предмет в конце концов обнаруживался — причем в 75 процентах случаев на том же самом месте, где было зарегистрировано исчезновение.

Объяснений этому явлению у меня не было. В те месяцы я прочитал много работ, причем практически все они были не из той области физики, какую действительно следовало изучать. Мне и в голову не приходило, что исчезновения-появления имеют сугубо квантово-механическую природу:

Исходные гипотезы, как ни странно — но вполне естественно, — с самого начала были у меня перед глазами, но не привлекали внимания, поскольку не ассоциировались в моем сознании с исчезновением и появлением предметов. С полтергейстом и домовыми ассоциировались, эти «объяснения» были широко растиражированы, принимались большей частью моих знакомых как аксиома, и хотя для меня были совершенно неприемлемы, но именно они подсознательно влияли на выводы, которые я делал, а правильное сказать, — на выводы, которые тогда мне в голову не приходили.

И еще один момент, несомненно, играющий роль в научных исследованиях, хотя и относящийся, казалось бы, к чистой психологии. Власть терминов. Господа, эта власть недооценена до сих пор, хотя, как мне удалось выяснить, о ней писал еще в середине прошлого века известный в те годы советский изобретатель Генрих Альтшуллер. В книге «Алгоритм изобретения» он приводил пример психологической инерции, связанной с неправильно употребленным термином. Изобретателям была задана задача: перебросить через пропасть нитку трубопровода. Проблема в том, что пропасть слишком глубока и широка, переброшенная конструкция рвется, ломается — в реальной ситуации от попытки перебросить трубу через пропасть инженеры отказались и повели нитку в обход, потратив немало денег налогоплательщиков. Инженеры, изучавшие теорию изобретательства у Альтшуллера, тоже не смогли решить задачу, и тогда он сказал, что правильное решение мешает получить психологическая инерция: при слове «трубопровод» все без исключения представляют себе трубу с круглым сечением, от этого отталкиваются, к этому пытаются привязать любую идею, и ничего не получается, потому что труба с круглым сечением имеет малую прочность на разрыв. «Не думайте о трубе, — потребовал Альтшуллер. — Назовите эту штуку иначе. Пусть это будет просто некая “штука”, которая должна висеть над пропастью и не разорваться».

Решение было найдено в течение минуты: сделать сечение «штуки» не круглым, как у трубопровода, а в виде двутавровой балки — всем известного рельса. Рельс обладает огромной прочностью на разрыв, и каждый инженер это знает. Почему же никто — ни в классе, ни в реальной ситуации! — не подумал о рельсе? Психологическая инерция! Труба — это круглая штука. Вы сразу ее представляете, услышав знакомое слово.

Та же ситуация сложилась в квантовой физике, когда Хью Эверетт в середине прошлого века предложил свою многомировую интерпретацию квантовой механики. В обиход физиков вошел термин «параллельные миры», возникающие всякий раз, когда в природе происходит акт квантового взаимодействия. Термин пришел из фантастической литературы, где возник гораздо раньше и был вполне легитимен. Трудно сказать, почему физики не придумали свой, правильный термин для явления квантового ветвления, но «параллельные миры» оказали на развитие квантовой физики отрицательное воздействие. Разумеется, сугубо психологическое. Если миры параллельны, то они никак не могут взаимодействовать друг с другом, они друг с другом не соприкасаются ни в какой точке. Мы в принципе ничего не можем знать о параллельных мирах и даже о том, существуют ли они на самом деле, а не являются исключительно математической абстракцией. Невозможно придумать и провести эксперимент, который доказывал бы, что параллельные миры существуют реально. «Следовательно, — говорили противники многомировой интерпретации квантовой механики, — теория Эверетта не может ничего предсказать и ничего доказать. Вывод — эта так называемая теория противоречит главному принципу науковедения по Проппу: ее невозможно ни подтвердить (принцип фальсифицируемости), ни опровергнуть (принцип верифицируемости). А теория, которую ни подтвердить, ни опровергнуть невозможно, не является научной. Точка».

Сейчас прекрасно известны десятки методов доказательства существования эвереттовских миров. В одной из многочисленных реальностей мы и живем. Термин «параллельные миры» из физики изгнан.

16.

2022. Вадим Бердышев. Санкт-Петербург.

В своей комнате Вадим не спал уже полтора года, прилетел вечером, самолет из Амстердама опоздал на час, отец встречал в «Пулково», сумбурно обнялись, произнесли положенные

слова, но ничего, кроме усталости, Вадим не чувствовал. С отцом он и раньше не был близок, а после переезда и вовсе предпочитал разговаривать с матерью, посылая отцу приветы и даже не зная, передавала ли ему мама хоть слово.

«Как работа?» — «Нормально». — «За полтора года две статьи — немного».

Отец, видимо, покопался в академической поисковой системе. Две статьи — немного, да, но одна в *Nature*, вторая в *Physical Review Letters*, и множество ссылок, потому что уравнения, которые они с шефом решали — и решили, хотя и в достаточно простом приближении, — означали некоторый прорыв в исследованиях многомировых возможностей квантовых компьютеров. По дороге в Питер (почему-то не выговаривалось даже мысленно «домой» — в Питер, к родным, к себе-прошлому) он набросал в наладоннике схему нового решения уравнения склеек; точнее, одного из уравнений, откуда предполагал «вытащить» распределение частот склеек в гильбертовом пространстве. В машине, механически отвечая на вопросы отца, думал об уравнениях, о матери, о погоде, об Иосифе, которому надо позвонить утром или даже прямо сейчас — договориться о встрече, давно не виделись, да и разговаривали в последнее время редко. Дружба не то чтобы отошла на второй план, но стала не очень необходимой — другие времена, другие надежды, «другая жизнь и берег дальний...»

Дома — заждавшаяся мама, постаревшая за полтора года лет на десять, будто он успел слетать к Альфе Центавра и вернуться, а она оставалась на Земле и ждала. На экране, даже трехмерном, это не было заметно, а сейчас Вадим понял, как мама сдала. Когда он уехал в Амстердам делать докторат у Квоттера, она ушла на пенсию. Как-то это совпало, мама говорила — случайно, подошел возраст, но Вадим почему-то думал, что она специально подгадала время, чтобы с отъездом сына коренным образом изменить и собственную жизнь.

С мамой долго сидели на кухне, разговаривали, он не помнил сейчас — о чем, потому что смотрел в мамины глаза и читал в них ее рассказ о жизни без сына. Это не жизнь, прозябание, особенно на пенсии, когда вроде бы множество дел по дому, да и отца обслужить надо, но все равно безделье, безвременье и бесптолковщина. Иосиф иногда заглядывал по старой памяти, школьная, мол, дружба не ржавеет, но она видела, что делал он это не по зову души, а по инерции, и о здоровье расспрашивал без усердия.

Отец налил им чаю, нарезал торт, в разговор не вмешивался, только один раз спросил: «Диссертацию к сроку успеешь?» Вадим пожал плечами: он впервые за полтора года подумал о сроках. Может, и успеет. Зависит от задачи, которую надо решить, а задача каждую неделю становилась чуть другой, отцу этого не объяснишь, он хоть и технарь, но не стоит даже пытаться рассказывать ему о типологии склеек, теореме Харрисона о перепутанности волновых функций в пространствах Калаби-Яу и тем более о догадке, пришедшей в голову уже в самолете, причем в тот момент, когда объявили посадку и пришлось выключить наладонник. Он не успел записать мысль и всю дорогу домой вертел ее в памяти. Разговаривая с мамой, перестал о ней думать, сейчас вспомнил, но совсем не был уверен, что вспомнил именно так, как запоминал.

Чего-то в формуле не хватало, а может, что-то стало лишним — формула, он чувствовал это, всю ночь жила в его подсознании своей жизнью, как и положено живой математической системе. Снилось что-то неприятное, темное, скребущееся, а пробуждение было таким, будто Вадима вытащили из сна за волосы и в качестве компенсации сказали: «Не обращай внимания, все на самом деле хорошо».

Вадим искал под кроватью тапочки — перед тем как лечь, он всегда машинально заталкивал их поглубже, не понимая, зачем это делает, была у него с детства такая привычка, а с привычками лучше не спорить. Привычки часто не зависят от характера — в Амстердаме он никогда не заталкивал тапочки под кровать и никогда об этой странности не задумывался, а тут...

Всунув ноги в тапочки, встал и подошел к окну. Подошел и выглянул, раздвинув шторы. Выглянул и оцепенел: вечером, когда ехали из аэропорта, шел мокрый снег и дул обычный питерский ветер с залива, промозглый настолько, что не ощущался, как движение воздуха, это была некая мокрая, липкая, в какой-то мере даже вязкая среда, которую нужно было расталкивать плечами, чтобы пройти от машины к подъезду.

Сейчас у него не нашлось собственных мыслей, собственных слов, чтобы самому себе выразить собственные ощущения. «Мороз и солнце, день чудесный». Иосиф нашел бы другие слова, и рифма, и ритм у него были бы другие, но Вадим предпочитал «наше все» — не потому, что любил, а исключительно из нежелания тратить время на чтение других поэтов. Иосиф не в счет, друга Вадим, кстати, не столько читал, сколько слушал и

подсознательно понимал, что стихи гениальны, как подсознательно чувствовал красоту формул. Стихи были такими же формулами живой речи, как формулы — стихами живой науки. Но только на уровне ощущений. «Вместе им не сойтись».

Иосиф, по своему обыкновению, звонить не стал — он терпеть не мог гаджеты, они, как он уверял, убивают творческую мысль, потому что названы словами не русского языка. Неродное, неприятное на слух не может существовать в его жизни как реальное. Мобильник у него, впрочем, был — как в наши дни без него? — но пользовался им Иосиф редко и всякий раз предупреждал собеседника, что разговаривать долго не собирается, говорить нужно с глазу на глаз, с теты на тету, давай, мол, договариваться, и побыстрее.

Звонок в дверь раздался, когда Вадим доедал овсяную кашу, которую мама почему-то решила приготовить с утра: напичкать сына калориями, а то он в этом Амстердаме питается абы как. Вадим открыл: на пороге, естественно, оказался Иосиф (кто еще мог в такую рань?). Объятья, похлопывания по спине, «как ты там?», «как ты тут?». Вадим пригласил друга разделить с ним кашу, на что Иосиф, отвесив сначала поклон тете Нине, заявил, что насытился с утра уличным воздухом, в котором больше калорий, чем в любом сваренном продукте.

— Позавтракал? — спросил Иосиф. — Ну, поехали.

— Куда? — всполошилась мама. — Вадик, ты же только...

— На дачу к Филину, — тоном, требующим беспрекословного подчинения, объявил Иосиф. — Сегодня что? Рождество?

— Католическое! — воскликнула мама, которая всю жизнь была безбожницей.

— Неважно, — махнул рукой Иосиф. — Католики тоже люди. А потом Новый год. А потом...

— Ты что же, — ужаснулась мама, — собираешься уехать на... на...

— Тетя Нина, — пообещал Иосиф, — Вадик будет наезжать, он еще надоест вам, не беспокойтесь.

— Сейчас заедем за Мариной, — каким-то слишком уж нервным голосом сообщил Иосиф, когда синяя «Ауди» рванула по проспекту, — а потом сразу в Сологубовку.

— Марина — это кто? — вяло поинтересовался Вадим. Мысли его вдруг оказались заняты всплывшей из подсознания идеей: так оно обычно и бывает — идеи, как призраки, появляются неизвестно откуда и почему. Когда Иосиф с места взял девяносто в час, Вадим вдруг — именно вдруг и никак

иначе — подумал, что вероятность склейки должна быть максимальной в момент принятия решения и возникновения новых ветвей. Интуитивно это было понятно, даже очевидно, и математическое доказательство должно тоже быть достаточно простым. Скорее всего, дельта-функция. Да, это разумное предположение. А потом... Экспоненциальный спад, вторичный максимум и выход на плато, это Вадим уже просчитывал...

— Марина, — сказал Иосиф с такой нежностью в голосе, что мысль Вадима сбилась, и он удивленно посмотрел на друга, — это моя невеста.

— Ну-ну. — Вадим постарался вернуть ускользнувшую нить рассуждений. Невест у Иосифа было не меньше, чем львов в Питере, — очередная, значит... — Это невеста на Новый год, или до православного Рождества дотянешь?

— Вадик, — Иосиф решил на друга не обижаться: такой день, мороз и солнце, — Марина моя невеста на всю жизнь.

— То есть жениться на ней ты не собираешься? — сделал логический вывод Вадим.

Ответить Иосиф не успел: притормозил у пешеходного перехода, потому что...

— Вадим, это Марина. Марина, это Вадим, мой друг детства, великий физик, будущий нобелевский лауреат.

Что он несет? Что о нем подумает эта... это... Возможно, Иосиф уже нашел множество поэтических слов, сравнений и метафор для описания женщины, которая, как показалось потерявшему всякую возможность мыслить Вадиму, была... просто... созданием, вот. Это слово, да еще с определением «небесное», возникло, укоренилось и осталось единственным. Умный взгляд ярко-голубых глаз — это так важно для женщины! Собственно, ничего, кроме взгляда, Вадим не видел, но этого оказалось достаточно. Он пересел назад, Марина устроилась на пассажирском сиденье впереди, Иосиф что-то говорил и говорил, машина куда-то ехала и ехала, а Марина сидела вполоборота, они с Вадимом смотрели друг другу в глаза и... Собственно, больше ничего. Просто смотрели. А Иосиф ничего не понимал, потому что ничего понимать не хотел.

Отдельные слова тем не менее проникали в подсознание Вадима и там укладывались в определенную систему по своим подсознательным законам. Во всяком случае, когда Иосиф затормозил перед воротами Филиновой дачи, Вадим знал уже

(вспомнил или осознал), что Марина Батманова — художник. Не художница, а именно художник Божьей милостью, работает в жанре постпримитивизма, пишет картины, выносящие не мозг, а душу, причем навсегда. А еще лепит из глины особых сортов уникальные игрушки, которые...

Что «которые», Вадим не знал, эта часть рассказа Иосифа все-таки застряла в подсознании, а может, и вовсе не была услышана, как незначущая, как часть уравниения, которой можно пренебречь.

Иосиф шел впереди, а Вадим — рядом с Мариной, чувствуя притяжение, которое способен ощутить только астронавт, неосмотрительно приблизившийся к эргосфере черной дыры. Выбраться невозможно.

Марина молчала, Вадим даже не пытался найти слова. Шли, поглядывая друг на друга и что-то друг другу обещая. Путь, впрочем, оказался, недалгим — минута в обычном времени, несколько веков в растянувшемся релятивистском времени Вадима. На крыльцо высыпали уже приехавшие гости во главе с хозяином — Жоржем Филимоновым, по кличке Филин. Вадим тронул Марину за локоть, она не отдернула руку.

Потом было веселье. То есть веселье с точки зрения остальных гостей. Несколько лет назад Вадим принял бы в нем участие: носил бы из кухни тарелки с едой, бутылки с питьем, произносил бы тосты и опрокидывал в себя шампанское или водку, а еще громко что-то рассказывал бы, совершенно неважно что, и танцевал бы, конечно — если не до упаду, то до такого состояния, когда уже не понимаешь, кто твой партнер и есть ли он вообще. И еще флиртовал бы с девушками — правда, это никогда у него толком не получалось, но он пытался, и иногда даже удавалось с кем-то переспать, но не потому, что он был таким неотразимым; девушки, и это он прекрасно понимал, шли с ним скорее от скуки или потому, что больше было просто не с кем.

Сейчас... Возможно, он и сейчас веселился — в какой-нибудь другой реальности, но только в такой, где развилка произошла в университетские дни, тогда таки были варианты. Об этом Вадим думал, сидя на диване, потягивая сок и напряженно следя, как Иосиф с Мариной сначала уединились в кухне, потом потанцевали в большой комнате и, наконец, скрылись в хозяйской спальне, плотно закрыв за собой дверь. Не очень понимая, что и зачем он делает, Вадим поднялся и открыл дверь в спальню настежь, благо скрывшиеся и не подумали запирались.

Конечно, они целовались — возможно (и тут у Вадима так защемило сердце, что он вынужден был прислониться к косяку), собирались заняться чем-то еще, название чего Вадим не хотел произносить даже мысленно. Увидев друга, Иосиф недовольно сказал:

— Что-то срочное?

Марина промолчала, но взгляд ее показался Вадиму настолько красноречивым, что он, вместо того чтобы извиниться и выйти, вошел и уселся на край хозяйской кровати.

— Да, — сказал он. — Я тут подумал... Знаешь, Ося, видишь ли, я полагаю, что, скорее всего, нет, пожалуй, точно...

— Ты можешь выбраться из придаточного предложения? — ехидно спросил Иосиф, продолжая обнимать Марину за талию.

— Да. Я хочу сказать, что люблю Марину.

— Ну, ты даешь! — Неизвестно, чему больше изумился Иосиф: тому ли, что друг влюбился в его невесту, или тому, что Вадим произнес вслух слова, которых Иосиф никогда от него не слышал.

Отсмеявшись, Иосиф спросил:

— Я тебе говорил, что мы с Мариной собираемся пожениться? Вообще-то это чистая формальность, мы довольно давно живем друг с другом, верно, Мариш?

Марина, не отрываясь, смотрела Вадиму в глаза и молчала. То есть молчала, если слушать ушами, а если читать взгляды, что сейчас Вадиму почему-то удавалось, она сказала с неопределимым пренебрежением:

«Может, и собираемся. Может, нет. Я еще не совсем решила. По правде говоря, совсем не решила».

«Значит, открыты все возможности?» — спросил Вадим.

«Конечно», — спокойно ответила Марина и, убрав руку Иосифа со своей талии, пошла к двери. С порога сказала:

— Ося, я пойду пройдуся. Вадим, я буду в беседке.

И вышла.

— Ты что, серьезно? — помолчав, спросил Иосиф.

Вадим пожал плечами.

— Ты же ее только пару часов назад увидел.

Вадим молчал.

— Так чего ты ждешь? — насмешливо произнес Иосиф. — Мариша терпеть не может, когда ее не понимают. Она говорит мало, обычно намеками, художник, она не словами разговаривает, а образами.

— Я...

— Иди-иди. Марина тебе мозги на место поставит, это она умеет. — Похоже, Иосиф был так уверен в своей невесте, что решительно не желал принимать Вадима всерьез.

2а.

2043. Нобелевская лекция.

Изучая физику в университете, я, конечно, достаточно много читал о многомировой интерпретации, знал не только об эвереттовских, но и об инфляционных, лоскутных, струнных и других теоретически описываемых типах множественных вселенных, но все тот же пресловутый термин «параллельные миры» не позволял сопоставить мои наблюдения, число которых к концу учебы достигло пятисот шестидесяти трех, с идеями квантовой физики, в то время уже, безусловно, существовавшими.

После окончания университета мне посчастливилось продолжить учебу в Амстердамском институте передовых исследований, где моим руководителем стал профессор Пауль Квоттер, чьи труды по квантовой оптике лежат в основе современной теории квантовых компьютеров — устройств, связавших множество ветвей многомирия едва ли не в большей степени, чем теория склеек и современная физика межмировых пересечений.

Именно профессор Квоттер в первый же день нашего знакомства, экзаменуя мои знания по предмету будущей совместной работы, поинтересовался, какие проблемы современной физики занимали меня в студенческие годы и какая физическая загадка меня взволновала в свое время до глубины души. Разговор был приватный и по душам (впоследствии мы много времени проводили, обсуждая не столько текущие проблемы — их мы решали в лаборатории в рабочем порядке, — сколько те проблемы и задачи, которые считались в физике маргинальными), и я рассказал Квоттеру о своих, как я тогда выразился, квазинаучных экспериментах. К моему удивлению, профессор отнесся к моему рассказу очень серьезно, хотя я, предполагая отрицательную реакцию научного руководителя, излагал студенческую историю в тоне ироническом и даже с некоторым пренебрежением к самому себе: вот, мол, какие странные идеи приходили в голову, пока я не набрался серьезной учености...

Помню, что сказал Квоттер после того, как попросил показать ему мои записи и прочитал их очень внимательно, указывая на систематические и методологические ошибки.

«Вадим, — сказал он, — это проблема из тех, попытка решить которые может привести к одному из двух результатов: или к полной неудаче и потере авторитета среди коллег, или к Нобелевской премии».

Пока я пытался осмыслить сказанное, профессор добавил: «Научного авторитета у вас, к счастью, пока нет никакого».

Больше он ничего не сказал, а на следующий день началась рутинная работа над диссертацией, и на некоторое время я не то чтобы забыл о пропадающих и возникающих предметах, но у меня просто не было времени возвращаться к этой задаче.

Вспомнил я о ней, когда в экспериментах по квантовому запутыванию мы пришли к тупиковому варианту: квантовый компьютер из шестисот кубитов начал производить на выходе белый шум в ответ на любую поставленную задачу. Эта же проблема — возникновение белого шума при увеличении числа кубитов в системе — возникла примерно в то же время у всех физиков во всех лабораториях, занимавшихся квантовой оптикой. Понятно, что это была не ошибка эксперимента, а системная проблема, связанная с нашим еще очень недостаточным пониманием процессов, происходящих в запутанных квантовых системах даже относительно невысокой сложности.

Должен сказать, что математика не была моим сильным местом, и, хотя я и участвовал в работе теоретической группы, особого прока от меня не было. Поэтому я принялся изучать — на этот раз систематически — работы, связанные с многомировой интерпретацией квантовой механики.

Помню вечер, когда, как говорят сыщики в детективных романах, элементы пазла наконец сложились, каждый элемент занял свое место, и я увидел цельную и потрясающе красивую картину реальности. В этот сложенный будто сам собой в мозгу пазл прекрасно легли и работы Пейджа с попытками доказать проверяемость (фальсифицируемость) теории многомирия, и работы Элицура-Вайдмана с их мысленным экспериментом, положившим начало серии опытов по квантовому видению в темноте, и экспериментальные исследования группы Квята, и последовавшие в нулевых годах нашего уже века измерения Намикаты в Японии и Буэно Оттавиа в Бразилии. Все это, и еще идея склеек российского исследователя Лебедева, о которой западные физики попросту не знали, поскольку опубликована она была на русском языке, да еще к тому же в книге, напечатанной

автором за собственный счет, а не в авторитетном научном издательстве.

В тот вечер помогло и то, что я ни разу не подумал о все-ленных, якобы возникающих при каждом акте квантового взаимодействия, как о «параллельных мирах». Параллельные миры оказались лишним элементом пазла, попытка пристроить их в картину многомирового мироздания приводила к искажениям, и пазл не складывался — отсюда и общепринятая тогда идея о том, что многомировую теорию невозможно доказать.

Если же возникающие в многомировой теории ветви мироздания не параллельны, то с очевидностью, на которую закрывали глаза, возникает идея переплетения ветвей в тех или иных точках пространства-времени. Я позвонил шефу, мне и в голову не пришло, что был второй час ночи. Кстати, и шефу не пришло в голову посмотреть на часы, хотя мой звонок его разбудил, а засыпал профессор плохо, со снотворным, я это знал, но в тот момент совершенно об этом не подумал. В первую же секунду я выпалил, что проблема белого шума, с которой мы столкнулись, это проблема не случайного запутывания, а совершенно противоположная: это проблема склеек различных ветвей многомирия, тех ветвей, в которых квантовый компьютер проводит вычисления. Если ветви постоянно друг с другом переплетаются, то неизбежно элементы компьютера — кубиты — должны взаимодействовать с самими же собой, но в других реальностях. Отсюда белый шум — это все равно что перемешать на холсте все мыслимые краски или излучить все возможные частоты электромагнитного спектра: возникнет белый цвет. Белый шум в наших экспериментах как раз и означал, что происходила склейка всех ветвей многомирия.

Профессор внимательно меня дослушал и сказал: «Я буду в лаборатории через полчаса. Успеете?» Третий час ночи. Машины у меня тогда не было. Вызвал такси и прибыл на место через минуту после шефа. До утра он писал уравнения, а я рассуждал. Спорили, конечно, и вот странность — не было еще и шести утра, рассвет только занимался, а я вдруг обнаружил, что мы не одни. Все наши сотрудники каким-то непостижимым образом оказались на рабочих местах, и каждый что-то подсказывал, вносил исправления, находил ошибки. Я был в таком состоянии, что сам себя не то чтобы убедил, но безоговорочно поверил: произошла склейка реальностей, и все эти люди, мои друзья и коллеги, возникли здесь из других ветвей многомирия,

оттуда, где тоже велись аналогичные дискуссии. Лишь потом, когда мы с профессором, устав до изнеможения, спустились в только что открывшееся кафе, где нам подали на завтрак замечательные тосты с великолепным кофе, лишь тогда, повторяю, я понял, что, конечно же, никакой склейки не было, просто шеф позвонил Урману, своему секретарю, и потребовал собрать сотрудников. Он тоже не смотрел на часы, но в пять утра никому не пришлось в голову возмутиться.

Статья «Белый шум при квантовом компьютеринге как доказательство многомировой интерпретации» была опубликована в Nature спустя полтора месяца. Статья почти целиком состояла из уравнений, и только по этой причине не была сразу понята и признана. Впрочем, меня признание именно этой работы не очень интересовало, поскольку я думал тогда о том элементе пазла, который лег в картину последним и без которого не возникла бы цепь исследований, приведших к повседневному использованию квантовых компьютеров, изменивших жизнь человечества.

26.

2022. Санкт-Петербург.

Вадим абсолютно не представлял, что скажет Марине, скажет ли хоть что-то и вообще доберется ли до беседки, которую не видел, когда приехали, и понятия не имел, в каком месте она находится — может, рядом с домом, а может, на противоположном конце Сологубовки. Иосиф крепко взял друга за локоть, повернул лицом к себе и сказал, растягивая слова, — видимо, решил, что так Вадиму будет понятнее:

— Я кольцо ей купил. Привез с собой. Обручальное. Чуть позже подарю, когда она из беседки вернется. А может, завтра. Как думаешь, сегодня лучше или завтра? Правда, Вад, я трушу. Да, у нас вроде как нормально, но жениться это все же другое дело, понимаешь, я хотел с тобой посоветоваться, а тут ты с дурацким заявлением, я тебя понимаю, в Маришу все влюблены, ты даже не десятый, так что, наверно, лучше я сегодня ей кольцо... или завтра, как думаешь?

— Завтра, — сказал Вадим. Лучше, конечно, лет через десять и в другой реальности, но если выбор только между сегодня и завтра, то ответ очевиден.

— Значит, сегодня, — хохотнул Иосиф и добавил в ответ на недоуменно-испуганный взгляд Вадима. — Я так решил: если ты скажешь «завтра» — подарить сегодня, а если скажешь «се-

годня», то завтра. Как это у вас называется на языке физики-математики? В поэтике есть специальный термин, но я забыл. А в физике? Обратная функция, а?

Сегодня. Может, через час Марина уже будет ходить с обручальным кольцом на пальце. Значит... Или это ничего не значит? Беседка. Где находится беседка?

— Где находится беседка?

— Как выйдешь, сразу слева. Увидишь. Скажи ей, что я жду здесь. И про кольцо скажи. Мы с ней обсуждали — какое, я точно такое и купил. Хотел сделать сюрприз. А ты скажи, предупреди, ладно?

Зачем Иосифу было нужно, чтобы о кольце Марине сообщил Вадим? Он не стал об этом задумываться. Мысль, пришедшая в голову, показалась сначала бессмысленной, через мгновение — безумной, в следующую секунду — логичной и в данных обстоятельствах единственно правильной.

— Скажу, — буркнул он. — Ты когда кольцо купил?

Вопрос не показался Иосифу неуместным. Глупым — может быть.

— Сегодня, — сообщил он. — Как раз когда к тебе ехал, в Гостином.

— В десятом часу, значит? — уточнил Вадим, произведя в уме небольшой расчет. Грубое приближение, оценочное, но сейчас неважно.

Иосиф пошарил в кармане широкой блузы, выражение лица его изменилось, стало растерянным, он что-то не мог найти, перепугался — неужели, потерял? Нет, нашел все-таки и достал: покрытую красным бархатом коробочку, которая на его большой ладони выглядела каплей крови, застывшей на свирепом морозе. Раскрывать не стал, переложил коробочку в другой карман, а из первого вытянул листок бумаги: кассовый чек.

— Ты точность любишь, — с улыбкой превосходства сказал Иосиф, и Вадим подумал, что друг над ним попросту издевается. — Вот написано: девять часов одиннадцать минут. И секунды есть...

— Не надо. — Секунды были ни к чему, такой точности в решении он все равно не добьется. Вадим повернулся и пошел к двери, чувствуя спиной взгляд.

— Привет передай, — насмешливо произнес Иосиф. Вадиму, уже закрывавшему дверь, показалось, что друг пнул ногой что-то твердое и зашипел от боли.

То, что Марина назвала беседкой, оказалось тремя большими кустами, примыкавшими к забору. Кусты, будто богатыри, сомкнув тела, прикрывали небольшую площадку, где стояла деревянная скамья с парой оторванных досок, так что сидеть было не то чтобы неудобно, но почти невозможно. Летом, когда кусты были покрыты зеленью, «беседка» отделяла от окружающего мира некое интимное пространство, но сейчас просматривалась насквозь, будто через решетки тюремной камеры. Марина встретила Вадима вытянутыми вперед руками, он поцеловал даме пальцы, смахнул тыльной стороной ладони снег со скамейки, но садиться они не стали: держали друг друга за руки и о чем-то говорили. То есть говорил Вадим, Марина слушала, и он поражался ее способности воспринимать на слух весь мир — если она так внимательна к звуковым деталям, то каковы же ее картины, думал он, и, не видя еще ни одной, влюбился уже и в них, вообразив себе, скорее всего, вовсе не то, что ее живопись представляла собой на самом деле. Да и связь звуков с изображением впоследствии представилась ему не очень логичной, но это было потом, а тогда он говорил и говорил, Марина слушала и смотрела ему в глаза, на его уши, нос, изучала его взглядом и взглядом же отвечала на его вопросы, задавая свои. Монолог, каким он казался со стороны, на самом деле — точнее, в восприятии Вадима — был самой замечательной, самой содержательной, самой вдохновляющей беседой, какие у него были в жизни, при том, что впоследствии, приведя в порядок мысли, голову, чувства и интуицию, он не смог вспомнить ни слова из того долгого, насыщенного и судьбоносного разговора. Может, его и не было? Может, они просто стояли, держа друга за руки, битых два часа, пока не промерзли так, что потянулись друг к другу — согреться, зачем же еще? — и случайно коснулись друг друга губами. Стало тепло и хорошо, и только поэтому — почему же еще? — они стали, как безумные, целоваться, не думая о том, что при желании любой, вышедший на крыльцо, мог увидеть их фигуры сквозь решетку ветвей.

В кармане Вадима трезвонил на разные лады телефон, меняя мелодии, громкость и тембры, но эти звуки воспринимались как естественные сигналы природы — щебет воробьев на заборе, карканье вороны, она была одна, но шуму производила столько, будто буянила стая, а еще что-то вдалеке рычало по-тигриному, механизм какой-то. Может, снег убирали, а может, дрова пилили.

Он обнимал Марину осторожно, будто она могла оказаться

призраком и растаяла бы в его руках, а ее руки тяжело лежали на его плечах, это было приятно, создавало ощущение близости, даже большее, чем поцелуй.

«Расскажи о себе. Ты физик, никогда не знакомилась с физиками, это неважно, ты другой, не потому что физик, какая разница, ты вообще другой, не такой, как все мои знакомые, у тебя другой взгляд, невозможно оторваться и не хочется...»

«Ты покажешь свои картины? Мне кажется, я их вижу. Не выходи за Осю. Пожалуйста. Подожди».

«Ты мне о себе все расскажешь? Потом. Сейчас я тебя просто чувствую, а хочу знать».

«А мне кажется, что я о тебе все знаю, а хочу просто чувствовать. Странно?»

Пошел снег. Так тихо, что они не заметили сразу, и лишь сколько-то времени спустя, когда так же, по-снежному, тихо упал вечер и зажглись фонари, осветив каждую падавшую снежинку, Вадим понял, что идет снег, ноги замерзли, Марине наверняка тоже холодно, хотя она и не подавала виду, пора возвращаться, иначе Иосиф придет их вызволять из снежного плена, а то еще и не один, а со всей компанией...

Вадим смахнул со лба Марины несколько не успевших растаять снежинок и сказал первую за все это время фразу, которую запомнил:

— Нас, наверно, ждут.

— Кто? — удивилась Марина. — Иосиф? Пусть.

— Это... ммм...

— Нехорошо?

— Наверно.

— Ну, пошли.

— Постой...

Он поцеловал Марину в лоб, она провела озябшей ладонью по его щеке, и он опять улетел в прекрасное далёко, где эта женщина была его женой, где у них был свой дом в Амстердаме, у нее — галерея, а у него...

Вадим достал из кармана теплый от множества звонков телефон, посмотрел сначала на часы (половина восьмого, ничего себе, могу представить, как бесится Иосиф), потом на список неотвеченных звонков (восемнадцать, все от Иосифа).

— Странно, — сказал он севшим то ли от холода, то ли от волнения голосом, — у меня такое ощущение, будто я знаю тебя всю жизнь.

— Ничего странного, — спокойно сказала Марина и косну-

лась его щеки кончиками губ: не поцелуй, а нечто эфемерное. — У меня такое же чувство.

— Ты выйдешь за Иосифа? — не удержался от вопроса Вадим. Если она скажет «да», мир рухнет.

Она сказала:

— Это зависит...

— От чего?

Марина покачала головой и пошла к дому, огибая куст. Тропинку успел запорошить снег, и маленькие следы казались Вадиму островными вселенными, отделенными друг от друга белым шумом пустого пространства.

Марина шла не оглядываясь: то ли была уверена, что он идет следом, то ли ей было все равно. Если он останется здесь — неужели не обернется, не позовет? Неужели разговор, значивший для него так много, и поцелуй, продолжавшийся все отпущенное ему время жизни, были для нее только капризом? Конечно. Иосиф не стал бы отпускать с ним свою невесту, если бы не был в ней уверен.

— Марина... — позвал он тихо, и снежинки разнесли ее имя по саду, но она все равно не услышала. Или не захотела услышать.

Раскрылась, плеснув световым пятном, дверь и закрылась, обдав Вадима темнотой. Он стоял на крыльце и просто смотрел в черноту пространства, но какое-то время спустя, восприняв возникшее из этой черноты, будто яркая скрижаль, решение, понял, что все это время подсознательно высчитывал вероятности склеек, как это уже много раз бывало. Если его идеи вообще не бред. Если склейками можно, в принципе, манипулировать, то сделать это можно только в момент возникновения дельта-функции, когда величина запутанности уходит в бесконечность, а вероятность устремляется к единице. Только тогда и получится склеить две реальности простым усилием мысли. В теории катастроф это давно исследованное явление, а в многомировой квантовой физике идея еще вполне безумная... Бабочка взмахнула крыльями в Австралии, и на Нью-Йорк обрушился ураган «Сэнди»... если взмахнуть крыльями в нужном месте в нужное время. Самое важное в природе: оказаться в нужное время в нужном месте. Тогда и происходят события, изменяющие мир. Или судьбу. Безвестный поэт неожиданно становится кумиром поколения. Композитор — живым классиком. Художник — создателем нового направления в живописи.

А физик? Пытается повлиять на решение женщины, которую знает всего несколько часов. Которую и не знает толком. Ясно же, что Марина пошла с ним, потому что увидела его заинтересованность, она привыкла к мужскому вниманию, оно ей необходимо, чтобы чувствовать себя женщиной, а может, и для того, чтобы рисовать. Вадим не видел ни одной ее картины, не представлял даже и не был уверен, что, увидев, проникнется и возрадуется — то есть возрадуется; конечно, потому что это ее картины, но поймет ли своим безнадежно рациональным чутьем физика? Марина... красивое имя, красивая женщина... что еще? Почему Иосиф не бросился следом, почему позволил им уйти вдвоем, не взял Марину за руку, только звонил, звонил... причем ему, а не ей? Может, она отключила аппарат? Может, вообще оставила в сумочке, а сумочку на столе?

Странно все это. Иосиф повел себя странно, а Марина... Вадим вспомнил ее губы, ее взгляд, он не готов был отдать эту женщину кому бы то ни было, даже другу. Тем более другу. Чтобы потом всю оставшуюся жизнь видеть, как они... Ужасно.

Вадим стоял на крыльце, представлял, что сейчас могло происходить где-то... может, при всех в гостиной, может, Иосиф увел Марину в спальню, подальше от посторонних глаз... Может, пока Вадим раздумывал, Иосиф уже подарил Марине кольцо и все остальное уже не имело смысла?

Хватит.

Вадиму показалось, что он слышит голос Иосифа, читающего стихи. Свои, естественно. Возможно, голос звучал только в его воображении, из комнат сквозь двойные рамы слышны были приглушенные звуки музыки, там танцевали и вряд ли сейчас слушали стихи.

«Замолчи!» — приказал Иосифу Вадим, и голос смолк.

За.

2043. Нобелевская лекция

Уравнения — это слова математического языка. Замечательный поэт Иосиф Бродский, полвека назад стоявший на этой кафедре, говорил, что язык содержит в себе гораздо больше смысла, чем может воспринять человек. Язык воспроизводит себя, он самодостаточен. Бродский имел в виду язык поэзии, но это можно сказать и о математике. Люди разговаривают словами, природа — уравнениями. Мысль рождается из образов, слова — из мысли, мир — из слов. Другой великий нобелиат, Ри-

чард Фейнман, говорил, что правильные уравнения физики просто угадывают. Это, по сути, то же самое, о чем говорил Бродский. Поэт угадывает суть природы в образах и словах. Физик — в интуиции и уравнениях.

Я говорю это к тому, что уравнение склеек, которым сейчас пользуются не только физики (даже не столько физики), но биологи, инженеры, а также литераторы, художники и музыканты (на прошлой неделе мне посчастливилось слушать изумительную композицию Дона Каринатти «Фонтаны Изольской Ветви»), это фундаментальное уравнение было именно угадано, возникло в мыслях, как мне тогда казалось, само по себе, интуитивно — конечно, впоследствии его удалось вывести из других уравнений квантовых систем, но на то, чтобы проложить мост математических преобразований, понадобились восемь лет и усилия лучших математиков планеты.

Из уравнения, которому я, кстати, в первые недели не придавал существенного значения, возникла идея эксперимента, который я провел, не очень задумываясь о его этической составляющей.

Чтобы понять суть, вернемся к тому, о чем я уже рассказал, — к моим студенческим исследованиям появлений и исчезновений предметов. Не будучи склонен относить эти явления исключительно к дефектам человеческой памяти (хотя наверняка среди описанных событий имела место и элементарная забывчивость), я полагал, что, возможно — повторяю, только возможно, поскольку никаких доказательств тому у меня не было, — я и мои знакомые наблюдали именно явления склеек разных ветвей многомирия.

Уравнение склеек позволило описать явление с помощью волновых функций. Решение же этого уравнения позволило понять, как процессы склеивания реальностей развиваются во времени.

Предположим, произошло физическое явление, результаты которого неоднозначны. На математическом языке это означает, что волновое уравнение имеет два или больше решений — собственно, так практически всегда и происходит. Физически это означает, что события могут развиваться по-разному. Для человека, как разумного существа, это означает право выбора. Вы выбираете: налить себе чаю или кофе. Я намеренно привожу нейтральный пример, чаще выбор бывает более сложным и имеет не два, а десять или даже сотню вариантов. Вы выбираете, и вам кажется, что произошло именно то, что вы выбрали: на-

лили себе чай и положили лимон. На самом деле в момент, когда вы принимаете решение, реальность разделяется на столько ветвей, сколько вариантов решений не противоречит законам природы. Вы наливаете себе чай, но возникает еще и реальность, где вы наливаете кофе.

Кстати, в монотеистических религиях существовало и вызывало немало споров противоречие: Бог, как сказано в Библии, даровал человеку свободу выбора. Но как человек может свободно выбрать что-то, если Бог всеведущ и ему уже известно, что именно выбрал человек? В многомирии этот парадокс решается просто: да, вы свободно выбираете чай, но возникает реальность, где вы свободно выбираете кофе. Бог же, естественно, всеведущ, поскольку знает, что оба варианта осуществляются, какой бы свободный выбор вы ни сделали.

Итак, произошло некое явление, и возникло некоторое количество реальностей, которые с этого момента начали развиваться по собственным, как говорят физики, путям в гильбертовом пространстве. Это не пресловутые параллельные миры, о которых я уже говорил, поскольку рождаются они в одной точке, из одного корня, одного истока — называйте как хотите, важно придать слову правильный смысл. Возникают миры, движущиеся в гильбертовом пространстве по причудливым путям, которые описываются решениями начального волнового уравнения. Повторяю: это не параллельные и вообще не прямые, а потому существует не равная нулю вероятность того, что две линии, несколько или даже все где-то когда-то пересекутся. Что это означает на бытовом уровне? Процесс пересечения реальностей занимает время, сравнимое с квантовым, — оно гораздо меньше секунды и, более того, гораздо меньше любого интервала времени, который наши приборы могут зафиксировать.

Именно в этот краткий миг склейки происходит запутывание квантовых состояний. Именно в этот краткий миг квантовый компьютер способен решить задачу, на которую классическим компьютерам потребовалось бы время, сравнимое с временем жизни Вселенной. Именно в этот краткий миг предмет может переместиться из одной ветви многомирия в другую. Именно это явление известно всем присутствующим. Каждый из вас многократно с ним сталкивался.

Возникают как минимум три вопроса. Первый: можно ли рассчитать физическую область склейки — иными словами, знать заранее: где именно и какой именно предмет перейдет из

одной ветви в другую? Второй: можно ли знать заранее, в какой именно момент произойдет склейка реальностей? И третий вопрос: возможно ли этим процессом управлять — иными словами, можно ли вызвать пересечение ветвей и, следовательно, научиться переносить предметы из одной реальности в другую?

Казалось бы, искать ответы на эти вопросы нужно последовательно. Однако квантовый мир парадоксален. Не мною и даже не физиками моего поколения отмечено, что события в квантовом мире зависят от того, как их наблюдают. Наблюдатель — активный субъект любого квантового процесса, будь то локальное взаимодействие элементарных частиц или любовное признание. И в первом, и во втором случаях реальность расщепляется на ветви, которые впоследствии могут взаимодействовать друг с другом, вызывая склейки. Разница в том, что в первом случае (взаимодействие элементарных частиц) миры расщепляются, согласно количеству решений волновых уравнений, и, с точки зрения классической реальности, все эти ветви практически неотличимы друг от друга. Во втором же случае (любовное признание) с высокой вероятностью возникают альтернативные ветви — например, в одной из них вы сказали женщине «я люблю тебя», в другой «как хорош этот вечер, давай посмотрим на звезды», а в третьей вообще промолчали. Эти ветви, конечно, тоже могут склеиваться, и характер склеек окажется более масштабным — во всяком случае, по сравнению со склейками, в которых взаимодействуют элементарные частицы. Первый тип склеек можно наблюдать в коллайдерах, что время от времени и происходит, но до недавних пор эти явления считались «случайными событиями», которые не принимали во внимание, поскольку они не повторялись и не влияли на статистику экспериментов. Второй тип склеек вы наблюдаете сами, когда исчезают или появляются ваши очки, записная книжка или иной предмет.

Замечу, что склейки бывают и ментальными, когда не предмет, а некая мысль, ваша же, но подуманная вами в другой ветви, возникает в мозгу будто ниоткуда. Это — озарение, инсайт, сатори. С такими склейками каждый человек также имеет дело постоянно: для одних это неожиданное решение задачи, над которой человек бился долгое время, для других — внутренний голос, подсказывающий, как нужно поступить в том или ином случае, для третьих — непонятная и потому угрожающая речь.

Не буду сейчас развивать тему ментальных склеек, эту проблему изучают совместно физики и психологи. Вернусь к трем проблемам, обозначенным ранее.

В декабре 2022 года мы с профессором Квоттером уже понимали, как меняются во времени вероятности склеек. У нас получалось, что склейки наиболее вероятны в момент ветвления, и это интуитивно понятно: когда вы принимаете решение и вселенная разделяется условно на две ветви, вероятность для того или иного предмета оказаться в этой ветви или в другой максимальна и равна в точности одной второй. Это как подбрасывание монеты: она может с равной вероятностью упасть орлом или решкой. Вы не замечаете таких склеек только потому, что в момент принятия решения и разделения обе ветви, в сущности, почти одинаковы. В каждой, допустим, имеется ваша записная книжка, и в ней еще не успели появиться новые записи, которые впоследствии станут разными для разных ветвей. В момент ветвления записи одни и те же, и вы не можете определить, какая из двух книжек «ваша», а какая — из альтернативной ветви.

Затем происходит экспоненциальное падение вероятности, причем характерное время зависит от значимости вашего выбора, от количества возникающих ветвей. Чем более значим выбор, чем больше возникает ветвей реальности, тем больше характерное время падения экспоненты. Это может быть минута (для незначимых решений и малого числа ветвей), час, сутки, год и даже десятилетия (когда вы принимаете решение, способное повлиять на всю вашу жизнь).

Второй максимум возникает по истечении характерного времени экспоненциального спада. Реальности вновь пересекаются с вероятностью, практически равной единице, — это может произойти через час, сутки, неделю, месяц после того, как возникли новые ветви. Важно знать, что такая склейка происходит обязательно — из уравнений это следует с неизбежностью.

Затем вероятность склеек выходит на плато и остается постоянной в течение долгого времени. Какого именно — пока определить не удалось, поскольку за большой промежуток времени возникает огромное число новых ветвей. Для решения уравнений склеек необходимо все эти ветвления принимать во внимание, что практически невозможно и отодвигает решение задачи на отдаленное будущее, даже если использовать современные квантовые компьютеры.

36.

2022. Санкт-Петербург.

Вадим поднес телефон к губам и, ясно артикулируя, ввел в программную систему начальные условия. Время ветвления московское... Масса объекта склейки... Массу кольца, как и время покупки, Вадим мог назвать с большой определенностью, это существенно облегчало решение задачи. Граничные условия он диктовать не стал, сказал только, что покупка произведена в ювелирном отделе на втором этаже Гостиного двора — программа найдет точку в пространстве, задаст координаты, введет в уравнение. Дельта-функция должна возникнуть в пределах от двадцати до двадцати трех часов, уравнения нужны для того лишь, чтобы рассчитать момент более точно.

«Пуск», — произнес Вадим, почти не разжимая губ.

Музыка смолкла, или ему показалось. Голос Иосифа. Или это тоже ему только кажется? Лицо Марины. Это уж точно игра его воображения.

20:40. Доверительный трехсигмовый интервал: восемь минут.

Вадим перевел телефон в режим обычного дисплея: на часах было 20:28.

Он вздохнул. Прислонился к промерзшей стене дома, не чувствуя ни холода, ни собственной спины, ни даже хоть какого-то волнения. Если Иосиф еще не говорил с Мариной...

Вадим открыл дверь и вступил в сухую теплоту прихожей, где в полумраке копошились у вешалки две сумбурные тени. Кто-то из гостей. Вадим прошел мимо, сбросил на ходу задубевшую куртку, поправил ладонью волосы и вошел в гостиную с видом человека, только что совершившего лыжную пробежку километров этак на двадцать. Устал, конечно, но доволен и готов выпить коньяку для сугрева.

Он был чужаком в этой компании, и никто не обратил на него внимания. Кто-то танцевал, кто-то сидел за столом, наливал, выпивал, резал ножом мясо, произносил вполголоса тост, опрокидывал и снова наливал. Существо из десятка голов, пары десятков рук, будто бытовой принцип неопределенности, аналог квантового, превратил нормальных людей в неопознаваемое нечто: если увидишь лицо — не распознаешь мимику, если увидишь стопочку в поднятой руке — не сумеешь разглядеть ее движение ко рту.

Марины и Иосифа в комнате не было. Неважно. Есть еще время. У него и у них. Максимальная вероятность склейки —

практически равная единице — наступит, когда функция запутанности ветвей устремится к бесконечности. И нужно успеть... Очень просто: всего лишь представить. Роль наблюдателя сводится к волевому решению: когда запутанность достигает бесконечности, а вероятность склейки — единицы, достаточно простой мысли... Бабочка взмахнула крыльями, и возник ураган... Камешек, от движения которого лавина накрывает ничего не подозревающий город...

20:40.

Вадим представил себе то, что в последние полчаса представлял не раз. Но тогда от его представления ничего не зависело. Функция запутанности медленно взбиралась к максимуму. Сейчас — должен был измениться мир.

Где же эти двое? В спальне? В коридоре? Может, спрятались в ванной?

— Ребята! — сказал Вадим, и многоголовое существо за столом воззрилось на него двумя десятками неразличимых глаз. — Иосифа видел кто-нибудь?

— В спальне, — сказал кто-то. — Погляди там, он Марине предложение делает, и, кстати, скажи, что все ждут. Он новый стих обещал читать.

— Про макароны с котлетой, — хихикнул кто-то другой, а женский голос добавил:

— Ничего подобного: о судьбе поэта в современной России.

— Да это одно и то же, — буркнул кто-то третий, и все засмеялись.

В спальне ярко горела потолочная энергосберегающая пластина. Иосифу было не до Вадима, а Марина обернулась, услышав, как открылась дверь, и взгляд ее сказал больше, чем она могла бы выразить словами. Иосиф, багровый от напряжения и ощущения бессилия, шарил руками в карманах.

— Черт, — бормотал он, — ну черт же...

— Вадик! — вскричал он. — Я тебе показывал! Ты видел, в какой карман я его...

— В левый внутренний, — спокойно произнес Вадим, подошел к Марине и взял ее за руку. Она пожала ему пальцы, и оба стали следить за беспорядочными движениями Иосифа.

— Нету, — обреченно сказал Иосиф. — Наверно, вывалился.

Он опустил на колени и стал смотреть под кроватью, водил руками по полу, бормотал что-то под нос, коробочки с кольцом уже не было в этой ветви реальности, искать бессмысленно. В какой-то другой ветви другой Иосиф в этот момент обнаружил

крово-красную коробочку у себя в кармане, а может, и не в кармане, склеиться на квантовый миг могло любое иное место в личном пространстве Иосифа.

— Да ладно, — с едва скрываемым ехидством произнесла Марина, растягивая слова так, как это любил делать Иосиф. — Не ищи. Ты же фантазер. Вообразил, что купил кольцо, и сам в это поверил.

— Марина! — закричал Иосиф, вставая на ноги. — Я действительно! Оно куда-то запропастилось! Выпало! Я найду!

— Клоун! — бросила Марина, и слово покатилося по полу шариком от пинг-понга, Иосиф следил за ним, пока за Вадимом и Мариной не закрылась дверь.

Они немного целовались в прихожей — без особой страсти, просто, чтобы отметить веку в их неожиданных отношениях, — а потом Марина пошла к себе, переодеться. Вадим, надев куртку, ждал ее во дворе, соображая, что теперь делать: оставаться на даче было бессмысленно, Иосиф мог закатить скандал в любую минуту. Решением проблемы стала бы комната в мотеле, который Вадим приметил на въезде в Сологубовку. До мотеля можно было и пешком дойти, но захочет ли Марина? Все так странно, неожиданно, безумно хорошо, и абсолютно непонятно, что она скажет, оказавшись с ним вдвоем, без ревнивого присмотра Иосифа.

Марина вышла на крыльцо, на ней была очень теплая длинная куртка, почти шуба, и сапожки на меху. Оделась основательно, и Вадим подумал, что она собралась всю ночь провести на морозе, гуляя с ним по тихим дорожкам, которые вели в лес, а оттуда в иную реальность.

Взяв Вадима под руку, Марина сказала деловито:

— Мотель тут в пяти минутах ходьбы. Можно снять комнату.

Вадим прижал ее руку к себе и услышал в воздухе тихий звон. Это, подумал он, звенит счастье. Мимолетно, как стриж, мелькнула мысль, что нехорошо это, некрасиво, друзья все же. Иосиф действительно привез кольцо и собирался устроить презентацию, помолвку, продемонстрировать решение, наверняка он долго к этому шел, с Мариной он не первый год, а я... мы... я ее совсем не знаю...

Когда через полчаса, пришедший в себя и осознавший наконец ту горькую истину, что невесту у него из-под носа увел лучший друг, Иосиф выбежал на крыльцо, в садике никого не было, за кустами у забора тоже, и за домом, и у гаража, и на улице. Не было даже следов, потому что повалил густой, как просыпав-

шаяся мука, снег. Звонить Иосиф не стал — решил, что не станет унижаться перед этой... он нашел, конечно, около сорока определений, эпитетов, метафор и прочих слов в русском языке, которые соответствовали поведению Марины, и еще больше слов, гораздо более крепких, — в адрес Вадима. Впрочем, Иосиф, в отличие от Вадима, прекрасно знал свою подругу. Когда он вернулся в дом, его больше занимала исчезнувшая коробочка, чем пропавшая Марина — что она станет делать, вернувшись с ночной прогулки, он знал, а куда могла провалиться коробочка с кольцом, абсолютно не представлял. Таинственное всегда интересовало его больше, чем банальное.

— Ребята! — воскликнул он, появившись в гостиной в разгар плясок. — Давайте играть в сыщиков! Пропала...

— Марина! — рявкнул многоголосый смешанный хор а capella.

— Да ладно, — махнул рукой Иосиф. — Марина никуда не денется, а вот коробочка... красная, бархат... никто не видел? Вот и давайте займемся поисками, а потом я прочитаю новые стихи. Жизнеутверждающие, если коробочку найдем, или депрессивные, если она действительно провалилась сквозь землю.

Коробочка таки провалилась, и после дружных поисков гости, усевшись на полу, до утра слушали Иосифа, который, как все знали, однажды начав читать стихи, не мог остановиться и читал бы до конца света или второго пришествия. Стихов у него хватало, а времени он не замечал, потому что стихи существовали вне времени, они были самостоятельной сущностью во Вселенной, плодом эволюции языка, результатом дарвиновского естественного отбора слов, высшей стадией разума.

Той ночью Марина и Вадим тоже существовали вне пространства-времени, в собственной вселенной, отделенной от прочего мироздания их личными ощущениями, словами, бессмысленными клятвами, прикосновениями, погружениями и всплываниями и великим множеством особенностей человеческого восприятия, которые каждому лишь кажутся неповторимыми, а на самом деле повторяются каждое мгновение в каждом месте на земном шаре, где мужчина и женщина, сотворенные Господом из сути друг друга, остаются наедине.

Вернулись они к завтраку, часов в одиннадцать, так и не дождавшись звонка Иосифа и найдя его спящим на диване в гостиной.

— Много потеряли! — объявил Филин, увидев вошедших. — Иосиф всю ночь стихи читал, новые! На ходу сочинял! Импровизации! Класс!

— Записали? — поинтересовалась Марина.

— Конечно, все писали, хотите послушать?

— Нет! — одновременно воскликнули Вадим и Марина. Иосиф открыл один глаз, осмотрел Марину, удовлетворенно моргнул и повернулся к стене.

4а.

2043. Нобелевская лекция.

Я приближаюсь в своем рассказе к моменту, о котором много писали в прессе. Рождество 2022 года. Шеф собрался с семьей в Прагу, любимый его город, где он много лет проводил рождественские каникулы. Я же, поскольку в Амстердаме у меня не было близких знакомых, отправился в Санкт-Петербург, где меня ждали родители, с которыми я не виделся почти полтора года.

Дома хорошо, господа. Дома замечательно даже тогда, когда голова забита нерешенными уравнениями, и, гуляя по новому Питеру, думаешь не о красоте Александрийского столпа и не о потрясающей трехмерной лазерной композиции на Марсовом поле, а о том, как решить стационарное уравнение склеек, если количество решений превышает число атомов не только в видимой части Вселенной, но и число самих вселенных, возникших в результате ветвлений и хаотических инфляций с момента Большого взрыва.

В тот год выпало очень много снега, и даже по Невскому машины ездил медленнее, потому что снегоуборочная техника не справлялась со стихией. Но как это было красиво! Друзья, с которыми я не виделся больше двух лет — после окончания университета, — позвали меня встречать новый год на дачу в Сологубовке, и наше небольшое, в принципе, путешествие продолжалось весь день, потому что каждые полчаса мы останавливались, отправлялись гулять по зимнему лесу, и я уверяю вас, что ничего красивее не существует ни в одной ветви мироздания, наполненного самыми разнообразными мирами.

В машине нас было пятеро. На заднем сиденье рядом со мной сидела красивая блондинка немного моложе меня, всю дорогу молчавшая и то равнодушно, то заинтересованно, то с романтическим выражением лица смотревшая только вперед

и не обращающая внимания ни на кого из нас. Она не выходила из машины, когда мы отправлялись по снежной целине оставлять свои следы в зимней лесной истории. Она, конечно, отвечала на вопросы, когда к ней обращались, но ответы были настолько лапидарны, что, казалось, возникали сами собой в холодном воздухе. «Да», «нет», «спасибо». Когда мы доехали до дачи и принялись устраиваться, она тихо сидела в кресле в гостиной перед экраном, но не смотрела ни фильм, ни новости — была погружена в себя настолько, что я поинтересовался у хозяина дачи, что за чудо он пригласил. Никогда прежде мне не приходилось встречать женщин, столь обаятельных и привлекающих не болтовней своей, часто неуместной, хотя порой очень умной и приятной, но молчаливым вызовом.

«Это Марина Батманова, художница. Осенью была ее выставка на Кирпичной, большой успех».

«Она всегда такая молчаливая?»

«Обычно да, она не разговорчива. Но очень умна. Если тебе удастся ее разговорить, получишь массу интеллектуального удовольствия».

Уравнения склеек испарились из моей головы так быстро, что я забыл упомянуть о них, когда набрался наконец смелости и принялся задавать госте вопросы, на которые она, при всем желании, не могла отвечать одними междометиями.

Упоминаю о наших разговорах только потому, что средства массовой информации посвятили той истории огромное количество материалов, поражающих бесстыдством и желанием увидеть то, чего не было в нашей реальности. Возможно, это происходило в какой-то другой ветви — даже наверняка происходило, поскольку в практически бесконечном мироздании существуют если не в эвереттовском, то в инфляционном или ином многомирии все возможные с точки зрения законов природы варианты бытия, в том числе и не приходившие в голову нашим вездесущим папарацци.

В дальнейшем я не намерен отвечать на вопросы журналистов, касающиеся рождественских каникул 2022 года. Связаны они или нет с моими работами по теории склеек — оставляю без комментариев. Скажу несколько слов исключительно о событийной части, чтобы избежать дальнейшего обсуждения в прессе вопросов, не имеющих отношения к исследованиям в области квантовой физики многомирия.

46.

2022. Санкт-Петербург.

Вадим хотел увести Марину в Питер, но она заупрямилась — ей было хорошо в компании, присутствие Иосифа ее, похоже, только возбуждало. С Вадимом Иосиф демонстративно не разговаривал, Марину пару раз пытался заставить одну, а когда не удавалось, хотел увести куда-нибудь для выяснения отношений. Она вроде и не сопротивлялась, но всякий раз оказывалось, что идти некуда и говорить не о чем, все уже сказано.

— Но ведь не окончательно!

Марина смотрела на Иосифа широко раскрытыми глазами и загадочно поводила плечами.

— Ты пожалеешь!

— Не в первый же раз, — бросил кто-то из гостей, оказавшийся поблизости и услышавший вопль Иосифа. Тот сразу сник, а Марина, рассмеявшись, отправилась искать Вадима, который в это время искал ее, а потому они, конечно, разминутись и нашли друг друга, когда обоим стало невольно от одиночества в этой толпе, состоявшей всего из десятка бродивших по дому заспанных личностей.

Картины свои Марина показала Вадиму на белой кухонной стене, выудив их из памяти телефона. Вадим подумал, что Марина очень талантлива и заслужила свою репутацию. Он ничего не понял в буйстве линий и красок, не смог соотнести названия с увиденным, только чувствовал, что изображения будят фантазию, побуждают мысль сорваться с места и помчаться куда-то, пусть в неопределенность. Просто смотреть и наслаждаться игрой цвета и линий было невозможно, эти картины нужно было или полюбить с первого взгляда, или с первого же взгляда возненавидеть. Как и саму Марину. Она себя изображала на своих картинах, себя и ничего больше.

— Как хорошо! — сказал Вадим и поцеловал Марину в краешек губ, смягчая буйство красок легкостью прикосновения.

День сменился вечером, а после ужина Марина куда-то пропала. Вадим искал ее — они договорились и эту ночь провести в мотеле, — и нашел в закутке под лестницей. Марина обнимала Иосифа и говорила достаточно громко, Вадиму не пришлось напрягать слух, чтобы услышать:

— Да ладно, Ося, все будет хорошо, не мучай ты себя, лучше прочти стих.

— Пусть тебе он стихи читает, — буркнул Иосиф, отстраняясь.

— Он другой, — рассмеялась Марина. — Понимаешь? Другой. Новый.

Увидев через плечо Марины стоявшего, в дверях Вадима, Иосиф криво усмехнулся и картинно взмахнул руками.

— Вот так она всегда! «На новенького брошусь я, всегда готовая к пристрастью». Думаешь, она тебя любит? Она никого не любит, кроме себя. На самом деле — посмотри на ее картины — она и себя толком не любит, только еще не подозревает об этом.

Он говорил так, будто Марины не было рядом.

— Клоун! — сказала она.

* * *

В полночь на поселок обрушилась пурга. Стремительный ветер, резкое похолодание, с деревьев снег смело, будто метлой, из дома выйти было невозможно, да никому и не хотелось. За окнами свистело, ревели, журчало, вздыхало и, кажется, даже подвывало человеческими голосами, будто пилигримы просились на ночлег.

Каждый нашел себе уголок, где можно было если не уединиться, то хотя бы сделать вид, что отдыхаешь от общего, уже ставшего изнурительным, присутствия. Уголков в двухэтажном особнячке оказалось немало, в том числе и таких, где уединившихся найти было трудно — если не искать с пристрастием и непременным желанием обнаружить. Вадим с Мариной взобрались под самую крышу, на чердаке оказалась огороженная комнатка, где хозяин хранил мешки непонятно с чем. Здесь было, скорее всего, самое холодное место в доме, и потому, кроме них, никто на чердак не позарился. Они посчитали это знаменiem, ощущая холод лишь тогда, когда отлеплялись друг от друга и становились не единым целым, согреваемым внутренней энергией, а двумя отдельными человеческими существами, не приспособленными каждое само по себе выживать в таких ужасных условиях.

В общем, все было хорошо.

Вниз за едой они спускались вместе, обняв друг друга за плечи, Иосифа ни разу не встретили, хотя все время, и даже с чердака, слышали его громкий голос: он то читал стихи, то с кем-то спорил о бытии канонизированных старцев или о судьбе современного стихосложения. Похоже, он сам не хотел попадаться им на глаза, хотя на самом деле, и подсознательно Вадим это понимал, не Иосиф скрывался, а они старались хо-

дить по дому, ориентируясь на его голос и обходя помещения, откуда голос был слышен.

Марина рассказала Вадиму о своем детстве, Вадим Марине — о своем. Жили они, оказывается, не так уж далеко друг от друга: Вадим на Исковском, Марина — на Дыбенко, так что в детстве могли много раз пересекаться. Наверняка так и было, и они увлеченно сопоставляли даты, места и возможности.

До Иосифа у Марины, конечно, были мужчины, но как-то несерьезно, да она и не стремилась к серьезным отношениям, училась в художке, очень много рисовала, мужчины для нее были... «Как бы тебе объяснить, чтобы ты понял...» — «Да я и так понимаю...» — «Ну и славно... иди ко мне...»

— А с Иосифом у тебя так серьезно было, что действительно собиралась замуж?

Вадим сделал упор на слове «было», Марина посмотрела на него странным, как ему показалось, взглядом и тихо сказала, он с трудом расслышал за завыванием ветра:

— Вообще-то я от него беременна.

Вадим, сидевший, прислонившись к стене, вскочил на ноги. Ударился затылком о брус, зашипел от боли.

— Почему ж ты раньше...

— А что? — насмешливо сказала Марина. — Ты бы тогда со мной не...

— О чем ты! Я люблю тебя! И это не играет роли! Просто...

— Что «просто»?

Вадим опустил перед ней на колени.

— Все будет хорошо, — сказал он. — Мы его вырастим.

Марина звонко рассмеялась, и Вадиму показалось, что от ее смеха завибрировали в резонансе стропила, будто и дому стало смешно. Что смешного она нашла в его словах? Сам он чувствовал себя скорее героем. С Иосифом предстояло неприятное объяснение, но чего уж...

— Посмотрим, — сказала Марина, отсмеявшись. — Я еще ничего не решила, есть время.

— И знаешь, — добавила она, прижав к груди голову Вадима и запустив обе ладони в его шевелюру. — Самое глупое пророчество, какое я знаю, это: «Все будет хорошо».

Вадим где-то уже слышал эту фразу, но не помнил, кто и когда ее сказал. В устах Марины она прозвучала, будто откровение.

Больше они об этом не разговаривали, а на второе после Рождества утро выюга стихла, и, как это обычно бывает, настал полный штиль, все высыпали во двор, сначала, конечно, раз-

бросав снег на крыльце, а потом расчистив дорожку в сад и на улицу. Позвонил Кирилл Николаевич, завкафедрой теорфизики, и спросил, не забыл ли Вадим, что в четверг у него выступление на семинаре, начало, как договаривались, в три часа, чтобы все могли присутствовать, потому что утром консультации, сессия на носу...

Конечно, Вадим забыл. О семинаре они договорились еще осенью, и в расписание внесли, и название обсудили, и текст доклада Вадим давно написал. Отказаться сейчас было так же невозможно, как остановить солнце. Иисусу Навину это удалось, но Вадим не ощущал в себе такой силы и потому произнес, стараясь, чтобы огорчение в его голосе не было слышно:

— Конечно, Кирилл Николаевич, я прекрасно помню.

Повезло: в город собралась возвращаться супружеская пара, на которую Вадим все это время не обращал внимания, ему даже показалось, что сейчас он их впервые увидел.

— Подвезете?

— Конечно, какой разговор. Трассу расчистили, так что проблем не предвидится. Если, конечно, выехать прямо сейчас, потому что к вечеру обещают второй удар шторма. Мы бы остались встречать Новый год, но дети у бабушки, а она приболела...

Как назло, когда Вадим, обнимая Марину на крыльце, договаривался о том, что вернется сразу после семинара или, в крайнем случае, на следующее утро, вывалился из дома Иосиф, встал, расставив ноги и скрестив на груди руки, и сказал:

— Вад, ты, надеюсь, понял, что Марина с тобой просто играла? Она это любит.

Вадим посмотрел Марине в глаза, ожидая вспышки гнева. Сейчас она обернется и бросит Иосифу в лицо: «Клоун!» Но Марина отвела взгляд, погладила Вадима по щеке и отстранилась. Ему показалось, что она со сверхсветовой скоростью удалилась от него на расстояние туманности Андромеды или еще дальше. Точнее, удалилась не она, а раздвинулось пространство, как это было миллиарды лет назад, во времена великой космологической инфляции.

Он с удивлением подумал, что за эти дни ни разу не вспомнил о физике.

— Иди, иди, — нетерпеливо сказала Марина. — Касторские тебя ждут в машине.

— Иди, — присоединился Иосиф. — Не бойся, я тут без тебя справлюсь.

За забором громко просигналили. Закаркали вороны.

5а.

2043. Нобелевская лекция.

Возвращаюсь, однако, в тот замечательный вечер. Мы тихо беседовали с Мариной, когда хозяин дачи отозвал меня в створку и предупредил, что, вообще говоря, у Батмановой есть кавалер, широко известный в узких кругах поэт-модернист, личность довольно необузданная, хотя, по-видимому, гений. Он звонил недавно и сообщил, что уже едет — с другой компанией гостей, которая вот-вот прибудет.

«Что же мне делать?» — спросил я, поскольку оказался в двусмысленной ситуации: не хотелось ни расставаться с Батмановой (я полагал, что и она не хотела бы прерывать нашу беседу), ни вмешиваться в ее личные дела.

«Взрослые люди — разберетесь», — небрежно ответил приятель.

Примерно через час прибыла еще одна машина, и в гостиную вошли пятеро гостей, среди которых был поэт Иосиф Берский. Мне его представила сама Марина со словами, что это самое ее любимое существо на земном шаре, поскольку она обожает странности и необычности, а более необычное и странное человеческое создание, нежели Ося, трудно вообразить и еще труднее встретить в реальной жизни, хотя ей, Марине, это, по-видимому, удалось.

Фраза была самой длинной, которую она произнесла не только в тот вечер, но и вообще за все недолгое время нашего знакомства.

Иосиф оказался гораздо разговорчивее. Более того, слова, им произносимые, как я понял, составляли всю его суть. Говорят, что поэты мыслят образами и переводят образы в слова в своих стихотворениях. Берский мыслил словами, а образы были если не вторичны, то подчинялись словам. «Слово любого языка, — утверждал он, нисколько не сомневаясь в своей правоте, — абсолютно самодостаточно и первично». Конечно, он сослался на библейское «В начале было слово». Я ответил другой цитатой: «В начале создал Господь небо и землю», утверждая первородство физики и эксперимента над словом, описывающим то, что уже произошло и требует интерпретации.

В ту ночь дачу завалило снегом чуть ли не по самую крышу, выбраться в город можно было разве что на вертолете, и у нас оказалось достаточно времени, чтобы не только повеселиться от души и встретить новый год звоном бокалов шампанского, но также и поговорить обо всем на свете, поспорить, вы-

яснить отношения, распрощаться с мечтами и придумать новые...

Мне не удалось больше уединиться с Мариной — верный Иосиф не отпускал ее от себя ни на минуту, мы почти все время провели втроем. Почти — потому что часть времени я провел с Иосифом, все-таки оставившим Марину смотреть в общей компании какие-то сериалы с тем, чтобы послушать мои соображения относительно многомирия, ветвлений и важности принятия любых решений для будущего не только своей реальности, но и всех прочих, возникающих в момент, когда вы делаете, казалось бы, простой выбор: выпить еще одну рюмку прекрасного армянского коньяка или приготовить не менее прекрасный кофе.

С Иосифом мы быстро нашли общий язык, несмотря на то что обоим было понятно: мы — соперники. То, что Берский ухаживал за Мариной около двух лет, а я познакомился только что, не имело никакого значения. Однако, будучи цивилизованными людьми, мы оставили проблему выбора Марине — полагая, впрочем, что решение будет принято не тотчас же и выбор произойдет еще не скоро. Поразительно, но я совсем не думал тогда, что любой выбор Марины — это всего лишь решение пойти по правой тропинке или по левой, но обе тропинки будут существовать в реальности.

Иосиф читал свои стихи, и я запомнил несколько строк, которые впоследствии не обнаружил ни в одном из его сборников — ни на бумаге, ни в Интернет-изданиях. Возможно, это был экспромт. Возможно, заготовка для будущего стихотворения.

«Я вошел в эту реку, но оказался в море,
В море — мире и в море — морте, от слова “смерть”.
Я тонул и всплывал, и, с волнами о жизни споря,
Видел небо — твердыню мира от слова “твердь”.

Мне эти стихи показались похожими на что-то, что я уже читал много лет назад, но я плохо знаю поэзию, чтобы проводить какие бы то ни было сравнения. И дальше:

«Я не ведаю, где я и кто я. Совсем не знаю,
Есть ли что в мире, где я не прожил и дня.
Если я — это та, кому я сейчас изменяю,
Значит, я — тот, кто пришел и убил меня».

Я не оцениваю эти строки, я их всего лишь цитирую, а почему они мне вспомнились, хотя в то время я не стремился запомнить хотя бы строчку, скажу чуть позже. В отличие от

моей личной истории, они имеют прямое отношение к теме лекции и к тому обстоятельству, что я сейчас стою на этой кафедре.

Мы оба понимали, что знакомство будет продолжено и после возвращения в Петербург. Более того, я стал задавать себе вопрос: смогу ли после окончания рождественских каникул вернуться в Амстердам, — один только факт, что такая мысль приходила мне в голову, свидетельствует, насколько сильным было мое увлечение Батмановой и насколько велико нежелание оставлять ее в Петербурге наедине с поэтом.

Метель закончилась. На второй день, при ясном небе и замечательной погоде, когда даже мне хотелось слагать самые простые вирши о снеге, солнце, сугробах и любимой женщине, дорогу в город наконец расчистили, и гости, которым уже приелось общество друг друга, стали разъезжаться. Мне пришлось уехать с первой машиной, поскольку на следующее утро мне предстояло делать сообщение о наших с профессором Квоттером расчетах запутанных состояний квантовых компьютерных систем. Я с тяжелым сердцем оставлял Марину и Иосифа, мы договорились встретиться в городе сразу после их возвращения, и это немного примиряло меня с реальностью. До моего отъезда в Амстердам оставалась неделя, и я был уверен, что домой (а я уже называл домом не родной Питер, а свою квартиру на Галенстраат) мы поедem с Мариной.

Семинар проходил в университете, моей альма-матер, я встретил много знакомых, в том числе физиков, с которыми обсудил некоторые аспекты запутанных состояний в многомирии и пришел наконец к понимаю, какими должны быть уравнения перекрестных склеек. Рассказывая у доски о прогрессе в расчетах квантовых сцеплений, я решил уравнение, которое не подавалось ни мне, ни Квоттеру в течение нескольких месяцев. Решил легко, поскольку идея оказалась простой и, я бы даже сказал, самоочевидной. И, только уже написав на доске решение, я понял, что сделал то, к чему шел несколько последних лет, доказал, что склейки можно не только рассчитать во времени и пространстве, но и спрограммировать — иными словами, вызвать нужную склейку в нужный момент времени в нужной точке пространства.

Именно это математическое, по сути, открытие легло в основу современной физики запутанных ветвей многомирия, в основу современной микроэнергетики, которой пользуются миллионы автомобилистов, в основу современной хирургии,

использующей собственные органы больных для пересадок. Сейчас, одиннадцать лет спустя после того знаменательного дня, я не берусь перечислить многообразные применения многомировых склеек, которые вошли в нашу жизнь и в значительной части стали уже явлением быта. Разумеется, еще далеко не все понято, объяснено и может быть использовано. По-прежнему остается нерешенной задача склеек, которые могли бы привести к общению с нашими вторыми, третьими и прочими многочисленными «я» из других ветвей. Это задача гораздо более сложная, поскольку речь идет о перемещении из одной ветви в другую не бездушного предмета, но разумного организма, который сам решает свои проблемы и делает выбор, практически всегда отличный от выбора своего прототипа в нашей ветви. Мое личное мнение таково, что эта задача вообще не имеет решения, и мы просто еще не открыли соответствующий принцип запрета. Не исключаю, однако, что задача может быть решена, и в этом случае физик, а возможно, биолог, медик или (не исключаю и такой возможности) психолог или даже психиатр через несколько лет будет стоять на этой кафедре и рассказывать о своем пути к высшему достижению.

После семинара я связался с шефом, мы в онлайн-режиме проверили мои выкладки, не обнаружили ошибок ни в предположениях, ни в расчетах, и решили сразу после моего возвращения в Амстердам отправить в «Nature» статью, которая, как мы оба понимали, изменит не только представления о мироздании, но и нашу повседневную жизнь, сделав ее много богаче, сложнее, разнообразнее, но также — и это мы понимали тоже, — опаснее, хотя предпочтения от будущего использования склеек были для нас очевидны, а опасности выглядели преодолимыми. Опасности всегда выглядят преодолимыми, когда предприятие, в которое вы пустились, только началось и горизонт далек. Лишь в пути опасности проявляют себя, и человечеству приходится преодолевать их, порой прилагая усилия, неизмеримо большие, чем те, что потребовались для понимания сути открытого явления.

Обсуждение этой важной проблемы выходит, однако, за рамки моей лекции. Мне остается сказать несколько слов о трагедии, произошедшей на следующий после семинара день. К сожалению, эта трагедия стала предметом, как я уже говорил, нелепых, безжалостных и бессмысленных комментариев.

2022. Санкт-Петербург.

«Не буду звонить», — говорил он себе, сидя на заднем сиденье и стараясь не слушать, о чем беседовали впереди Саша и Катя. Кажется, имя Марины тоже было упомянуто, и при этом разговор прекратился, но что было сказано, Вадим не расслышал, ему было все равно. Он и сам представлял, что говорили о Марине за глаза в той компании, а может, и в других тоже. Что говорили об Иосифе, и что теперь будут говорить еще и о нем. Неважно. А звонить он ей не станет, тут и выбора никакого нет. Во всех ветвях, во всех вариантах реальности — нет.

Марина позвонила, когда подъезжали к городу и справа показалась башня-вертолет компании «Медиапром».

— Включи изображение, — потребовала она.

Похоже, Марина поднялась в их комнатку на чердаке. Он и сейчас думал об этом закутке, как об «их комнате», отгороженной от мира, где... неважно.

Марина приблизила телефон к лицу, и он видел только ее глаза.

— Послушай, чего ты, в самом деле, не надо, я же должна выяснить отношения с Осей, он все же...

— Отец твоего ребенка, — буркнул Вадим.

— Ну... — протянула Марина и добавила странным тоном: — Да. Но... Ты сказал, что...

— Приезжай. Пожалуйста. Сегодня, наверно, и автобусы начнут ходить. Приезжай, позвони, я встречу, сразу поедем ко мне, и все будет хорошо.

— Все будет хорошо, — задумчиво повторила Марина. — Я приеду. Завтра. Не скучай без меня, ладно?

Он кивнул, потому что слова, которые он хотел сказать, невозможно было произнести вслух. Катя — он видел — сидела вполоборота, прислушивалась.

— И не звони, хорошо? Будем на связи... мысленно. Ты же меня чувствуешь, Вадик?

Он кивнул. Он ее чувствовал. Он знал, что чувствовала она. Но он ее не понимал.

— Я сама тебе позвоню, когда вернусь в город. Завтра.

— Завтра у меня семинар, — сказал он. — В три часа.

— Пока. Целую.

Поцеловала она глазами — и отключилась.

— Марина? — спросила Катя, обернувшись. — Замечательная женщина. Потрясающий художник, умеет...

Она хотела продолжить, но муж что-то буркнул — Вадим не расслышал, — и Катя, не закончив фразу, отвернулась к окну.

— Вам на Искровский? — спросил Саша, не оборачиваясь.

Дома были мама с папой, разговоры на кухне, новостные программы, обед, ужин, мир жил сам по себе, Вадим рассказывал о поездке, сумев ни словом не упомянуть о Марине. Она вернется, они все обсудят, и тогда...

Ночью он плохо спал, а может, не спал вовсе. Проговаривал в уме текст доклада, не понимая толком, почему так беспокоится. Между фразами вклинивались мысли о Марине: что она сейчас делает, неужели с Иосифом? Может, повела его наверх, в их комнату, и, наверно, сейчас они...

Проснулся от громкого разговора родителей на кухне. Голова была ясной, и он несколько не сомневался, что выступит хорошо, никто не станет задавать каверзных вопросов.

Так оно и было. Телефон лежал перед ним на кафедре, он отслеживал время, чтобы удержаться в регламенте, говорил легко, поглядывал на аудиторию: зал был полным, пришли послушать даже первокурсники и какие-то личности, которые, как казалось Вадиму, не могли иметь к физике никакого отношения.

«Новое сообщение», — высветилось на экране. Вадим заппнулся, коснулся пальцем контрольной точки, сообщение было от Марины и содержало всего два слова: «Мы выехали». Мы? Если бы она поехала на автобусе, написала бы «я». Наверно, как и его вчера, кто-то из гостей взял Марину с собой.

Вадим механически ответил на вопросы, ему поаплодировали, потом пришлось немного поговорить в коридоре: студенты, кто-то еще... Он хотел остаться один и вдруг обнаружил себя на лестничной площадке бокового выхода. Из коридора слышны были голоса, но здесь он был один.

Марина включила видео после первого сигнала вызова.

— Ты уже свободен? — возбужденно спросила она. — Можешь подъехать к Осиному дому?

— Зачем?

Он уже понял, но продолжал цепляться за ставшую привычной мысль.

— Поговорим наконец!

Голос Иосифа.

Марина отодвинула аппарат от лица, и камера показала салон машины. Иосиф сидел за рулем, Марина, судя по изоб-

ражению, рядом, на переднем сиденье. Иосиф бросил взгляд на Вадима и расхохотался нелепым, ненужным, бессмысленным смехом. Клоун.

— Хочешь, прочитаю новый стих? — отсмеявшись, сказал Иосиф. Марина держала телефон твердо, изображение почти не дрожало.

— Гениальный стих, послушай! — Марина увеличила изображение, и Вадим видел теперь только профиль поэта. Казалось, смотрел Иосиф не на дорогу, а в будущее — свое собственное и будущее Марины. Вадим не хотел слышать его стихов, новых или старых, никаких.

— Я вошел в эту реку, — с подвыванием начал Иосиф, — но оказался в море...

Замолчи!

— В море — мире... Мариша, — неожиданно перешел он на прозу, — этой дорогой я не ездил, погляди, что написано на указателе, мне куда свернуть — направо или налево.

Телефон в руке Марины дернулся и на секунду показал Вадиму дорогу. Иосиф, может, и не ездил там, он и машину купил недавно, мог не знать, а Вадим в студенческие еще годы ездил по этой дороге часто — на дачу к профессору Дубину, они там собирались время от времени небольшой группой, обсуждали новинки, публикации в физических журналах. Сейчас действительно будет поворот: налево — на Питер, направо — на Михайловск. На Питер — выезд на трассу с четырехполосным движением, а на Михайловск — узкая дорога, и сразу за первым поворотом еще один.

Марина положила телефон на колени, изображение исчезло, но слышно было хорошо. Она сказала:

— Включи навигатор! Указатель мы, во-первых, проехали, во-вторых, я не обратила внимания.

— А в-третьих, — ехидно произнес Иосиф, — у меня нет навигатора. Терпеть не могу, когда мне навязывают, по какой дороге ехать, какие продукты покупать и с кем жить. Говори быстрее: направо или налево.

— Ты же терпеть не можешь, когда тебе навязывают, — ровным голосом, в котором Вадим расслышал скрытое бешенство, сказала Марина. — Сам и решай.

Может, если бы не это ощущение, если бы Марина сказала «налево»... Она знала, куда сворачивать, Вадим чувствовал по ее голосу. Если бы не ее эмоции, передававшиеся ему мгновенно, как вспыхнувшая от удара молнии солома, если

бы разум не отключился от охватившего и его бешенства, если бы...

Сейчас Иосиф примет решение. Выберет дорогу. В Питер или Михайловск? В жизни. Повезет Марину туда, куда его самого потащит поэтический инстинкт.

Момент выбора. Максимальная вероятность склейки. Склейка — не обязательно перемещение предметов из одной реальности в другую. Гораздо чаще происходят склейки ментальные. Мысль, принадлежавшая тебе же, но в другой реальности, становится твоей, и ты не понимаешь, откуда она взялась. Озарение. Ты решил выпить кофе и вдруг, без всяких раздумий, налил себе чай.

— Левая дорога шире, — сказал Иосиф. — Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: именно она ведет...

Решил.

— Клоун, — произнес Вадим вслух, и Марина услышала. Похоже, услышал и Иосиф.

— Ага! — вскричал он и повернул руль, немного притормозив на повороте.

Вадим представил, как, повернув налево, в Питер, Иосиф обнаружил, что сделал правый поворот и оказался на дороге в Михайловск. Где-то он спокойно продолжил ехать домой, дочитал стихотворение, Марина закончила разговор с Вадимом...

...а здесь...

«Господи! — успел подумать Вадим. — Я не этого хотел!»

Визг тормозов, громкий удар, будто разорвался снаряд, несколько ударов послабее и — тишина. Вадим поднес телефон к уху — молчание, конец разговора. Он посмотрел на дисплей: «Аппарат собеседника отключен».

Вадим перезвонил. «Аппарат отключен». Еще раз...

— Марина! — позвал он вслух, уверенный, что она его услышит. Ему показалось, будто и он слышал тихий шепот, но не разобрал слов.

Пальцы дрожали, и он никак не мог вспомнить номер телефона службы спасения.

6.

2043. Нобелевская лекция.

На следующий день после семинара, когда я обсуждал новые идеи об управлении склейками с физиками университета, Марина Батманова и Иосиф Берский, возвращаясь в Петербург,

попали в аварию: поэт не справился с управлением на крутом повороте. Предположения желтой прессы о том, что неожиданное решение Берского повернуть не туда, куда, по идее, должен был, связано с направленной ментальной склейкой, считаю возмутительными и искажающими реальные трагические события.

Склейки различных ветвей реальности стали привычным явлением обыденной жизни. Мы пользуемся склейками, когда включаем газовую плиту и знаем, что газ добывается из месторождений, находящихся в другой ветви, где ветвление произошло много миллионов лет назад, там, где нефть и газ возникли в далеком прошлом, но разумная жизнь по тем или иным причинам не развилась, и мы ни у кого не отбираем источников энергии. Мы пользуемся склейками, отправляя и получая подарки на день рождения, Рождество и другие праздники. Мы найдем склейкам еще множество применений, и вряд ли большинство людей, пользующееся этими, как любят говорить журналисты, «дарами природы», представляет, из каких глубин физических теорий извлечены, подобно полезным ископаемым, эти дары.

Однако, имея повседневные дела со склейками, все равно трудно привыкнуть к их порой неожиданным проявлениям. По-прежнему могут исчезнуть очки и появиться в неожиданном месте в неожиданное время. По-прежнему вы можете обнаружить в сумочке кольцо, исчезнувшее полгода назад и давно считавшееся пропавшим навсегда. К этому трудно было привыкнуть раньше, и сейчас психологический барьер неприятия вряд ли стал меньше.

Я говорю это к тому, что не далее как сегодня, собираясь на лекцию, обнаружил на столе бумажную книгу малого формата с красивым изображением летящей птицы на обложке. Сверху стояло имя автора: Иосиф Берский. Название: «Пилигрим в пустыне», издание нынешнего, две тысячи сорок третьего года.

Я раскрыл книгу наугад и увидел строки, которые уже цитировал. Строки, прочитанные мне автором и никогда не публиковавшиеся. Теперь я, по крайней мере, знаю, что в одной из ветвей многомирия, а возможно, во многих, я даже смею надеяться, что во всех ветвях, кроме нашей, где события приняли трагический оборот, и Марина, и Иосиф живы. Не знаю, как сложились события там, где наши отношения продолжались, но хочу верить, что мы остались на высоте своих чувств.

Так что же случилось со старой теорией эвереттовского многомирия, родившейся еще в прошлом веке и тревожившей умы влюбленных в нее физиков в течение многих десятилетий? Что произошло с теорией, в которую и я влюбился юношей? Я бы сказал, она превратилась в зрелую женщину, в которой осталось не так уж много привлекательного. Сердца молодых людей вряд ли забьются сегодня сильнее при встрече с ней. Но мы можем сказать ей лучшее из того, что можно сказать любимой женщине, прожившей жизнь: она была хорошей матерью и воспитала очень хороших детей. И я благодарен Шведской академии наук за высокую оценку одного из них.

Спасибо.

Примечание: в тексте использованы перефразированные отрывки из нобелевских речей Ричарда Фейнмана и Иосифа Бродского.

СФИНКС, НЕРАЗГАДАННЫЙ ДО ГРОБА, ИЛИ ТАЙНА СТАРЦА ИМПЕРАТОРА

Федор Кузьмич (1777—1864), старец, живший в Сибири в XIX веке, согласно романовской легенде, возникшей еще при жизни старца, считается императором Александром I, инсценировавшим свою смерть и ставшим скитальцем.

Федор Кузьмич за свое подвижничество канонизирован в лике праведных в составе Собора Сибирских святых.

Л. Н. Толстой интересовался легендой об исчезновении и «ре-вплотении» императора и неоднократно беседовал на эту тему с великим князем Николаем Михайловичем, который подарил писателю свою книгу «Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича». По мнению Л. Толстого, «...пуская легенда остается во всей своей красоте и истинности».

Не исключено, что легенда о Федоре Кузьмиче заставила писателя творчески осмыслить тему «ухода» и отречения от мира. Возможно, уход Толстого в конце жизни из Ясной Поляны был реализацией модели поведения, отраженной в легенде о старце-императоре.

По этапу

Первое известие о Федоре Кузьмиче относится к 4 сентября 1836 года, когда он проезжал на лошади, запряженной в телегу, через Кленовскую волость Красноуфимского уезда Пермской губернии. Федор остановился у кузницы подковать лошадь, но своим поведением, и уклончивыми ответами вызвал подозрения у кузнеца, который доложил о нем властям.

Старец был задержан, так как при себе он не имел никаких документов. 10 сентября его дело было рассмотрено судом. Задержанный не смог назвать своего происхождения. По возрасту

Владимир ЛЕБЕДЕВ СФИНКС, НЕРАЗГАДАНЫЙ ДО ГРОБА...

он был непригоден для отдачи в солдаты и поэтому, как бродяга, был сослан в Сибирь.

13 октября 1836 года с 43-й партией ссыльных он был направлен по этапу в Мариинский уезд Боготольской волости Томской губернии. За время пути по этапу Федор вызвал к себе уважение заключённых и конвоиров, проявляя заботу о слабых и больных. Старец был единственным арестантом, которого не заковали в кандалы.

Годы в келье-избушке

26 марта 1837 года партия ссыльных прибыла в Томск. Федора Кузьмича приписали к деревне Зерцалы, но поселили при Краснореченском винокуренном заводе, где он прожил пять лет. Из-за возраста его не привлекали к принудительным работам. Местный казак Семен Сидоров, видя склонность старца к уединению, построил ему келью-избушку в станице Белоярской.

Странствия праведника

Обретя свободу, Федор начал странствовать по деревням Мариинского уезда. Источником его дохода было обучение детей грамоте, Священному Писанию, истории. В качестве платы Федор Кузьмич брал только пищу, отказываясь от денег. Старца начали почитать за праведную жизнь, обращались к нему за советами по различным житейским вопросам. В этот же период возникает легенда о его царственном происхождении.

Рождение легенды

К первым сообщениям о тождестве Федора Кузьмича с императором Александром I относятся следующие известные факты.

В доме Семена Сидорова, приютившего старца, появился казак Березин, долгое время служивший в Петербурге. Березин опознал в Федоре Кузьмиче покойного императора.

Появилось также свидетельство казака Антона Черкашина, который сообщал, что местный священник Иоанн Александровский, сосланный в Сибирь из Петербурга, опознал в старце царя и утверждал, что не мог ошибиться, так как неоднократно видел Александра I в столице.

Известно по рассказу казака Сидорова высказывание Федора Кузьмича, которое было расценено как наличие у него связей в петербургском обществе. Вспоминая однажды в разговоре

Красноярск и его начальство и будучи чем-то недоволен, старец сказал: «...Стоит мне только произнести слово в Петербурге, то весь Красноярск содрогнется от того, что будет».

В крестьянской семье

Эти случаи, привлечшие внимание к старцу, заставили его практически не выходить из своей кельи. Позднее он оставил станицу Белоярскую и поселился в селе Зерцалы, в бедной крестьянской семье. Из старого овечьего хлева ему сделали жилище, в котором он прожил десять лет. Жительница села позднее рассказывала, что Федор Кузьмич каждую субботу встречал партии арестантов, проходившие через окраину села, и всегда давал им щедрую милостыню. По некоторым данным, в 1843 году он работал на золотых приисках в енисейской тайге. Со слов крестьян, знавших Федора, известно, что он обладал большой физической силой: поднимал на вилы копну сена и метал ее на стог.

Встреча с Толстым и переписка с Николаем I

В 1849 году старец переселился в село Краснореченское, где крестьянин Иван Латышев построил ему келью. Сохранились воспоминания местных жителей о том, что там старца навещал иркутский епископ, с которым он разговаривал на французском языке. Старец встречался также с томским епископом Парфением (с 1863 года архиепископ Иркутский и Нерчинский). В 1850-е годы келью старца на пасеке Латышева посетил Л. Н. Толстой, который целый день беседовал с Федором Кузьмичом.

Ряд исследователей сообщает об обширной переписке, которую вел Федор Кузьмич. В числе его корреспондентов называют барона Дмитрия Остен-Сакена, в имении которого в Прилуках (Киевская губерния) долгое время хранились письма старца. Также сообщается о переписке Федора Кузьмича с императором Николаем I. Получив известие о смерти императора, старец заказал отслужить панихиду, на которой долго молился и плакал.

Дар чудотворца

В этот период начинают активно распространяться слухи, что сибирский старец — это император Александр I. Жители села Зерцалы хранили у себя в часовне оставленные Федором Евангелие, Печерскую икону Божией Матери и «раскрашенный вензель на бумажном листе, изображающий букву „А“, с короной над ней и летающим голубком вместо горизонтальной пе-

ремычки в букве». Растет также популярность старца как обладателя дара чудотворения. Сохранились истории разоблачения им беглого каторжника-убийцы, исцеления больного священника, предсказания счастливого брака и т. п. В образованном человеке с аристократическими манерами жители сибирских деревень видели личность с благородным прошлым и спрашивали Федора Кузьмича о его прошлой жизни. По воспоминаниям, он давал следующий уклончивый ответ:

«Я сейчас свободен, независим, покоен. Прежде нужно было заботиться о том, чтобы не вызывать зависти, скорбеть о том, что друзья меня обманывают, и о многом другом. Теперь же мне нечего терять, кроме того, что всегда останется при мне, — кроме слова Бога моего и любви к Спасителю и ближним. Вы не понимаете, какое счастье в этой свободе духа».

На заимке у купца

В период странствий по Томской губернии старец познакомился с купцом Семеном Феофановичем Хромовым, который в 1858 году уговорил его переселиться к нему в Томск. Федор Кузьмич проживал на загородной купеческой заимке (в настоящее время поселок Хромовка).

В Томске Федор Кузьмич регулярно посещал церковные службы в домовый церкви архиерейского дома, а позднее в церкви Казанской иконы Пресвятой Богородицы. На службах старец занимал место в сторонке, ближе к двери, и на предложение томского епископа Порфирия отвечал отказом молиться в его моленной рядом с алтарем. В начале его жизни в Сибири в его адрес высказывались упреки, что он, регулярно посещая церковные службы, при этом не подходит к причастию. Затем стало известно, что у него есть духовник — протоиерей Красноярской кладбищенской церкви Петр Попов, у которого Федор Кузьмич принимает Святые Дары, а также бывает на исповеди у томского епископа Парфения и томских иеромонахов Рафаила и Германа. Они утверждали, что знают, кто скрывается под личиной старца, но отказывались разгласить тайну исповеди.

День памяти Александра Невского

Особо Федор Кузьмич отмечал день памяти князя Александра Невского, небесного покровителя императора Александра I. В этот день он посещал своих знакомых Анну и Марфу, готовивших праздничный обед, после которого старец рассказывал:

«Какие торжества были в этот день в Петербурге — стреляли из пушек, развешивали ковры, вечером по всему городу было освещение, и общая радость наполняла любовью сердца...» Известны также рассказы старца о событиях Отечественной войны 1812 года, о жизни Петербурга, воспоминания об Аракчееве, Суворове, Кутузове.

Федор Кузьмич отличался простотой в обращении и одежде: летом носил белую рубашку из деревенского холста и шаровары, зимой надевал длинный темно-синий халат и сибирскую доху, обувался в кожаные туфли. Спал на доске, обтянутой холстом. Имел репутацию постника, не любил жирной пищи, питался в основном сухарями, вымоченными в воде, но не отказывался и от мяса. Старец много времени проводил в молитвах, вследствие чего его колени были покрыты мозолями от длительного стояния на них.

Посмертные реликвии

Незадолго до смерти Федор Кузьмич побывал у старого знакомого казака Семена Сидорова, а затем вернулся в Томск, где прожил некоторое время, страдая от застарелой болезни. Перед смертью его исповедовал отец Рафаил из Алексеевского монастыря. На исповеди старец отказался назвать имя своего небесного покровителя («Это Бог знает»), а также имена своих родителей («Святая Церковь за них молится»). Сохранился известный со слов купца Хромова его разговор с Федором Кузьмичом накануне смерти старца:

— Благослови, батюшка, спросить тебя об одном важном деле, — обратился к нему Семен Хромов.

— Говори. Бог тебя благословит, — ответил старец.

— Есть молва, — продолжал Семен Феофанович, — что ты, батюшка, не кто иной, как Александр Благословенный... Правда ли это?..

Старец, услыша эти слова, стал креститься и проговорил:

— Чудны дела Твои, Господи... Нет тайны, которая бы не открылась.

Скончался Федор Кузьмич 20 января 1864 года, согласно метрической записи восьмидесяти лет от роду. В 1866 году по инициативе купца Хромова был написан карандашный портрет старца, имевшего схожие черты лица с императором Александром I. С него томский фотограф Ефимов сделал фотоснимки, которые пользовались популярностью среди горожан. Позднее Хромов заказал у неизвестного томского художника два порт-

рета: императора Александра I (копия с известного портрета работы Д. Доу) и Федора Кузьмича, которые повесил в келии старца. Позднее портреты были помещены в часовню, построенную над его могилой.

После смерти Федора Кузьмича купец Хромов разобрал его личные вещи. Среди них им были обнаружены: документ о бракосочетании императора Александра I: «толстый лист синеватого цвета, где часть слов была отпечатана типографским способом, а часть написана от руки. Внизу листа находилась белая печать с изображением церкви»; небольшое резное распятие из слоновой кости; цепь ордена Андрея Первозванного; нарисованный вензель в виде буквы «А». Также были найдены короткие шифрованные записки, получившие название «тайна Федора Кузьмича».

«В нем моя тайна»

Незадолго до своей смерти Федор Кузьмич указал Хромову на мешочек, висевший над его кроватью, и сказал: «В нем моя тайна». После кончины старца мешочек был вскрыт; в нем обнаружили две записки — узкие бумажные ленты, исписанные с обеих сторон. Кроме этих записок сохранились написанная Федором Кузьмичем выдержка из Священного Писания, датированная 2 июня 1849 года, и конверт с надписью «Милостивому государю Семиону Феофановичу Хромову».

Содержание записок было довольно туманным и при желании позволяло интерпретировать их как в качестве подтверждения легенды об императорском происхождении старца.

Попытки расшифровать данные записки предпринимались неоднократно.

Подлинные записки считаются исчезнувшими при неизвестных обстоятельствах в 1909 году. В настоящее время сохранились лишь их фотокопии, причем не очень хорошего качества, что значительно затрудняет возможность дальнейшей их идентификации и дешифровки.

Исследователь легенды о старце В. В. Барятинский предлагал в конце XIX века следующий вариант расшифровки текстов записок.

На лицевой стороне первой записки можно прочесть следующую фразу: «Видишь ли, на какое молчание вас обрекло ваше счастье и ваше слово».

Оборотная сторона первой записки гласит: «Но когда Александры молчат, Павлы не возвещают» (в значении — когда

Александр хранит молчание, то его не терзают угрызения совести относительно Павла).

Текст на лицевой стороне второй записки: «Я скрываю тебя, Александр, как страус, прячущий свою голову под крыло».

Иван Петров, преподаватель Санкт-Петербургского театрального училища, заинтересовавшись записками, путем перестановки букв подобрал ключ для прочтения «тайны» старца. Данной расшифровкой заинтересовался великий князь Николай Михайлович и привел ее в своей работе про Федора Кузьмича.

Се Зевес И.Е.В. Николай Павлович
без совести сославший Александра
от его (чего) аз нынче так страдающь
брату вероломно вопию
Да возсия моя Держава
1837-го г. Мар. 26-го

Николай Михайлович пишет, что это — первая удачная попытка расшифровки записки.

Перевоплощение императора

Одна из легенд дома Романовых гласит, что Федор Кузьмич — это император Александр I, скоропостижная смерть которого в Таганроге породила в народе массу слухов (Н. К. Шильдер в составленной им биографии императора приводит мнения, возникшие в течение нескольких недель после смерти Александра). Вот, например, один из слухов: «государь бежал под прикрытием в Киев и там будет жить о Христе с душою и станет давать советы, нужные теперешнему государю Николаю Павловичу для лучшего управления государством». Позднее, в 30—40-х годах XIX века, появилась легенда о том, что Александр, измученный угрызениями совести (как соучастник убийства своего отца, императора Павла), инсценировал свою смерть и начал скитальческую, отшельническую жизнь под именем Федора Кузьмича. Сторонники этой версии утверждали, что вместо императора в Петропавловском соборе был погребен другой человек (часто называется фельдъегерь Масков, в семье которого долго сохранялось предание, что их предок похоронен в императорской усыпальнице). Одним из первых, кто описал легенду о сибирском отшельнике, был князь Н. С. Голицын, который опубликовал ее в журнале «Русская старина» за ноябрь 1880 года.

Вера в эту легенду сохраняется и поныне. Склонны ее под-

держивать и некоторые историки. Так, например, директор Института российской истории РАН А. Н. Сахаров в своей книге «Александр I» приводит следующие аргументы по поводу версии о «перевоплощении» императора.

Дневниковые записи особо приближенных к Александру лиц — императрицы Елизаветы Алексеевны, генерал-адъютанта П. М. Волконского и лейб-медика Я. В. Виллие. — о пребывании императора в Таганроге начинаются в один и тот же день, 5 ноября 1825 года, и заканчиваются практически одновременно: 11 ноября (у Волконского и Виллие) и 19 ноября (у Елизаветы Алексеевны). Поскольку 5 ноября никакая опасность здоровью императора еще не угрожала, то, по мнению А. Н. Сахарова, «...приходится считать такое единодушие необъяснимым, либо объяснить его лишь желанием создать единую версию течения болезни, нужную как Александру, так и этим трем его близким людям».

Противоречия в протоколе вскрытия тела императора не позволяют однозначно идентифицировать тело Александра I с телом человека, которое стало объектом этого протокола.

На смертном одре Александр, по воспоминаниям современников, был совершенно не похож на себя при жизни.

Непонятно также отсутствие на панихиде и траурных церемониях в Москве и Санкт-Петербурге императрицы Елизаветы Алексеевны и ближайшего сподвижника императора П. М. Волконского.

Существует категорическое заключение юриста А. Ф. Кони о том, что «письма императора и записки странника писаны рукой одного и того же человека».

В качестве возможных аргументов, свидетельствующих в пользу версии о тождественности императора Александра и старца Федора Кузьмича, указывают также посещения в 1873 году могилы старца великим князем Алексеем Александровичем, а в 1891 году — цесаревичем Николаем (будущим императором Николаем II), пожелавшим построить на месте кельи старца каменную церковь. Сообщается и о встрече со старцем Александра II в бытность его наследником престола. Ряд исследователей отмечают, что год рождения старца — 1777, совпадает с годом рождения Александра I. Подробное исследование обстоятельств жизни Федора Кузьмича было проведено биографом Александра I великим князем Николаем Михайловичем, который направил в Томскую губернию чиновника по особым поручениям Н. А. Лашкова. Князь обобщил полученные им све-

дения в краткой справке. В ней помещены воспоминания дочери купца Хромова, у которого жил последние годы старец Федор. Среди них упоминается следующий эпизод.

«Однажды летом (мы жили в Томске, а старец у нас на заимке, в четырех верстах от города) мы с матерью поехали на заимку к Федору Кузьмичу; был солнечный чудный день. Подъехав к заимке, мы увидели Федора Кузьмича гуляющим по полю по-военному руки назад и марширующим. Когда мы с ним поздоровались, то он нам сказал: “Паннушки, был такой же прекрасный солнечный день, когда я отстал от общества. Где был и кто был, а очутился у вас на полянке”».

Сам купец Хромов на допросе, проведенном в 1882 году Томским губернским правлением, сообщил, что не знает ничего о прошлом старца. Сообщил лишь, что тот «был наделен даром предвидения, из-за чего к нему приезжали за советом люди издалека, особенно ценили Федора Кузьмича служители православной церкви; например, однажды его посетил епископ Иннокентий, впоследствии ставший митрополитом Московским».

Даже перед своей смертью Хромов отказался сообщить что-либо о Федоре Кузьмиче, способное опровергнуть легенду о перевоплощении императора в старца. Архиепископ Вениамин (Благодатов), начавший свое служение в Сибири еще при жизни Федора Кузьмича, писал, что купец Хромов «помешался на мысли, что Федор Козьмич, живший и умерший у него, был не кто иной, как император Александр I. С этой вестью ездил он нарочно в Петербург... был выслушан комиссией подачи прошений на высочайшее имя, особенно же сошелся он, по его словам, с Победоносцевым, которому и отсюда шлет целые тетради о житии и чудесах Федора Козьмича, с доказательствами его царского достоинства».

Имеются свидетельства того, что при вскрытии гробницы Александра I в Петропавловском соборе, проводившемся в 1921 году, обнаружилось, что она пуста. В этот же период в русской эмигрантской прессе появляется рассказ И. И. Балинского об истории вскрытия в 1864 году гробницы Александра I, оказавшейся также пустой. В нее якобы в присутствии императора Александра II и министра двора А. В. Адлерберга было положено тело длиннородного старца.

Чтобы проверить достоверность слухов о пустой гробнице Александра I в Петропавловском соборе, ученые возбуждали ходоатайства об ее вскрытии: сначала — в 1960-х гг. — перед Пра-

Владимир ЛЕБЕДЕВ СФИНКС, НЕРАЗГАДАНЫЙ ДО ГРОБА...

вительством СССР, а позднее — уже перед Правительством Российской Федерации, но всякий раз безуспешно.

Окончательно ответить на вопрос, имел ли старец Федор Кузьмич какое-либо отношение к императору Александру I, могла бы только генетическая экспертиза, возможность проведения которой не исключают специалисты Российского центра судебной экспертизы.

Цветы на могиле

Почитание Федора Кузьмича началось вскоре после его смерти. Особенно посещалось населением место его погребения.

На кладбище при Алексеевском монастыре привлекает внимание одна могила. Над нею стоит простой деревянный крест, обвешанный венками из цветов. Свежими цветами покрыт и могильный холмик. На кресте, выкрашенном масляною краской, находится следующая надпись: «Здесь погребено тело великаго благословеннаго старца Феодора Кузьмича. Скончался 1864 г. 20 января». На нижней перекладине восьмиконечного креста написаны литеры: «Е. И. В. А. I», то есть «Его Императорское Величество Александр I». Крест и надпись поставлены томским купцом Хромовым, благоговевшим перед старцем. Им же и многими другими поклонниками приносились на могилу свежие цветы.

На месте кельи старца на заимке купца Хромова был основан Феодоровский мужской монастырь, под который купец отвел 60 десятин земли.

В 1904 году на деньги, пожертвованные многочисленными почитателями старца, была завершена постройка часовни над его могилой, и 16 августа ее торжественно освятили.

В семье потомков купца Семена Хромова хранятся личные вещи старца, в том числе его холщовая рубашка.

Исследование великого князя Николая Михайловича

Рассказ о тайне старца-императора можно закончить словами Николая Шильдера, написанными в 1898 году: «В этом новом образе, созданном народным творчеством, император Александр Павлович, этот “сфинкс, не разгаданный до гроба”, без сомнения, представился бы самым трагическим лицом русской истории, и его тернистый жизненный путь увенчался бы небывалым загробным апофеозом, осененным лучами святости».

Сведения о Федоре Кузьмиче по большей части известны из воспоминаний современников, в особенности купца Семена Хромова, у которого старец прожил свои последние годы. На основании этих многочисленных рассказов исследователями был написан ряд работ, посвященных загадке Федора Кузьмича. Популярность легенды о тождестве Федора Кузьмича и императора Александра I была настолько велика, что историк Н. К. Шильдер завершил свое четырехтомное жизнеописание императора рассказом о старце. Наиболее крупное исследование было проведено великим князем Николаем Михайловичем, биографом императора Александра I. Он направил в Сибирь чиновника для опроса местных жителей, знавших старца, произвел анализ почерков императора и Федора Кузьмича, а затем изложил собранные им сведения в опубликованной в 1907 году работе «Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича».

Первоначально князь считал, что все рассказы о загадке старца являются не более чем легендой, но позднее, по словам великого князя Дмитрия Павловича, изменил свое мнение и пришел к выводу о тождестве императора и старца. В 1916 году он просил у императора Николая II разрешения опубликовать свои новые исследования, но получил отказ. При этом, по словам князя Дмитрия, Николай II не отрицал реальности существующей легенды.

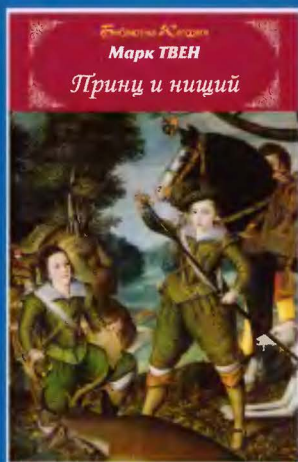
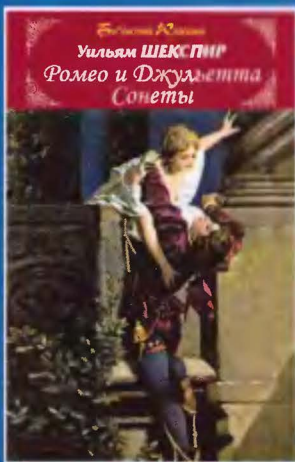
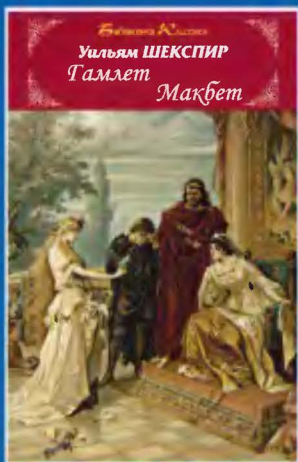
НЕВАЛЯШКА — КНИГИ НА КАРТОНЕ

детектив • фантастика • приключения

ИСКАТЕЛЬ

НАШИ НОВИНКИ

Книги можно заказать в редакции или через сайт www.iskatel.net

